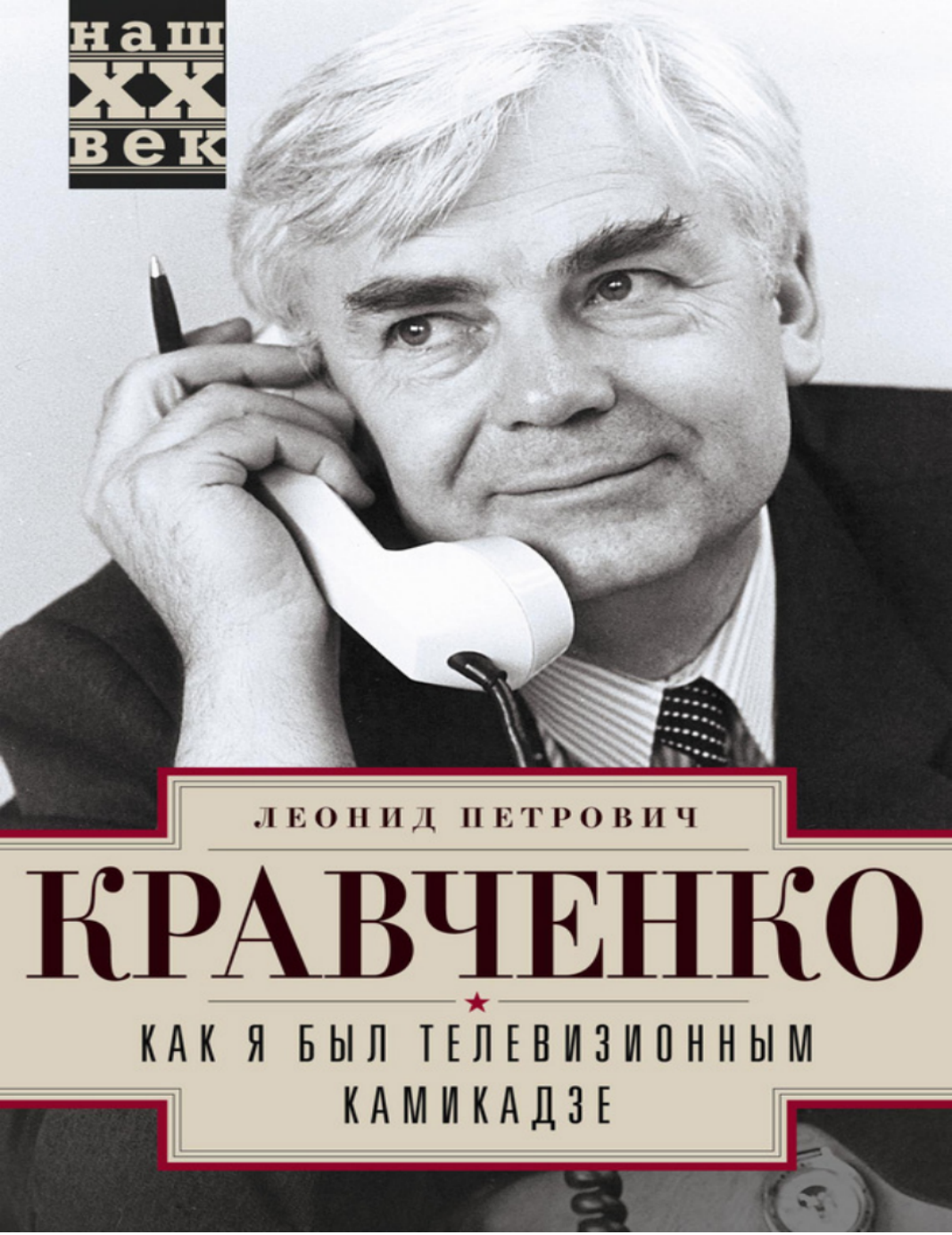
наш XX век



ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ

КРАВЧЕНКО

КАК Я БЫЛ ТЕЛЕВИЗИОННЫМ КАМИКАДЗЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

80-е годы… Начало эпохи гласности и демократизации. Первые телемосты с США, демонстрация «полочных» фильмов, рождение новых передач, появление новых ведущих. Хотелось смотреть все. Автор книги, легенда отечественной журналистики Леонид Петрович Кравченко, в то время руководил телевидением СССР. Эти годы он считает хоть и трудными, но самыми счастливыми и интересными в своей жизни. Ведь ему выпала историческая миссия – руководить нелегким процессом становления нового живого ТВ. О поражениях и победах, о том, что осталось за рамками телеэкрана, о закулисной борьбе за телеэфир двух главных политических фигур перестроечного десятилетия – Горбачева и Ельцина – он увлекательно рассказывает в своей книге.

- Леонид Кравченко
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава з
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14
  - ○ Глава 15
  - ○ Глава 16
  - ○ Глава 17
  - ○ Глава 18
  - ○ Глава 19
  - ○ Глава 20
  - ○ Глава 21
  - ○ Глава 22
  - ○ Глава 23
  - ○ Глава 24

○ Глава 25
○ Глава 26
○ Глава 27

Леонид Кравченко
Как я был телевизионным камикадзе

Издательство благодарит Антона Ореха за помощь в издании книги

От автора

Перелистывая свой фотоальбом, я всякий раз задерживаю взгляд на этой фотографии. Судьба свела меня с человеком, который, занимая самые высокие посты в Советском Союзе, стал не только выдающимся реформатором общественно-политической жизни страны, но и одним из главных разрушителей великой державы.

Наше общение с Михаилом Сергеевичем Горбачевым начиная с 1985 года, в бытность мою руководителем Центрального телевидения, а затем генеральным директором ТАСС и председателем Гостелерадио СССР, было очень тесным, порою каждодневным. Я очень близко знал этого яркого, неординарного политика, которому искренне благодарен за возможность свободно, без оглядок на «верхи», творить на телевидении. Он запретил всем, включая правительство, вмешиваться по мелочам и опекать меня на посту руководителя телевидения и радиовещания страны. Во многом благодаря этому нам удалось создать знаменитые телемосты, популярные программы «Взгляд», «До и после полуночи», «12-й этаж», «Телеутро», «Встречи в Останкинской студии», «Прожектор перестройки», «Проблемы, поиски, решения», в которых в прямом эфире отчитывались перед народом министры правительства. Радовались люди новым программам «Играй, гармонь!», «Шире круг», песенным конкурсам. И даже глухонемые получили свой эфир.

Но счет истории суров. Крупные ошибки, допущенные Михаилом Горбачевым в ходе перестройки, необратимо привели к августовским событиям 1991 года, а меня, как и миллионы других людей в стране, сделали заложником этих событий.

Глава 1
Телевидение подросткового периода

Так случилось, что в мае 1967 года меня неожиданно пригласил на беседу в Шаболовский телецентр знаменитый человек – Николай Петрович Мушников. Заочно я знал о нем как об организаторе первых телевизионных новостей на советском телевидении. Еще в 1956 году ему поручили создать редакцию «Последних известий». Ему же доверили в 1957 году освещать Московский международный молодежный фестиваль. Всего лишь с двумя передвижными телестанциями и относительно небольшой группой теле– и кинооператоров телевизионщики умудрялись творить чудеса. А еще раньше, в мае 1956 года, Николай Петрович Мушников сумел при той же скудной технике провести первую в нашей истории телевизионную трансляцию военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади. По тем временам это было фантастикой.

В конце 1960 года Николаю Петровичу доверили создать московский канал телевидения. Именно так называлось тогда творческое объединение «Главная редакция передач для Москвы». И вот 16 января 1961 года по второму каналу вышел новый телевизионный выпуск «Московских новостей». Но работников у Николая Петровича катастрофически не хватало. И понадобилось новое решение. Тогдашний председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению Сергей Кафтанов дал особое поручение главному редактору общественно-политических программ Константину Степановичу Кузакову выделить из своих рядов группу квалифицированных журналистов для московской редакции.

Дело оказалось непростым. Лишних людей не было и у Константина Кузакова. К тому же Константин Степанович был человеком с тяжелым норовом – как у отца. А между тем отцом его был, страшно сказать, сам Иосиф Сталин. Кузаков был внебрачным сыном вождя, рожденным в сибирской ссылке. Это официально знали и в ЦК партии, где, кстати, ряд лет Константин Кузаков руководил даже идеологическим управлением. Сам он родством со Сталиным никогда не бравировал, но держался всегда с достоинством, а главное – отличался глубоким аналитическим умом, взвешенностью решений и твердым неуступчивым характером. Так что выпросить у него кадровые единицы для Мушникова было архисложно. Борьба шла за каждого человека. Но тут вмешался Московский горком партии, и

Константину Кузакову пришлось примириться с потерей нескольких своих «бойцов».

Ядро московской редакции составили В. Козловский, позднее руководивший Главной редакцией литературно-драматических передач Центрального телевидения, В. Стрельников, А. Вороткова, Э. Свердлова – дочь Якова Свердлова, П. Доброхотов, Г. Боровик – будущая жена Генриха Боровика, И. Казакова – дочь советского посла, режиссеры Н. Колчицкая и Т. Кравченко. Люди, надо сказать, талантливые, они оставили яркий след в истории тележурналистики.

Руководителем же последних известий ЦТ, тут же переименованных в «Телевизионные новости», на первом канале стал знаменитый Юрий Фокин, о котором разговор будет особый.

Итак, с легким трепетом я вошел в крошечный по размерам кабинет Николая Петровича Мушникова, пригласившего меня на смотрины. Взглянув на Николая Мушникова, я впал в смятение. Со мной мягко поздоровался человек с изувеченным тяжелым ранением лицом. На месте правой стороны черепа – огромная вмятина, глубоко запавший невидящий глаз. Он заметил мое смущение и легким жестом руки, указывая на лицо, заметил: «Страшный след войны». Но потом улыбнулся: «Правда, голова работает исправно, иногда лишь по погоде мучают боли…»

Уже через минуту смущение прошло. На меня смотрел доброжелательный человек, который не скрывал, что пристально изучает собеседника. Признался, что ему порекомендовали меня. С легкой, чуть ироничной улыбкой сказал: «Говорят, что вы молодой, но уже талантливый, работящий и надежный…»

Перед Николаем Мушниковым лежали вырезки моих публикаций из «Строительной газеты». «Вот внимательно ознакомился с некоторыми вашими статьями. Особо обратил внимание на репортажи по строительству Останкинского телецентра. Понравилось…»

После небольшой паузы спросил: «А вас не тянет на телевидение?» Я признался, что неравнодушен к телевидению и даже успел два раза выступить на московском канале с рассказами о крупных новостройках.

– Знаю и об этом, – уточнил Мушников. – Но работа у нас адская – день и ночь и нередко без выходных. Не хватает кадров, но самое поганое – дефицит всего. Не хватает пленок, камер, осветительной аппаратуры. Выкручиваемся за счет кинолюбителей, фотографов и устной оперативной информации. Так что к нам идти – как на добровольную каторгу…

На первой же беседе Николай Петрович показал мне объемную картотеку, где выстроилась целая вереница карточек в

алфавитном порядке.

– Это мой кадровый резерв. Вот и на вас личная карточка уже имеется. – И он предъявил мне на картонном бланке мое коротенькое досье.

По всему чувствовалось, что Николай Петрович мне симпатизировал. И он предложил: «Давайте посмотрим редакцию». Рядом с его маленькими кабинетом было помещение, забитое столами. «Это служба новостей», – отрекомендовал он работников, едва вмещавшихся за столами. Потом отправились посмотреть маленькую монтажную и поднялись на второй этаж. Там кабинет был посолиднее, но за каждым из шести столов числилось по три-четыре «творца». Это был отдел тематических передач. Он выпускал уже ставшие популярными телеобозрения «Москва и москвичи», «Москва вчера, сегодня, завтра», сатирический тележурнал «Глаз за глаз…».

Потом Н. Мушников подвел меня к свободному столу и сказал: «А вот это стол моего первого заместителя. Присматривайтесь. Возможно, это будет ваш стол».

Беседа позже продолжилась. Мою кандидатуру утвердили на коллегии Госкомитета и в Московском горкоме партии. Так в июне 1967 года началась моя телевизионная биография.

К великому сожалению, мне не посчастливилось долго поработать вместе с Николаем Петровичем Мушниковым. Вскоре он тяжело заболел и через семь месяцев умер. Для всего телевидения и для меня лично это было тяжелейшей утратой. К тому же все тяготы руководства редакцией легли на мои плечи.

Такого адского творческого напряжения никогда не сваливалось на меня. Работал в каком-то угаре. И тем не менее это время до сих пор вспоминаю как великую школу телепознания, где всему пришлось быстро учиться: сценарному делу, режиссуре, монтажу, организации репетиций и даже неоднократно выступать в роли ведущего передач.

Во всех редакциях на Шаболовке теснотища была невероятная. Пройдет еще полтора года, и состоится великий переезд в Останкино. Но тогда, в 1967 году, телевизионщики сидели, как говорится, друг у друга на голове. На одну творческую группу приходился один стол. За ним сидел телевизионный редактор, а при нем еще значились режиссер, его ассистент, помощник и даже сценарист. Вместе собирались где придется: в коридорах, буфете, на дому, летом – в парках и т. д. Полностью редакцию можно было лицезреть лишь в дни зарплат.

Эта работа «на бегу», «на скаку» накладывала на готовящиеся передачи отпечаток поспешности, торопливости. И тем не менее очень мало было среди нас равнодушных. Почти у каждого горели

глаза, затевались бурные споры, дискуссии. Шел непрерывный поиск новых передач, новых форм, неожиданных телевизионных ходов и открытий.

Сегодняшние молодые режиссеры, их ассистенты, редакторы, репортеры, телеведущие, монтажеры и представить себе не смогут, что в те далекие годы не было, например, «синхронных камер». Нынешние «бетакамы» и прочие репортерские камеры, которые не только снимают, но и одновременно пишут звук, нам тогда и не снились. Представьте себе: кто-то дает интервью, камера его снимает, а звук через микрофон пишется отдельно. При монтаже видеоряд и звуковая дорожка этого интервью совпадали не более чем на две минуты! Дальше синхронизация разрушалась и артикуляция говорящего начинала не совпадать с видео. Поэтому съемку приходилось останавливать, делать монтажные «перебивки», чтобы снова на те же две минуты синхронизировать видеоряд и звук.

С ужасом вспоминаю монтажные столы, которые были изношены и оставляли царапины на видеопленке. Получался брак неисправимый, и, чтобы выдать передачу в эфир, руководители редакции писали рапортички в телецентр о том, что брак они берут на себя. Технические службы телецентра таким вот образом сохраняли себе премии, перекладывая ответственность за плохое состояние техники, ее изношенность на плечи творческих работников.

Компьютерной техники не было и в помине, поэтому все титры, начиная от названия передачи и кончая фамилиями ее создателей, писались вручную художниками-текстовиками на планшетах. В студии на двух пюпитрах помощник режиссера выставлял в строгой последовательности эти титры, заставки и по команде в нужный момент ловко убирал их из эфира. Правда, не всегда удавалось сделать это быстро, и тогда телезрители неожиданно видели в эфире, как чья-то рука убирает на их глазах эти самые титры. А случалось и так, что в титрах художники делали орфографические ошибки, а еще хуже, когда в спешке помощники режиссеров выдавали титры, перевернутые вверх ногами.

Все эти накладки были сплошь и рядом. Из-за недостатка пленки (она лимитировалась) часто прибегали к помощи фотографий. Фоторяд в передачах использовали так часто, что фото стало предметом искусства на телевидении. Телеоператоры в студии умудрялись путем отъезда, наезда, укрупнения, мягких, плавных переходов с одной фотографии на другую создавать маленькие шедевры фотоочерков на телевидении. Жаль, что сегодня этот прием используется редко.

Самый же большой недостаток того телевидения – отсутствие электронного монтажа. Склейки, к которым прибегали монтажеры, занимали много времени и снижали качество видеоряда. Эта техническая бедность, ограниченность изобразительных средств приводили к неожиданным, парадоксальным формам телепрограмм. Главное заключалось в том, что при отсутствии синхронных камер и электронного монтажа передачи, как правило, шли живьем. Практически все общественно-политические передачи выходили прямо в эфир. Так называемые «разговорные» телепередачи составляли основу общественно-политического вещания.

Конечно, при этом допускались многочисленные накладки, всякого рода сюрпризы, которые так характерны для живого, открытого телевидения. Но парадокс как раз заключался в том, что они создавали эффект доверия у телезрителей. Старшее поколение хорошо помнит живые выходы КВН, когда юморески, шутки, прибаутки, конкурсы хотя и сопровождались накладками, оговорками, но были в цене за свою открытость, непосредственность, неприглаженность, за неповторимый «эффект присутствия» на событии в момент его свершения.

Однако случались и такие накладки, которые сплошь и рядом вели к разборкам на самом верху. Ведь живые политические передачи всегда чреваты неприятностями. А времена-то были суровыми, спрос и контроль – жесткими. Вот почему каждое утро на телевидении руководители редакций и технических служб собирались в кабинете заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Георгия Александровича Иванова. На планерках он дотошно разбирался с каждой ошибкой (даже в титрах!), каждой накладкой. При этом был суров, но справедлив. Мне тоже не раз приходилось бывать в его «бане», но обид не осталось.

Без преувеличения скажу, что Георгий Александрович Иванов обладал незаурядными способностями организатора и высокой эрудицией. Во многом благодаря ему удалось в какие-то три года не только осуществить переезд основных творческих подразделений в Останкино, но и втрое увеличить объем вещания. Он стоял у истоков большинства новых циклов телепрограмм, фильмов, общественно-политических, литературных и музыкальных передач. В паре с другим крупным государственным деятелем тогдашним председателем Госкомитета Николаем Николаевичем Месяцевым они смогли осуществить много новаций.

Одним из крупнейших телевизионных проектов того времени станет историко-революционный документальный сериал

«Летопись полувека». Его подготовка и показ были приурочены к 50-летию Октябрьской революции. Для создания каждого фильма были организованы творческие группы из числа лучших режиссеров, сценаристов, операторов, редакторов, авторитетных ученых, историков, консультировавших фильмы. Правительство своим решением выделило дополнительные средства, которые позволили закупить дополнительную телевизионную технику, оборудование, оплатить нелегкий творческий труд создателей уникального сериала. Убежден, «Летопись полувека» и сегодня остается ценным историческим документом своего времени.

В 50 фильмах по каждому году давалась историко-философская трактовка событий. Главной ценностью фильмов были и остаются факты, хотя трактовка их временами была идеологизированной.

Сериал показывался по телевидению в течение восьми месяцев. Истинной правдой является то, что миллионы людей с огромным интересом смотрели эти фильмы, а многие телезрители оказывались героями этих фильмов. Я сам свидетельствую, что огромное число людей торопились с работы к началу очередной серии. Усаживались у экранов семьями, вместе с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери и как много им удалось совершить. В том числе одержать историческую победу над фашизмом, восстановить от разрухи в послевоенные годы города и поселки, фабрики и заводы, построить новые гигантские электростанции, металлургические заводы, современные химические производства, новые железнодорожные магистрали…

Первый показ первой серии «Летописи полувека» состоялся 21 апреля 1967 года. А через две недели – 8 мая по телевидению и радио прошла торжественная церемония зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата перевезли из района Дубосеково, где смертью храбрых пали 28 героев-панфиловцев.

Вот как вспоминает Николай Месяцев об этом поистине трогательном и горестном событии, когда на Могиле Неизвестного Солдата в присутствии всего руководства страны и знаменитых военачальников вспыхнул Вечный огонь славы:

«Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всей Москвой висел легкий, словно пух, туман, едва пробиваемый солнечными лучами.

Через считаные минуты скажет проникновенные слова памяти павших Николай Григорьевич Егорычев – фронтовик, первый секретарь Московского горкома партии, мой сверстник и

единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторят благодаря телевидению и радио Москва, вся страна – от западных ее границ до восточных.

Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Плакал и я.

Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь – вверх на улицу Горького, к гостинице «Москва», в сторону Большого театра – повсюду были люди, мои дорогие москвичи… У всех – слезы на глазах, слезы памяти горестных утрат в Великой войне, где мы оказались победителями над хитрым, сильным врагом, над фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо…

Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная страна. Мы уже научились связывать воедино передачи телевидения и радио, синхронизировать их прямой выход в эфир. Часы отсчитывали последние секунды захоронения Неизвестного Солдата. И вот вспыхнул Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра…

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Госкомитет.

Бывают минуты, мгновения, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать. Не истратить вовеки…»

Глава 2
Как создавалась «Минута молчания»

Но уже на следующий день ровно в 18.50 в эфир на телевидении и радио вышла знаменитая передача «Минута молчания», которая стала святым ритуалом в День Победы на вечные времена.

Но история создания этой поистине исторической передачи начиналась двумя годами раньше. Первой эта идея родилась у замечательной журналистки Ираны Казаковой, сподвижницы Николая Мушникова. Мы с нею знакомы и дружим уже более сорока лет.

А начиналось все так. В феврале 1965 года Ирану Дмитриевну пригласил к себе на разговор главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков. Сославшись на руководство Госкомитета, он попросил: «Подумайте, чем нам ознаменовать двадцатилетие победы».

Дальше приведу слова воспоминаний самой Ираны Казаковой:

«Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам и формирования «вымученных» внутренних монологов. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделье». Но идея пришла именно в момент такого безделья. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо с рукописным вариантом сценария помчался к председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал сам Николай Николаевич, и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Вместе со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, мы сочиняли текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете.

Ровно месяц изо дня в день в девять утра мы уже оказывались в кабинете председателя комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, «сам брал ручку в ручку» и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это было действительно так: «в грамм добыча из тонны руды».

Часто к работе подключались члены коллегии комитета. Хорошо помню подсказки первого зама председателя Энвера Назимовича Мамедова, еще одного зама Георгия Александровича Иванова.

Мучительные поиски каждой фразы, каждого слова продолжались. В те дни ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались.

На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Если к чему-либо она, как эллинская богиня, прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире – дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту молчания в эфире вплести перезвон кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра.

И не просто перезвон, а вызвоненную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он все выковывался. Страничка литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность – сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, – спросила Екатерина Тарханова, – ты можешь молиться?» – «Не знаю, – ответила Енютина, – давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Ее и стали накладывать на готовую фонограмму.

Сама «Минута молчания» открывалась великим голосом

Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву! – Тревожно-торжественные звуки метронома приковывали внимание. – Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грез» Шумана.

«Товарищи! – задушевно и трепетно произнесла первые слова Енютина – да так, что сердце упало. – Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе…» Звучала молитва, и если человек шел, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Еще не отзвучали последние аккорды передачи, как я услышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас, плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц. Это были святые слезы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное – сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссер телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссера не выходили из кинопроекционной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатленные фронтовыми кинооператорами. Горы пленок. Снова «в грамм добыча из тонны руды».

Наконец смонтировали семнадцать с половиной минут изображения – именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять пленку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовет». Пригласили актрису, одели во все черное. Как бы от Родины-матери она стала читать текст, но это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего толкового не удавалось.

Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на телестудии, а мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой, бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечного огня в 1965 году в Москве не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на пленку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения – одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К черту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали все – все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для «Минуты молчания», как откликался каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке – студии «Б» – соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись – ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь.

Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и завороженно смотрели на живое пламя. Мы понимали, что точнее изображения не придумаешь, потому что именно огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнем в волнующее до глубины души триединство.

Режиссер Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на кинопленку, сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела…

Близилось 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссер проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собралось все руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссер, ассистент режиссера, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссера нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова – ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грез» Шумана в кадре во весь экран заполыхал огонь. Величественный и негасимый, он бился как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей…» Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!» Мгновенно заработала кинопроекционная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись, – огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссер заметила это и успела дать команду включить кинопленку. В кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнем по-пластунски полз помощник режиссера, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» – сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Снова раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далекой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой…» И снова мертвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды остановили эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы все не отрывались от огня, каждый уже думая о своем, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели опустив голову. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» – прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Все началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошел ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете, что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице «Советская». Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал – позывные колокольчики. Танкисты встали. И семнадцать с половиной минут стояли не шелохнувшись. Эти закаленные боями люди, не знавшие слез, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая желтенькая почтовая открытка. На ней размашисто – адрес:

Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо, Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу».

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти павших – «Минута молчания». За эти годы много перемен пришлось на долю этой передачи.

Уходили и приходили новые руководители страны и Гостелерадио. В бытность Л. Брежнева возникла даже тема «Малой Земли», где, оказывается, наступил решающий перелом в войне. В 90-х годах удачно будут вводить новые нюансы, нивелируя напоминания о советском прошлом.

Менялись и дикторы. На смену Вере Енютиной придет голос Юрия Левитана. Но теперь уже исчезнет молитвенное звучание текста. Более удачным окажется до сих пор звучащий голос Игоря Кириллова. Он мягче, задушевнее и, может быть, торжественнее, как напоминание о великих жертвах и великой Победе. Но того молитвенного обращения Родины-матери уже, пожалуй, никогда не произойдет.

Тем важнее снова вспомнить тот первый авторский коллектив, который создал великую национальную программу-реквием: Николая Месяцева, Ирану Казакову, Екатерину Тарханову, Наталью Левицкую, Веру Енютину, Светлану Володину.

Глава 3
Эфир ошибок не прощает

В 70—80-х годах программу все больше перегружали официальной государственной и партийной хроникой: переговоры, визиты, встречи, награждения, приветственные телеграммы по случаю каких-либо успехов. И, конечно, на первом плане генсеки, члены политбюро, министры… Эту программу считали главной государственной телепередачей, и ее, как правило, смотрело все руководство.

Прекрасно понимало это и руководство Гостелерадио, его новый председатель Сергей Лапин, и потому до самого начала вечернего эфира шел непрерывный прессинг со стороны руководства Гостелерадио, главного редактора службы новостей, выпускающих, режиссеров – доставалось всем. Нигде не было такой нервной обстановки, как в кабинете программы «Время». Но эфир жесток, он не прощает оплошностей. Поэтому накладки случались почти каждый день, а телевизионщиков все чаще мучили нервные срывы.

Ситуация усугублялась тем, что почти все наиболее важные события передавались в прямом эфире. А вожди наши дряхлели, и телевидение лишь подчеркивало это, что, на мой взгляд, все больше дискредитировало самих партийных и государственных «боссов». Сказать об этом прямо никто не решался.

Самые неприятные, порой анекдотичные случаи происходили с Леонидом Брежневым.

…Вот он приезжает на торжественную встречу в Алма-Ате. В программе пребывания несколько встреч. На первой же из них – самой важной – Леонид Ильич выходит на трибуну, неспешно, как всегда, вынимает из внутреннего кармана свою речь и, слегка откашлявшись, приступает к чтению. Однако уже к четвертой-пятой минуте становится ясно, что он произносит речь, заготовленную для другой аудитории. Наступает замешательство. Да и сам Брежнев почувствовал, что произносит нечто не то. К нему из президиума заседания быстро подбегает помощник и вручает другой текст. Проявив потрясающее хладнокровие, Леонид Ильич начинает произносить нужную речь с теми же первыми словами обращения: «Дорогие товарищи!»

Конечно, последовали потом разборки на высшем уровне. Заодно удалось установить, что в разных карманах Л. Брежнева лежали разные речи. Просто не в тот карман он полез. Пожурили и телевидение, хотя прямой эфир не позволял никаких иных

вольностей. Тем более что трансляцию вели наши друзья – казахские телевизионщики.

Конечно, в вечернем повторе все было показано чистенько. Как будто ничего не случилось.

Другой пример – совсем уж интимного свойства. Леонид Ильич прибывает в Кишинев. На перроне – море цветов, встречают первые лица республики и три красавицы-молдаванки в расписных одеяниях и с хлебом-солью. Леонид Ильич обнимается, крепко целует каждую, а одну особо обнял и громко так сказал: «Ну, красавица, навести меня сегодня вечерком…»

Эфир услышал, в стране услышали. А в республике острые на язык хохмачи в тот же день припомнили, как моложавый Леонид Ильич, возглавлявший в прошлом Молдавию, был очень охоч до женского пола…

Самыми распространенными в Кремле церемониями были всякого рода награждения. У всех руководителей звездами и орденами грудь была украшена сполна. Больше всех, конечно, у Леонида Ильича, и эти церемонии он особо почитал.

Вот вернулся из космоса очередной экипаж космонавтов. На этот раз он был интернациональным, в команде был и польский космонавт.

Награждение и приветствие взял на себя наш генсек. Все торжественно обставлено. Рядом в шеренге – космонавты и высокие гости, включая польского посла.

…Пауза ожидания торжественной церемонии затягивается. Телекамеры уже все детали обстановки, приготовлений высветили. И вдруг раскрываются створки красивой двери дворца и появляется Леонид Брежнев. Он семенит ногами, буквально скользя по ковру, но почему-то идет не к гостям, а мимо – все по той же ковровой дорожке и доходит уже до следующей двери. Но там створки вовремя открываются, и двое офицеров в парадной форме бережно разворачивают Брежнева и деликатно под руки препровождают его в нужное место – на коврик перед микрофоном. На этот раз текст уже приготовлен на столике и Брежнев, с трудом произнося слова, справляется с приветственным словом. Далее идет прикалывание звезд Героя, объятия и мужские поцелуи…

Потом по программе – возвращение в Звездный городок. В автобусе – напряженная тишина. Всех не оставляет гнетущее состояние от увиденного на церемонии в Кремле. И тут в какой-то момент встает со своего кресла в автобусе Алексей Леонов и, имитируя шаркающее по ковру движение ног в Кремле генсека, вдруг обращается к награжденным, и особенно к польскому послу, с такими словами: «Ну как, ребята, наш лыжник вам

понравился?» Хохот взорвал тишину, и дальше уже весело докатили до Звездного.

А рассказал мне эту историю наш замечательный космонавт Климук, который участвовал в этом полете вместе с поляком.

Особые сложности стали возникать при трансляции выступлений Л. Брежнева, когда он уже плохо выговаривал отдельные слова и буквально «проглатывал» отдельные слоги. Наши виртуозы-монтажницы нашли и тут выход. По подсказке руководства редакции стали извлекать те самые слова и слоги из других, уже записанных ранее речей Леонида Брежнева и совершенно блистательно вставлять их в свежие речи. Телезрители, да и руководство государственное даже не догадывались об этих наших телевизионных фокусах.

Чем-то совершенно необычным обернулись смерть и похороны Леонида Брежнева и телевизионный вариант прощания с генеральным секретарем. Было хорошо известно на телевидении, что Л. Брежнев очень доверял председателю Гостелерадио Сергею Георгиевичу Лапину. Доверял в политическом, телевизионном и даже в чисто человеческом плане. Леонид Ильич слыл большим спортивным болельщиком, болел за ЦСКА. Но на стадион трудно было выбираться, тогда он звонил Лапину и говорил: «Сергей, очень хочу посмотреть сегодняшний матч ЦСКА, а по телевидению ты не показываешь. Окажи любезность, организуй трансляцию…»

Сергей Лапин и сам был заядлым болельщиком ЦСКА. Ну уж если просит Л. Брежнев, надо сделать, приходилось срочно ломать программу телевизионного дня и спешно отправлять передвижные телевизионные станции на стадион.

Рассказываю об этом потому, что смерть генерального секретаря для С. Лапина стала большой человеческой потерей. А тут еще так получилось, что за четыре дня до смерти, 6 ноября 1982 года, Леонид Ильич наградил Сергея Георгиевича Звездой Героя Социалистического Труда.

Но вот что вышло в день смерти Л.И. Брежнева. С утра в Останкино вместе с каким-то высокопоставленным человеком в гражданской форме пожаловал Сергей Лапин. Он был очень хмур, а на лице – скорбь. В кабинете генерального директора программ собрались самые доверенные лица. Лапин сообщил о горестной вести, сообщил, что смерть произошла ближе к утру и теперь перед телевидением, прежде всего перед Генеральной дирекцией программ, стоит невиданная задача. За короткое время надо тщательно отсмотреть, проанализировать все телепрограммы текущего дня и с учетом трагического события «почистить эфир», освободить от веселых развлекательных передач, от фильмов,

репортажей, где могут возникнуть ненужные ассоциации.

Тут же было решено сформировать группу самых ответственных работников и немедленно приступить к оценке и отсмотру всех передач. Никому ни слова, из кабинета, где можно было на мониторах отсматривать любые программы, не выходить. Еду доставлять на рабочее место. По всем возникающим сомнительным моментам докладывать непосредственно С. Лапину.

Было также сказано, что день официально пока не объявляется траурным. Все откладывается на завтра.

Возник вопрос насчет концерта, посвященного Дню милиции. Он всегда напрямую показывался 10 ноября, и это был чуть ли не лучший концерт года. На этот вопрос человек в гражданской форме заметил, что концерт в Колонном зале уже отменен. Будут отменены и другие увеселительные мероприятия.

Конечно, трудно было не предположить, что по Москве быстро поползут слухи и тайну смерти Л. Брежнева не скрыть. Тем не менее телевизионный эфир был поставлен под жесткий контроль. Приняли и другое важное решение: с завтрашнего дня все программы телевидения выстраиваются заново, как и положено в день траура, – симфонические и камерные концерты, соответствующие теленовости, реакция за рубежом, траурные мероприятия по всей стране с показом по телевидению и т. и.

Самое главное решение: два канала ТВ, первый и второй, работают в одном режиме, синхронно, на одной картинке.

Кстати, с тех пор так и повелось: как только умирали генсеки, первый и второй каналы синхронно показывали одни и те же передачи в траурном обрамлении.

Сами похороны Леонида Брежнева обернулись неприятным сюрпризом для телевидения. Все было как обычно: траурные речи, звучавшие с Мавзолея Ленина слова прощания, процессия с гробом к могиле возле Кремлевской стены. Но когда гроб опускали в могилу, вдруг сорвались веревки у изголовья. С большим трудом справились с этим невероятным инцидентом.

Но всевидящее око телевидения зафиксировало и этот исторический траурный эпизод, который потом расценивали неожиданным образом. Самый распространенный слух, воцарившийся среди народа, – быть великим переменам в стране?! Возможно, это в самом деле окажется великим предвестником скорых грядущих перемен. Но все-таки не таких скорых, как пытались предсказать тогда всякие звездочеты. Пока наступит переходный период – андроповский, затем очень странный и скоротечный – черненковский период и только потом – горбачевский, который многое буквально перевернул в стране.

Глава 4
Через газету «Труд» – во властные структуры

Для телевидения того времени, да и всей прессы едва ли не главным стал вопрос об усилении не только пропагандистской, но и организаторской роли печати, усилении критического начала в работе печати. В значительной степени это было связано с приходом к власти после смерти Л.И. Брежнева Юрия Андропова.

Мне, к счастью, к этому времени было доверено возглавить самую массовую газету в стране, да и не только в стране, но и в мире, – газету «Труд». По своему главному предназначению она как центральный орган профсоюзов должна была защищать, отстаивать интересы трудящихся. И, пожалуй, именно в этой газете чаще всего появлялись острые критические публикации и велись крупные газетные кампании.

Но далеко не всем руководителям – и в правительстве, и в краях, республиках – нравились острые аналитические статьи.

Юрий Андропов в ту пору неоднократно высказывался в пользу критического анализа состояния дел в СССР, призывая телевидение, радио, газеты острее и более глубоко освещать глубинные процессы в обществе. Но после эпохи Л. Брежнева эти призывы трудно прививались на практике.

Умные, трезвомыслящие партийные руководители в краях и областях сознательно стремились поддерживать критический дух на телевидении и в своих газетах. Они понимали, что это мощный рычаг управления. Поэтому даже подсказывали редакциям, по каким проблемам, по каким персоналиям следует выступить с критическим анализом. Каждое утро они начинали рабочий день с чтения публикаций свежего номера «своей» газеты. Отмечали прежде всего критические материалы, а нередко вырезки таких публикаций сопровождали резолюциями с поручениями своим подчиненным «Разобраться и доложить!». Руководитель мог и по телефону позвонить редактору газеты, пригласить на беседу автора статьи.

Звонки, конечно, были разные, не всегда приятные для редакций. Но уж если власть поддерживала газетное выступление, это был праздник. Вообще, забота о действенности СМИ была в те времена возведена на уровень государственной политики. И как страшно, неприятно сталкиваться ныне с полным равнодушием властей к публикациям в прессе, критическим теле–

и радиопередачам. Порой такие сенсационные разоблачения видишь по телевидению, читаешь в прессе – и хоть бы хны! Думаешь всякий раз: если это неправда – надо гнать в три шеи авторов сенсаций, а если правда – почему власти безмолвствуют? Народ это видит и тоже становится равнодушнее как по отношению к властям, так и к прессе.

О неравнодушии некоторых видных деятелей к критическим выступлениям ходили легенды. Естественно, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Очень болезненно реагировали на критику в центральной прессе партийные вожди Кунаев в Казахстане и Рашидов в Узбекистане, влиятельнейший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов.

И совсем нетерпим был к любому критическому слову всесильный глава МВД Щелоков. Доходило до идиотизма: даже крохотные критические заметки о милиции в центральных газетах приходилось согласовывать в самом министерстве. Редакторы газет знали об особых связях министра с генсеком Брежневым, Черненко и откровенно побаивались Щелокова. Но ведь потом судьба этого человека, оказавшегося вне зоны критики, сложилась трагически. Так же, как и судьба первого зама председателя КГБ Цвигуна. Оба покончили самоубийством.

Образцом внимательного отношения к прессе считались тогда первый секретарь Томского обкома партии Егор Лигачев и первый секретарь Свердловского обкома партии Борис Ельцин. О лидере Томской области было известно, что каждый номер областной газеты «Красное знамя» он прочитывал дотошно, с цветным карандашом в руке. Считал для себя принципиальным поддерживать ее публикации. Время от времени Лигачев появлялся и в редакции, встречался с журналистами и вел открытые беседы о материалах газеты. Иногда он устраивал в Томске акции всесоюзного масштаба. По инициативе Егора Лигачева на строительстве Томского нефтеперерабатывающего комбината прошла всесоюзная журналистская летучка. Пригласили на нее редакторов некоторых центральных, краевых, областных и даже многотиражных газет. Отбирали приглашенных по принципу: какое предприятие, область, край, республика прямо связаны с поставками оборудования, материалов и конструкций для строительства комбината, оттуда и звали журналистов. Надеялись, что они подключат через свои газеты местных поставщиков и ускорят сроки выполнения договорных обязательств. Да, в те времена редакции смело брали на себя организаторские функции. На этой летучке журналисты обменялись информацией, уточнили через организаторов ситуацию на стройке, графики выполнения работ и разъехались

по своим территориям для оказания агитационной поддержки Томску. Кстати, в итоге комбинат пустили досрочно, и в этом была заслуга журналистов и Лигачева, который опирался на их поддержку.

В Свердловске Борис Ельцин предложил новую форму использования местного телевидения для открытого разговора с населением области. В прямом эфире свердловчане задавали своему лидеру самые разные, порой очень неожиданные и каверзные вопросы, а он на них терпеливо в течение нескольких часов отвечал. Какая-то часть вопросов все равно оставалась без ответов – не хватало времени. Но и на них жители области через обком партии получали исчерпывающие ответы. А самые интересные проблемы, возникавшие по ходу телевизионных диспутов, становились потом предметом обсуждения на бюро обкома и с исполнительной властью. Так устанавливалась с помощью тележурналистов прямая и обратная связь власти с народом.

Еще одно важное направление, которое настоятельно прививалось тогда обществу, – правильно формировать общественное мнение, общественное сознание, опираясь на честное, правдивое изложение фактов, событий. И, конечно, журналисты обязаны нести в общество высокие нравственные и духовные идеалы. В прессе 80-х годов все это было. Минимум пошлости и грязи, всякого рода чернухи. Тогда не показывали по телевидению бесконечную цепь убийств, насилия, бандитских разборок, откровенных постельных сцен. Запрещалось даже подробное смакование технологии разбойных ограблений и покушений на человеческую жизнь. Нам говорили: «Зачем вы показываете по телевидению, печатаете в газетах инструкции на тему, как обмануть, как ограбить, как изнасиловать… Побольше нравственных оценок и анализа того, что является источником зла, какие экономические, социальные и иные корни в обществе становятся первопричиной роста преступности, пьянства, наркомании и прочих негативных явлений. Искоренять надо дурные дела, а не их последствия». Правильно, между прочим, говорили, и как это стало сегодня актуально!

Еще один важный принцип – обращение СМИ к социальным болям общества, к фактам бедной, неустроенной жизни миллионов простых людей. Нерешенный жилищный вопрос, низкие заработки, несовершенство пенсионной системы, высокий травматизм на производстве, плохое медицинское обслуживание, бездомные дети, правовая незащищенность людей и многое другое постоянно находилось в центре журналистских исследований.

Конечно, журналистика, телевидение должны были информировать, просвещать и развлекать, но главным оставалось умение слышать чужую боль, горечи человеческие. А они, как правило, выплескивались через письма читателей, которые редакции получали мешками, и многие из них публиковались. По ним проводились расследования на местах, оказывалась материальная и юридическая поддержка людям. Это укрепляло доверие к прессе миллионов сограждан. Через письма обеспечивались и поиск новых тем, а главное – обратная связь с читателями. Народ в массе доверял своим газетам, журналам, телевидению и радио. Вот так создавался эффект народности прессы 80-х годов.

В этом смысле уникальный опыт работы накопила газета «Труд», которая в ту пору была самой популярной в мире. Мне посчастливилось руководить «Трудом» в течение пяти лет – с 1980 по 1985 год. Тираж газеты вырос за это время более чем на 8 миллионов и достиг рубежа 19 миллионов 700 тысяч экземпляров. С этим тиражом газета попала в Книгу рекордов Гиннесса.

Помнится, за год «Труд» получал свыше 630 тысяч писем, из них около 520 тысяч – «крики о помощи». Именно так мы в редакции называли читательскую почту, в которой содержались просьбы и жалобы по самым острым социальным проблемам. Эти письма тщательно анализировались. По существу, они определяли план редакции на самых острых направлениях.

Что больше всего волновало тогда людей, на какие «слои», тематические группы можно было разграничивать письма? Больше всего их приходило по вопросам заработной платы и премирования – примерно каждое седьмое письмо. Задержки выплат, ошибки в распределении премий, несправедливое присвоение разрядов, отказы от доплат в выходные дни… Причем по недостаткам в премировании почта увеличилась почти на 20 процентов.

Второй крупный слой почты «Труда» был связан с пенсионным обеспечением. Поднимались в основном «вечные» вопросы о порядке назначения пенсий. Например, на 22 процента возросло тогда число запросов и жалоб по назначению пенсии колхозникам. Сказалось прежде всего слабое знание правовой основы.

Не уменьшалась почта и по трудовым спорам, неоправданным увольнениям, нарушениям режима труда и отдыха, правил техники безопасности. По-прежнему острым оставался жилищный вопрос. Известно, что строили мы в то время жилья больше всех в мире и что у нас была самая низкая

квартирная плата. Но вот парадокс: число жалоб по жилищной проблеме не снижалось. В адрес «Труда» каждое восьмое письмо приходило на эту тему. Однако менялся характер писем. На первый план вышла практика распределения квартир, плохая эксплуатация жилищного фонда, а не просто недостаток жилья. Люди ждали и были уверены, что квартиры, причем бесплатно, получат. А вот когда они сталкивались с фактами деляческого распределения жилья, то справедливо возмущались.

Газета проверяла каждую такую жалобу, расследовала письма, публиковала не только подборки этих жалоб, но и сообщала о принятых мерах.

Вообще, социальная проблематика была самой популярной в прессе. А защитная функция газет укрепляла доверие читателей к газетам, создавала эффект народного уважения и почитания.

В этом смысле опыт газеты «Труд» по природе своей, как главного издания профсоюзов, призванных защищать интересы людей, заслуживает особого разговора. Возникал вопрос: от кого же защищать трудящихся? В первую очередь от бюрократов, которые за горами бумаг не хотят видеть живого человека. От администратора-прагматика, в глазах которого человек лишь средство выполнения производственного плана. От тех, кто не умеет толково организовать труд людей, наконец, от тех хозяйственных руководителей, которые не заботятся о создании условий для безопасного труда, охраны здоровья людей на производстве.

Будучи главным редактором газеты «Труд», я договорился с руководством главного штаба ВЦСПС о совместных действиях. В газете было введено три боевые рубрики, которые мы использовали на протяжении нескольких лет: «Закон обязателен для всех», «Руководитель и коллектив», «Исключен по требованию профсоюзов». Сами названия рубрик красноречивы. Газета, выходившая феноменальным тиражом и пользовавшаяся огромным влиянием в обществе, развернула мощную критику хозяйственных руководителей, причем нередко высокого ранга, за невнимание к нуждам людей, игнорирование их справедливых требований. Особенно жесткими были выступления газеты под рубрикой «Исключен по требованию профсоюзов». Речь в материалах шла о тех хозяйственниках, которые не заботились об охране труда на производстве, в результате чего возникали травмы, аварии, тяжелые заболевания людей. Персональные дела таких руководителей рассматривались на заседаниях республиканских, краевых и областных советов профсоюзов. Иногда даже на заседаниях президиума ВЦСПС. Суровой мерой наказания для них становилось исключение из членов профсоюза.

Поначалу казалось: подумаешь – исключили? Но когда выяснилось, что начальник и его семья лишаются возможности пользоваться общественными фондами (оплата бюллетеней, льготные путевки в санатории и дома отдыха, бесплатные, по сути, путевки для детей в пионерлагеря и т. д.), стало ясно – наказание суровое. А прибавьте общественную огласку на всю страну – мало не покажется. Вскоре пошли даже жалобы от хозяйственных руководителей в ЦК КПСС и правительство на газету и председателя ВЦСПС Степана Шалаева по поводу «развязанной кампании по избиению руководящих кадров хозяйственников». Но позиция руководства профсоюзов и «Труда» была поддержана в высших инстанциях.

Мы исходили из того, что открытая, принципиальная критика, критика с позиций непременного улучшения дела, исправления недостатков, тормозящих наше движение вперед, – один из ярчайших признаков морально-нравственного здоровья общества, его жизнестойкости.

Нередко «Труд» вел мощные многомесячные кампании по житейским проблемам, волновавшим большинство семей, например низкое качество цветных телевизоров.

Помнится, я сам шесть раз возил в ремонт свой огромный цветной «Рубин». В последний приезд решил использовать свое служебное удостоверение и зашел на прием к директору телеателье. В его кабинете стал свидетелем драматической сцены. Перед директором сидела плачущая старушка и причитала: «Я лишилась света в окошке, он у меня единственный, и вот потеряла его на долгое время…» Я понял, речь идет о цветном телевизоре. Директор как мог успокаивал старушку, предлагал ей водички и даже валокордин. А потом позвал мастера и попросил разобраться с телевизором бабули. Когда она ушла, я представился, показал удостоверение главного редактора газеты «Труд» и рассказал о своих мытарствах с «Рубином». Вместе пошли и посмотрели мой телевизор. Мастер сказал, что вышла из строя какая-то пустяковая деталь стоимостью около семи рублей.

Тут же стали эту деталь искать. Опросили мастеров. Один, покопавшись в карманах, нашел то, что надо. А пока мой телевизор проходил оперативный ремонт, мы вернулись в кабинет директора. Он неожиданно выставил на стол аптечку, а рядом поставил ящик с какой-то картотекой. Заметив мой удивленный взгляд, признался: «Вот эта аптечка для стариков и старушек, которые тут бывают в глубоком расстройстве. Я их утешаю как могу. Что делать? Мы месяцами не получаем нужных деталей. А вот эта картотека как раз содержит перечень остродефицитных запчастей…»

В нашем разговоре выяснилось, что большинство цветных телевизоров, находящихся тут на ремонте, не исчерпали гарантийного срока. А тогда был такой порядок: покупателям вместе с телевизором давали книжечку с гарантийными талонами. После каждого ремонта один талончик отрывался. И так до седьмого талона, после чего покупатель имел право заменить свой телевизор на новый. Но покупатели и не догадывались, что примерно 90 процентов сходящих с конвейеров цветных телевизоров несли в себе какой-то брак. Поэтому, поменяв после семи заходов в телеателье телевизор на новый, покупатель приобретал такой же бракованный и снова маялся с ремонтом.

«Труд» начал газетную кампанию с показом всей цепочки муторной телевизионной вакханалии: заводской брак перекладывался на систему бытового обслуживания, которая должна была «лечить» или «долечивать» новенькие телевизоры, а вот «лекарств» (запасных частей) остро недоставало – в итоге самые большие муки испытывали владельцы телевизоров.

На наши выступления в течение нескольких месяцев откликнулось более 60 тысяч человек. Почта о плохом качестве цветных телевизоров вышла на первое место в отделе писем. Мы сделали обзоры этих писем, направив их в ЦК КПСС и Совет министров СССР. В итоге было принято сначала решение политбюро ЦК, а затем совместное постановление ЦК КПСС и Совмина. Этим документом не только даны были руководящие указания по улучшению качества цветных телевизоров, но и предусмотрено срочное строительство новых телевизорных заводов с заимствованной у японцев технологией.

Но вот когда эти телевизоры появятся, никто толком сказать не мог. Поэтому «Труд», а за ним и газета «Известия» продолжали критические выступления в адрес производителей и в защиту потребителя.

Однажды раздался грозный звонок от члена политбюро ЦК КПСС Г. Романова. Ему доверено было курировать эту отрасль промышленности.

– Товарищ Кравченко, почему вы продолжаете мочалить телевизорную тему? – с нескрываемым раздражением спросил он. – Разве вам не известно постановление политбюро?

Я ответил, что этот документ очень порадовал нас, ведь он принят по выступлениям газеты «Труд», но проблема еще долго не решится, а люди продолжают мучиться. Надо призвать телевизорных бракоделов к порядку…

– Бракоделов мы и без вас призовем, – жестко заметил Романов, – а вот дразнить людей прекращайте!

Аналогичный звонок, насколько я знаю, был сделан и главному редактору «Известий» Алексееву. Пройдет еще несколько лет, и только тогда появятся известные телевизоры более высокого качества. Их станут выпускать в Воронеже, Минске и Львове.

Глава 5
Отчитываемся перед Андроповым

Усилия газеты «Труд» по защите социальных интересов людей заинтересовали Юрия Владимировича Андропова. Особенно его привлекли некоторые публикации, посвященные развитию производственной демократии, самоуправления в трудовых коллективах. И вот неожиданно для меня на секретариате ЦК, который вел сам Ю. Андропов, был поставлен отчет газеты «Труд».

Как обычно в таких случаях, были заготовлены критическая справка Отдела пропаганды ЦК КПСС, проект постановления ЦК, причем явно критические. Первые выступления от лица Отдела пропаганды ЦК, некоторых секретарей ЦК были традиционно критическими. Чувствовалось, что и газету они плохо знают.

Но вот дали слово мне, как главному редактору, и я прежде всего удивил сообщением, что «Труд» получает в год более 630 тысяч писем от читателей, из них более 520 тысяч – жалобы, «крики о помощи». Для работы с письмами мы только в одном отделе писем имели штат численностью 106 человек. Ежедневно работала юридическая приемная, где принимали население опытные юристы. По ряду их жалоб корреспонденты выезжали для расследования фактов на месте, и публиковались затем острые материалы в защиту тех, кто справедливо жаловался. Для редакции анализ писем, их оценка были чутким барометром мыслей и настроения людей. Ведь газету «Труд» ежедневно читали примерно 60–65 миллионов человек, поскольку ее ежедневный тираж был 19 миллионов 670 тысяч экземпляров.

Мой краткий отчет перебил вопросом Юрий Андропов: «А вы можете нам сказать, что сегодня больше всего тревожит людей, вызывает у них негативное отношение к властям?»

Я рассказал, что в большинстве были и остаются жалобы людей по жилищной проблеме. Это примерно каждое восьмое письмо. Немало обращений в редакцию в связи с фактами несправедливого распределения квартир, низкого качества строительства жилья.

Каждое восьмое письмо приходит к нам по вопросам пенсионного обеспечения. Причем резко прибавилось число запросов и жалоб от колхозников. Здесь сказывались две причины – слабое знание правовой основы и проявления волокиты при назначении пенсий.

Каждое девятое критическое письмо – по вопросам

организации труда, заработной платы и премирования.

Примерно шесть процентов почты – по трудовым спорам, вопросам охраны труда и техники безопасности. Несколько сократилось число писем по нарушениям правил торговли, бытовому и медицинскому обслуживанию.

Обращает на себя внимание рост притока писем, в которых рабочие остро ставят вопросы об укреплении государственной и трудовой дисциплины, улучшении планирования, усилении спроса с тех, кто допускает бесхозяйственность и злоупотребление служебным положением.

Изучая почту, мы стремимся точнее учитывать интересы трудящихся, помогать им и советом и делом.

На страницах «Труда» практически ежедневно появляются письма, готовятся обзоры, юридические консультации, предпринимаются командировки «по следам письма». Непосредственно в трудовых коллективах редакция проводит дни открытого письма, которые имеют широкий общественный резонанс.

В ходе своего отчета я поставил также ряд вопросов, связанных с усилением действенности выступлений газеты и всей нашей прессы.

Неожиданным для меня был монолог секретаря ЦК Михаила Горбачева. Он дал настолько точные и профессиональные оценки, что я почувствовал, будто нахожусь на журналистской летучке, где ведется глубокий анализ содержания газеты. Мне показалось, что Михаил Горбачев даже сочувственно отнесся к моему отчету – тогда совсем молодого главного редактора.

Юрий Владимирович Андропов согласился с некоторыми критическими замечаниями, но поддержал умение газеты работать с письмами читателей, критически оценивать недостатки в социальной сфере. А потом неожиданно задал присутствующим вопрос: «А вы знаете, чем я неудовлетворен на этом заседании? А тем, что подготовленные документы к заседанию не ответили на главный вопрос: в чем феномен самой популярной в мире газеты «Труд», которая с тиражом 19 миллионов 670 тысяч экземпляров вошла в Книгу рекордов Гиннесса? Для себя вижу две причины. Газета чрезвычайно насыщена интереснейшей информацией о событиях в стране и мире. И второе – она авторитетный защитник социальных интересов людей. Посмотрите и сравните две цифры, которые имеются в моем распоряжении. Газета «Труд» получает в год более 630 тысяч писем. Причем их основной массив – критический. А вот наши профсоюзы – ВЦСПС и все отраслевые профсоюзы вместе – получают в год только 43 тысячи писем.

Сравните эти цифры, и вы поймете, кому люди больше доверяют».

Юрий Андропов, завершая заседание, попросил переделать проект постановления ЦК «О газете «Труд» и высказал мне важное поручение: начать на страницах газеты обстоятельный разговор о развитии производственного самоуправления, производственной демократии на крупных предприятиях страны. «Начните публиковать очерки о лучших предприятиях, покажите потом мне», – заключил Ю. Андропов.

Он также высказался относительно соблюдения трудовой дисциплины и трудового законодательства. «Нельзя прощать ни одного факта нарушения трудового законодательства, ущемления законных прав трудящихся», – заявил он. Но особое внимание сосредоточил на повышении роли трудовых коллективов, развитии самоуправления в производственной сфере.

Постановление ЦК «О газете «Труд» изучали во всех редакциях газет – от местных до центральных. Мне позднее позвонил сам Юрий Владимирович Андропов и попросил подготовить силами журналистов редакции серию очерков о трудовых коллективах, где уже налаживается производственное самоуправление, развивается производственная демократия. После появления первого же очерка о Калининском полиграфическом комбинате я был приглашен к Андропову. Он детально, по абзацам, проанализировал нашу публикацию. Его советы помогли в дальнейшем создать цикл очерков, которые вошли в книгу «Мы – хозяева производства». В этом названии была сформулирована вся соль развития демократии на производстве, чем позднее вплотную занялись Николай Рыжков и Михаил Горбачев.

Конечно, такое внимание Ю. Андропова вдохновляло коллектив редакции. И мы стали искать новые формы прямого диалога с нашими читателями.

Одной из таких новых, наиболее удачных форм работы оказались дни открытого письма. Приведу только один пример. Однажды на строительстве появились почтовые ящики «Труда», куда по просьбе редакции рабочие могли опускать свои письма, заявления, предложения по волнующим их вопросам. Через несколько дней журналисты проанализировали почту и определили, кого из руководителей соответствующих ведомств следует пригласить на день открытого письма.

И вот в один из вечеров большой зал Дома культуры в рабочем поселке Десногорске заполнили сотни строителей атомной станции. Встречу вел член редколлегии газеты «Труд» Виталий Головачев. На письма отвечали руководители

отраслевого министерства, местных партийных, хозяйственных и профсоюзных органов. Они давали обстоятельные ответы и разъяснения по каждому письму, жалобе, предложению, в необходимых случаях обещали принять неотложные меры, учесть предложения. «Труд» опубликовал репортаж о дне открытого письма. Выступление газеты рассмотрели Министерство энергетики и электрификации СССР, Министерство связи РСФСР, бюро Смоленского обкома партии, местные советские и хозяйственные органы.

После дня открытого письма за короткое время с помощью редакции на стройке и в поселке было решено много вопросов. Наведен порядок в учете и распределении жилой площади, установлены телефоны-автоматы, открыто второе почтовое отделение, налажена работа междугороднего переговорного пункта, упорядочена торговля товарами повышенного спроса, усилен рабочий контроль в торговле и на предприятиях бытового обслуживания. Удалось улучшить обеспечение жильцов холодной водой и отладить работу лифтового хозяйства.

Глава 6
Перед возвращением на телевидение

…Наступил 1985 год, который вошел в историю как год начала крупной политической реформы в стране. Он стал переломным и в работе отечественной прессы, которая вступила в эпоху гласности, демократизации и перестройки. Назревавшие кардинальные перемены прямо и по заслугам связывают с именем Михаила Сергеевича Горбачева, которого на мартовском пленуме (1985) ЦК КПСС утвердили генеральным секретарем ЦК. Выбор этот был трудным. Уже позднее стало известно, что в борьбе за пост генсека столкнулись две группировки. На одной стороне стояли влиятельные старожилы В. Гришин, Г. Романов, М. Соломенцев. На другой – М. Горбачев, Е. Лигачев, Н. Рыжков и др. Решающим был голос, казалось бы, консервативного министра иностранных дел Андрея Громыко. Чаша весов качнулась в сторону молодого, амбициозного Михаила Горбачева. К этому времени все устали от проводов в последний путь больных и престарелых вождей Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко.

В середине апреля я был приглашен сначала к секретарю ЦК КПСС Александру Яковлеву, а потом и к Горбачеву для неожиданного предложения. Мне напомнили, что у газеты «Труд» самый большой в мире тираж. «На самом деле самый великий тираж имеет советское телевидение, – сказал мне Горбачев. – Поэтому предлагаю переехать в Останкино, возглавить телевидение. Ты ведь там уже работал в прошлом. Будешь первым заместителем председателя Гостелерадио СССР, а по сути руководителем телевидения. Как смотришь?»

Я, естественно, отказываться не стал. Ведь мне довелось в прошлом руководить Московским каналом ТВ, а затем быть первым заместителем генерального директора программ Центрального телевидения. Телевидение знал назубок, сам делал в прошлом программы, фильмы, написал ряд статей о телевидении и даже издал собственную книгу «Тайны голубого экрана».

Итак, я согласился и стал ждать назначения.

Но меня в те дни мучили какие-то странные нехорошие предчувствия. Это было похоже на ожидание беды. Такое в «Труде» у меня случалось не единожды. Вспоминаю наши знаменитые устные вторники «Труда», проходившие, как правило, в Колонном зале. Обычно мы приглашали в первой части вечера кого-то из известных людей, они рассказывали о себе, отвечали

на вопросы из зала, а во второй части были прекрасные концерты.

Так вот, однажды мы проводили такой вечер с участием знаменитой Джуны Давиташвили – женщины, о которой ходили легенды. Она была замечательной массажисткой, но вскоре обнаружила в себе удивительные качества экстрасенса. Массаж могла делать, не прикасаясь даже к телу пациента. Легко снимала головные боли, довольно точно проводила диагностику больных органов и даже не без успеха лечила заболевания. В течение нескольких сеансов могла избавить алкоголиков от пристрастия к спиртному, наркоманов – от тяги к наркотикам. А уж внушить курящему, чтобы он навечно расстался с курением, ей было совсем просто. Все это неоднократно подтверждалось на опытах. Джуна обладала такой мощной энергетикой, что, когда к ее рукам подключали оголенные электропровода, амперметр фиксировал наличие в сети электрического заряда.

Она лечила многих знаменитостей и их сыновей, отучая пить и курить, употреблять наркотики. А попасть к ней на массаж казалось делом невероятным. Мы были знакомы с Джуной, она даже нарисовала мне на память картину («Пирамида Хеопса»).

Так вот на очередной вторник «Труда» в Колонном зале и была приглашена в качестве главного «сенсационного» лица Джуна Давиташвили. Я в этот день возвращался из командировки во Францию и заехал по пути из аэропорта в редакцию. На всякий случай позвонил в ЦК относительно вечера с участием в нем Джуны. Мне было приказано: «Джуну на сцену не выпускать. Вокруг нее создалась скандальная ситуация. Многие зарубежные посольства проявили к ней болезненный интерес. И на этот вечер попросили аккредитацию около ста послов».

Назревал скандал. Я позвонил в Колонный зал своему заместителю Геннадию Проценко и попросил его любыми способами увезти Джуну. Она впала в истерику, бросалась к телефонам, чтобы позвонить секретарям ЦК, председателю Госплана Байбакову, но телефоны мы успели отключить. Потом в истерике она бросилась домой. Ее сопровождали наш завотделом науки И. Меленевский и полковник госбезопасности, не первый день работавший с ней на правах помощника.

Дома Джуна, забежав в ванную, перерезала себе вену на руке. Но Меленевский и полковник успели влететь в ванную и убедить ее не делать глупостей. «Ну что же, – сказала она, – будь по-вашему». И проделала другой рукой массаж на кровоточащей вене, и через минуту не было ни крови, ни даже следов пореза.

Скандал тем не менее разразился нешуточный. О нем писали и в нашей, и в зарубежной прессе. Меня вызывали в ЦК для объяснения. По линии ВЦСПС я и Меленевский получили по

строгому выговору.

Такое же дурное предчувствие было у меня еще раз, когда в газете «Труд» появилась публикация «Ровно в 4.10». В ней рассказывалось о полете нашего пассажирского самолета из Эстонии в Минск. В течение почти часа самолет сопровождали в полете какие-то НЛО. Это видели все члены экипажа самолета и пассажиры. С их слов мы рассказали в публикации об этих чудесах. И экипаж, и пассажиров затем собрали вместе секретные службы и каждого в отдельности опрашивали. Все их рассказы были похожи как две капли воды. С миром всех отпустили. Но в эти недели во многих государствах мира статью «Ровно в 4.10» перепечатали огромное число газет. Ее пересказали с сенсационными комментариями крупнейшие теле– и радиокомпании зарубежных стран. По оценкам ТАСС, о содержании статьи в мире узнали более двух миллиардов читателей и телезрителей.

Тем временем в конгрессе США статью обсуждали на уровне секретных документов. Эксперты, ученые и военные специалисты пришли к выводу, что в статье фактически описывались события, очень напоминающие испытания лазерного оружия. Конгрессмены решили, что СССР примерно на пятнадцать лет опередил США в создании современного лазерного оружия – некоего «гиперболоида инженера Гарина».

Конгресс принял резолюцию об ускорении аналогичных исследований и выделил на эти цели из военного бюджета дополнительно 45 миллионов долларов.

«Труд» опять оказался в эпицентре скандала. Выяснилось, что эту статью мы обязаны были завизировать в пяти различных ведомствах, в том числе военных. А завизировали только в трех.

За эту грубую ошибку я, мой первый зам и завотделом науки получили по строгому выговору.

А что же было? Ответа на этот вопрос нет до сих пор. В одной из телевизионных передач, показанной несколько лет назад, была предпринята попытка разгадать эту тайну. Среди участников передачи были крупные специалисты, в том числе ученые и конструкторы в области ракетостроения. Высказывались две гипотезы: либо это было испытание лазерного оружия, либо запуск новых баллистических ракет. Большинство поддержало вторую версию. Но в передаче прозвучали сенсационные сообщения. Все члены экипажа того злосчастного самолета, который сопровождали НЛО, быстро заболевали и странным образом в течение двух лет покинули наш бренный мир.

Повторяю, перед этими газетными происшествиями меня мучили дурные предчувствия. Такая же тяжесть лежала у меня на

душе несколько недель в связи с приглашением перейти на телевидение. И снова сбылось это почти мистическое ожидание беды.

А было вот как.

8 мая 1985 года, вечером, в торжественной обстановке отмечалось 40-летие Победы над фашистской Германией. Докладчиком был новый генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

В опубликованной на следующий день в «Труде» на первой полосе фотопанораме на столе президиума торжественного собрания между Чебриковым и Терешковой оказалась отдельно лежащая… голова М.С. Горбачева! Неслыханно и невиданно! Длиннющий стол, чинно сидящие за ним руководители партии и правительства, на столе графин с водой и рядом с ним голова генерального, который, кстати сказать, на той же фотографии стоит на трибуне и читает доклад.

Откуда взялась вторая голова генсека и как она оказалась на столе президиума – вопрос особый. Так сказать, фатальное стечение обстоятельств плюс элементарная невнимательность автора снимка, ретушеров, редакционных служб и, конечно, моя – главного редактора.

С раннего утра звонок по «кремлевскому» телефону тогдашнего зам. зав. Отделом пропаганды ЦК В. Севрука:

– Леонид Петрович (вместо обычного обращения «Леня»)! Вы (вместо обычного «ты») свою газету хотя бы время от времени читаете?

– Безусловно.

– Так что у вас там на столе лежит между Чебриковым и Терешковой?

– Графин.

– А рядом с ним?

Тут во мне разыгралась удаль. Я подумал: «Все равно ведь сегодня снимут с работы» – и брякнул:

– Да это носовой платок лежит.

– Ну вот что, – грозно сказал Севрук. – Сегодня по этому поводу в двенадцать ноль-ноль мы собираем в ЦК у товарища Зимянина всех главных редакторов, и мы вам скажем, что там у вас лежит на столе президиума.

Не успел повесить трубку, раздался звонок от секретаря ВЦСПС Л. Землянниковой:

– Как же так, Леонид Петрович? Ужасная ошибка. Сегодня в двенадцать ноль-ноль по этому поводу собирается президиум ВЦСПС. Извольте быть. Вы ведь еще и член президиума.

Президиум назначен на то же время, что и совещание в ЦК.

Куда пойти? «Товарищ Зимянин, вы уже знаете о страшной ошибке в газете «Труд». Меня для разбора ошибки пригласили на два заседания одновременно на двенадцать часов дня. К вам, Михаил Васильевич, и на президиум ВЦСПС». Михаил Васильевич с облегчением вздохнул, чувствовалось, что он не хочет заниматься газетой профсоюзной по партийной линии, и сказал: «Идите на заседание ВЦСПС. Это же центральный орган профсоюзов». В отчаянии звоню в приемную Горбачева и прошу его помощника передать мои извинения Михаилу Сергеевичу, пытаюсь объяснить, что случилось все это конечно же не по злому умыслу, ошибка фоторепортера, то да се… Позже выяснится, что Горбачев высказался против моего увольнения, и об этом было немедленно сообщено в ВЦСПС.

Грозное начало обличительной речи председателя ВЦСПС С. Шалаева к концу неожиданно стало приобретать мажорные тона. Он вдруг заговорил о девятнадцатимиллионном тираже «Труда», о том, что «Труд» дает огромную прибыль, которой хватает, чтобы покрыть воровство в профсоюзах, что случившееся, конечно, заслуживает самого сурового наказания, но он предлагает ограничиться объявлением Кравченко строгого выговора.

Вот такая история. В тот же день помощник Горбачева рассказал мне, что генсек некоторое время в смятении разглядывал злополучную фотопанораму, а потом, рассмеявшись, попросил, чтобы Кравченко прислал ему на память десять экземпляров сенсационного номера с личным автографом.

– Ну надо же, не успел я проработать двух месяцев генсеком, как в «Труде» мне уже оторвали голову, – ехидно заметил Горбачев. Но тут же сказал, что Кравченко по партийной линии наказывать не надо. – А вот что до этих злополучных номеров «Труда», то в дальнейшем на высоких встречах с важными гостями я буду показывать эти номера и говорить: «Вот какой у нас уровень демократии. В другой стране этого главного редактора немедленно прогнали бы со своего поста грязной метлой. А вот у нас он продолжает работать».

В течение следующих трех месяцев во всех редакциях газет и на телевидении проходили собрания, на которых рассматривался печальный опыт «Труда» и лично Кравченко. Позже я понял: была сделана отсрочка до моего назначения на пост первого заместителя председателя Гостелерадио СССР.

Начиналась вторая «оттепель» после хрущевской. Теперь она уже войдет в историю как горбачевская.

Глава 7
Сергей Лапин

С того злополучного мая, когда я прошел через «чистилище» в связи с ужасной ошибкой, следующие три месяца в редакциях газет, на телевидении и радио, на партийных собраниях обсуждали в подробностях «исторический прокол» в «Труде».

Михаил Сергеевич Горбачев выжидал время, пока «уляжется пыль», как он выразился в разговоре со мной. Но уже 4 августа 1985 года я был представлен на коллегии Гостелерадио СССР в качестве первого заместителя председателя.

Короткий комментарий по этому поводу высказал председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин: «Некоторые из сидящих в зале сегодня вспомнили, конечно, ошибку в «Труде». Но это не меняет сути дела. Я искренне рад возвращению на телевидение Леонида Петровича. Вы тоже его хорошо знаете. Так что в добрый час!»

Сергей Георгиевич крепко пожал мне руку и дружески похлопал по плечу.

На самом деле я нервничал и прекрасно понимал, что моему возвращению он вовсе не радуется. Как позже он признается, в моем назначении он увидел, что грядут большие перемены в Гостелерадио СССР, а сам он уже сходящая со сцены политическая фигура.

Для того чтобы сделать такой вывод, надо было хорошо знать Сергея Георгиевича. Это был, безусловно, человек сильной воли, твердых политических убеждений, огромной эрудиции. Имел огромный опыт международной политической деятельности, руководил ТАСС, был послом в Китае и Австрии, заместителем министра иностранных дел СССР, владел иностранными языками. К тому же последние пятнадцать лет он возглавлял Гостелерадио, провел несколько крупных реформ на телевидении и радио, сумел мощно укрепить материально-техническую базу телевидения и радио. Это при нем бурное развитие получило космическое телевидение, создание стройной системы «Орбита», развитие радиорелейных линий. Опять же благодаря его международному опыту быстро удалось наладить сотрудничество со странами, входящими в систему Интервидения и Евровидения.

Весь этот многолетний опыт (пятнадцать лет – это целая эпоха) он последовательно реализовал через многие творческие начинания. Он высоко ценил музыку и литературу на телевидении. Был инициатором создания многих талантливых

многосерийных художественных и документальных фильмов. Он был заядлым театралом, и на советском телевидении появились десятки знаменитых театральных и телевизионных фильмов.

И вместе с тем у него был тяжелый, капризный характер. Редко мог кто-либо переубедить Сергея Георгиевича, если он уже принял для себя однозначное решение.

В политике Лапин последовательно отстаивал партийные позиции и в этом плане, как правило, был очень консервативен.

До прихода к руководству М.С. Горбачева Сергей Лапин имел твердую поддержку в высшем руководстве страны.

Вот что писал о Лапине известный журнал «Форбс» в начале 1986 года, когда Сергей Георгиевич покидал свой пост: «В политическом отношении Лапин представляет собой абсолютно надежного члена партии, которого можно отнести к сталинистам. В переговорах он был тверд, порой к нему трудно было подступиться. Он всегда был прекрасным профессионалом в своем деле, а следовательно, и крупной фигурой, вызывающей к себе уважение своим блестящим знанием дела. Он умел быть язвительным и своенравным, даже грубым, а потом с присущим ему шармом вновь завоевывать симпатии собеседника. Безусловно, это человек, с которым подчиненным и партнерам в переговорах приходилось нелегко».

От себя добавлю еще, что это был человек с высоким художественным вкусом. Он как магнитом притягивал к себе людей одаренных, талантливых и не терпел пошлости, примитивизма, дурновкусия. Признаюсь, если бы он был жив и руководил современным телевидением, то $^{3}/_{4}$ нынешних многосерийных фильмов и развлекательных программ никогда не появились бы на телеэкране. Но вот парадокс, он никогда бы не поддержал большинство тех новых телевизионных циклов программ, которые мне довелось вместе с моими коллегами создавать в годы горбачевской перестройки.

Позже, когда он уже ушел на пенсию, мы часто с ним виделись, поскольку жили в одном доме, общались, спорили. Но однажды Сергей Георгиевич сказал пророческую фразу: «Все то новое телевидение и современные СМИ, с таким энтузиазмом поддержавшие политику гласности и демократизации и стремящиеся порушить старое, отречься от советских идеалов, советского опыта, в конечном счете под руководством Горбачева приведут страну к полной разрухе. – Потом он дружески похлопал меня по плечу и добавил: – К счастью, я уже не стану свидетелем этой разрухи – просто не доживу. А вот тебе не завидую: с твоим честным характером ты хлебнешь много горя…»

Многие из этих слов оказались пророческими.

…Но вернемся к 4 августа 1985 года. После представления меня Сергей Георгиевич позвал к себе в кабинет и организовал маленькие мужские посиделки. Оказывается, он на следующий день уходил в отпуск и решил воспользоваться двумя поводами: обмыть мою должность, а заодно свой отпуск.

Посидели вместе часок, и Сергей Георгиевич дал массу дельных советов. Я внимательно слушал его, а про себя, грешным делом, подумал: «Ну и хитер же ты, Сергей Георгиевич, по сути, бросаешь меня в огромную телевизионно-радийную топку, где в общей сложности работали в целом по стране 96 тысяч человек, 130 телерадиоцентров, два крупных предприятия, одно из которых, Останкинский телецентр, было крупнейшим в Европе». На нем трудилось более девяти тысяч человек. А еще в системе Гостелерадио имелось четыре крупных научных центра. Кроме телевидения и внутрисоюзного радио работала мощная структура – иновещание. Это двухтысячная армия творческих и технических сотрудников, обеспечивавшая круглосуточное вещание на 83 языках мира.

Вот какая махина легла сразу на мои плечи, ну что поделаешь: отпуск так отпуск! Я был в тот момент уверен, что Лапин не случайно сразу же бросил меня в «одиночное плавание». Мысли разные приходили, в том числе и такие: выдюжит – молодец, а если нет – обнаружится ошибка высшего руководства, готовящего Кравченко на смену Лапину.

Почти уверен, именно так и полагал Сергей Лапин. Но я не подвел ни его, ни себя.

Каждый день по составленному заранее графику у меня проходили встречи с крупными творческими коллективами – главредакциями. Это были мозговые атаки, выливавшиеся в трехчасовые открытые диспуты о настоящем и будущем телевидении. А главное, о том, что в нем немедленно надо изменить, какие новые циклы программ открыть, чтобы сменить «телевизионный» репертуар. В соответствии с духом времени и задуманной М.С. Горбачевым политической реформой гласности и демократизации.

На этих творческих встречах я предложил представить себе современное телевидение как бы с чистого листа.

Моим обещаниям тотального обновления программ мало кто верил тогда.

И тем не менее в ходе мозговых атак удалось предложить около семидесяти новых циклов программ. Самым принципиальным было решение перейти на открытое прямое вещание большинства общественно-политических передач. Это означало, что политическое вещание становится бесцензурным.

Такое раньше и в дурном сне не могло присниться.

Начали с радикальных перемен в главной политической передаче «Время». Она отличалась славословием, пестрела цитатниками из разного рода приветственных телеграмм и выступлений партийных вождей. В экономическом блоке постоянно звучали трескучие сообщения о производственных успехах, техника показывалась чаще, чем люди. Реального критического анализа положения дел в экономике просто не было.

Пришлось многое и быстро ломать. Мы при этом исходили из того, что программа «Время», как и все общественно-политическое вещание, должна ориентироваться на глубокий объективный анализ всех сторон нашей жизни. Публицистическое исследование фактов и явлений действительности должно вестись непременно заинтересованно, нешаблонно, если нужно – острокритически и бескомпромиссно, но при любых обстоятельствах оптимистично, конструктивно по духу и адекватно сути происходящего.

Я вообще уходил на телевидение со сложившимся представлением, что нужна смелая, острая, жесткая постановка вопросов, которая бы обеспечивала социальную защиту людей. А на телевидении что нашел?

Люди видели в нем средство развлечения, и никто не рассматривал ТВ как скорую социальную помощь, как средство защиты. Отчего? Да оттого, что на телевидении в то время не было серьезных передач с анализом экономических и социальных проблем, которые были бы рассчитаны на обеспечение защиты интересов различных социальных групп. Поэтому, когда в программе «Время» появились сюжеты такого свойства, это вызвало немедленный отклик телезрителей. Множество людей стали присылать свои письма с просьбами помочь, защитить, выехать на место, послать в командировку, снять какой-то сюжет. Это было приятно, это ожидалось.

Перестройка потребовала от тележурналистов страстной гражданской позиции, иначе злободневность и глубина темы могли оказаться обманчивыми. Что скрыто за поверхностью факта, житейского случая, производственной ситуации, какие нравственные и социальные пружины определяют поступки людей? Как преодолеть инертность мышления? Пока, к сожалению, на телеэкране ощущалась поверхностная постановка этих проблем. Нужно было выйти на новый уровень телевизионной публицистики, разрабатывающей современную тему. Но вот беда: за долгие годы в сознании журналистов сложились устойчивые стереотипы, страх преодолеть внутренне

выстроенный забор с трудом позволял определить, что можно и что нельзя, жесткая самоцензура сковывала творчество тележурналиста.

И вот когда в программе «Время» неожиданно для страны с первых минут появились острые социальные сюжеты из провинции о человеческих горестях: о неустроенности с жильем, низкой зарплате, плохом медицинском обслуживании, бюрократической волоките, несправедливом увольнении людей, административных злоупотреблениях зарвавшихся начальников – наступил даже какой-то шок. Спасибо Горбачеву, в этот момент он уберег и программу, и руководство телевидения от грубого давления сверху. Именно с непосредственным участием Горбачева в эти первые месяцы произошли серьезные эксперименты в программе «Время». Одно из первых его выступлений, с изложением собственного видения перестройки, демократизации в стране, прошло в Ленинграде. Причем все попытки договориться с Горбачевым о прямой трансляции его речи были безуспешны. И тогда мы пошли на опасный, рискованный вариант. Всего лишь на одну камеру удалось записать выступление генсека, при этом звук речи писался прямо с камеры. Поэтому получилась как бы подпольная несанкционированная запись выступления на телевидении Горбачева. Оно было, без всякого преувеличения, ярким, эмоциональным, острокритическим. По ходу речи была подвергнута критическому анализу и экономическая, и политическая, и международная политика прежнего руководства страны.

С огромным трудом нам удалось уговорить Михаила Сергеевича дать согласие на вечерний показ в полном объеме этого выступления. Показ в техническом плане был несовершенным, но по содержанию этот выход в эфир произвел колоссальное впечатление глубиной и откровенностью оценок, отсутствием всяких заготовленных текстов. Произошел некий политический взрыв в обществе. А когда через неделю Горбачев выступил с еще одной такой яркой импровизированной речью в Минске и нам снова почти нелегально удалось показать ее в записи в рамках программы «Время», это был огромный успех уже обновленного ТВ.

Чуть позже вернувшийся из отпуска Сергей Георгиевич Лапин, оценив наш необычный эксперимент, лукаво посмотрев на меня, пошутил: «Леонид Петрович, не торопишься ли ты, мало ли какие кадровые перемены еще могут произойти… Как бы не пожалеть потом – так и партбилет потерять можно…»

Я успокоил его, признавшись, что сам очень перетрухнул. Но

когда Горбачев одобрил, страсти улеглись. Но вот у меня возникли другие проблемы – куда посложнее. И рассказал Сергею Георгиевичу о своих мозговых атаках в главных редакциях. Вот, говорю, в моем блокноте набралось уже около 50 интересных предложений от тележурналистов. Предлагают очень интересные смелые проекты. «Может, рассмотрим на коллегии Госкомитета?» – предложил я Лапину, листая свой пухлый блокнот.

Не глядя на меня, он положил перед собой чистый лист бумаги и стал на нем рисовать чертиков. Все знали об этой его привычке. Знали, что он всякий раз так делает, если сильно нервничает. Потом поднял на меня глаза и, в свою очередь, спросил: «Может, пока из этих 50 проектов хотя бы один протолкнем через коллегию?»

Установилась тяжелая пауза, после чего, еще раз внимательно посмотрев на меня, он произнес: «Ладно, валяй! Судя по всему, твое время пришло. Думаю, что больше трех месяцев мне здесь поработать не дадут. Действуй, но без авантюры, и чаще советуйся!»

Глава 8
Живое телевидение – превыше всего

Вообще, телевидение обладает рядом природных качеств, которые было бы глупо не использовать. Кроме того, что оно имеет всеохватный, всепроникающий взор, оно обладает большой доверительностью: люди, работающие на экране, особенно дикторы, ведущие, становятся для любой семьи близкими знакомыми, почти родными. По их глазам, по их настроению угадывают, что у них сегодня случилось, отчего они расстроились. Значит, телевидение входит в каждый дом, в каждую семью и рассчитывает на доверительное восприятие. Это все в природе ТВ заложено. Телевидение также требует сиюминутности восприятия: зрителю всегда хочется быть, присутствовать в момент свершения события.

Как раз эти замечательные природные качества игнорировались. Например, живое телевидение, с которого все вообще начиналось, отсутствовало. Я обнаружил, что только пол процента от всего объема вещания идет в живом прямом эфире. Кроме некоторых спортивных передач, все шло в эфир в записи. Это было связано, конечно, с застойным периодом и боязнью смелых, неожиданных высказываний.

Поэтому одно из принципиальных направлений моей работы заключалось в том, чтобы вернуть телевидению его суть. Большинство новых рубрик рассчитано было на живое, непосредственное вещание.

Социальная проблематика довольно быстро заполонила и многие общественно-политические передачи. Появились студия «Публицист», «Сельский час», «Резонанс», «Разговор по существу», «Родительская суббота», «Ускорение», «Это вы можете» и др. Популярная тема самодеятельного технического творчества, новаторского поиска, новых изобретений стала содержанием специальных циклов программ.

Перестройка на телевидении потребовала практически полного обновления форм и методов работы. Поскольку в течение только 1985–1986 годов объем прямых живых передач возрос более чем в двадцать раз, возникла совершенно новая форма – дискуссии в прямом эфире по самым острым вопросам.

Колоссальный интерес вызывали передачи, в которых в прямом эфире встречались политики, деятели культуры, писатели. Они не только спорили друг с другом, но при этом отвечали и на вопросы телезрителей. Телевизионные круглые

столы в прямом эфире с подключением вопросов телезрителей стали массовым явлением.

Ярким открытием новой телевизионной формы стали телемосты, благодаря которым в дискуссии участвовали телезрители, находящиеся в разных странах, разделенные тысячами километров суши и даже океанами. Для ведения телемостов я пригласил радиообозревателя Владимира Познера. Нередко помогал ему телевизионный комментатор Леонид Золотарский. Из иностранных тележурналистов наиболее яркой, колоритной фигурой оказался американец Фил Донахью.

С той поры прошло не так много времени, но современным мальчикам и девочкам, владеющим Интернетом, трудно представить, что в прямом эфире за международными теледискуссиями, затаив дыхание, следили сотни миллионов людей. Именно так было во время телемостов Москва – Вашингтон, Ленинград – Майнц, Киев – Кёльн, Ростов-на-Дону – Дортмунд, Москва – Токио, Волгоград – Кёльн. Телемосты не только сблизили тысячи граждан разных государств, но и подружили их. Только что пал «железный занавес». Мы мало знали друг о друге, мы привыкли быть врагами в холодной войне. Впервые в прямом эфире не высокие политики, а простые граждане смогли общаться, обсуждать волнующие их темы, узнавать друг друга. Мне вспоминается поистине взволновавшая всех встреча старых солдат во время телемоста Волгоград – Кёльн. В ней принимали участие русские и немцы, которые сражались друг против друга за дом Павлова. Слава богу, они выжили, а познакомившись на передаче, и подружились, потом ездили в гости друг к другу семьями.

Вспоминается один из откликов – ленинградца Павла Мичкова. В своем письме он признался: «Мы даже не замечали раньше, что боязнь инакомыслия – это признание собственной несостоятельности. Телемосты – одна из первых ласточек преодоления этой боязни. И я полагаю, что выскажу мнение большинства телезрителей нашей страны: ласточка очень желанная».

В ходе телемостов участники дискуссий порой затрагивали самые деликатные, самые запретные темы. Нашей стороне приходилось отвечать на каверзные вопросы: «Почему вы вошли в Афганистан?», «Почему вторглись в свое время в Венгрию, а позднее в Чехословакию?», «Почему в СССР есть политические диссиденты?» – и даже рассуждать о проблемах секса в США и СССР.

Именно так случилось на телемосте, который связывал Ленинград с одним из американских городов, где не только тема

секса или другие деликатные женские и мужские вопросы оказались в центре дискуссии.

Американские представители при согласовании сценарного плана телемоста попросили нас, чтобы они сами отобрали в студию ленинградского телевидения для дискуссии с американскими участниками телемоста тех, кого они сочтут нужным. Отбирали порой странным образом. Они уговаривали большей частью женщин в кафе, ресторанах, в парках, на улицах, в метро, в вузах, предлагая им принять участие в открытом живом телеэфире. Удалось уговорить даже нескольких ленинградских священнослужителей.

Причем всех, кто дал согласие участвовать в телемосте, американцы фотографировали. Объясняя это тем, что они затем персонально будут в ходе эфира представлять русских участников.

Чтобы не смущать таким экстравагантным предложением нашу творческую группу, американцы предложили такие же съемки с отбором участников с американской стороны сделать нашим представителям с оплатой поездки в США за счет американской телекомпании.

В чем на самом деле заключался секрет? Во-первых, с помощью фотографий, сделанных крупным планом, можно будет убедиться в том, что никаких профессиональных пропагандистов в студии с нашей стороны присутствовать не будет. И во-вторых, для американской аудитории это усиливало достоверность, что с русской стороны люди отобраны случайно самими американскими телевизионщиками. То есть это обычные ленинградцы, рискнувшие засветиться в необычной передаче.

Действительно, в ходе телемоста возникали горячие споры – и политические, и женские, и сугубо житейские. И вот в какой-то момент одна из американок спросила наших женщин: «А как у вас в России с проблемой секса?» На что бойкая учительница с нашей стороны, почти не задумываясь, ответила: «А у нас проблемы секса не существует».

Смех стоял невероятный – что в американской, что в нашей студии. Все отлично поняли друг друга. В том числе и то, что пропагандистски воспитанные в патриотическом духе наши женщины вообще никаких проблем ни в чем не испытывают, даже в сексе.

А поскольку это всем стало ясно, и возник этот всеобщий хохот. С тех пор даже появилась в нашем обществе крылатая фраза: «А у нас проблемы секса не существует».

В памяти сохранился и еще один телемост: Москва – Кёльн. В нем, разумеется, обсуждались главным образом отношения СССР

и ФРГ. Немецкий вопрос повернулся в какой-то момент исключительно через предложение поскорее разрушить стену в Западном Берлине и немедленно приступить к воссоединению обеих Германий. Споры и аргументы были традиционными, как вдруг в самом конце передачи с немецкой стороны слово взяла потрясающе красивая белокурая немка. С первых фраз она буквально заворожила всех. Говорила страстно, образно, убедительно, призывая немедленно убрать с географической карты исторический реликт – стену в Западном Берлине. Прервать ее эмоциональный диалог было чрезвычайно трудно.

А тут надо иметь в виду, что при создании телемостов Министерством связи всегда заказывались междугородние технические каналы. Причем время начала и окончания заказанного эфира хронометрировалось до секунды. И получилось так, что заключительный монолог немки завершился за пятнадцать секунд до окончания телемоста. Наши участники – бывший председатель Общества дружбы СССР – Германия, генеральный директор ТАСС Сергей Лосев, политический обозреватель Гостелерадио СССР А. Жолквер и другие представители – едва успели разинуть рот и попрощаться с немецкими телезрителями, а вот контр-пропагандистского ответа дать уже не успели. А это – прокол!

Был демарш со стороны ГДР на высшем уровне. Я приглашен был для объяснений к М. Горбачеву. Попытался все растолковать и спросил Михаила Сергеевича: «Может, нам перейти на предварительную запись, отказаться от прямого эфира?» На что он жестко заметил: «От гласности отказываться не будем. Вам следует более тщательно готовить телемосты, предусматривать любые неожиданности и даже провокации».

Телемосты мы сохранили. Больше того, на высшем уровне было дано согласие на проведение телемостов с открытыми дискуссиями американских конгрессменов и членов Верховного Совета СССР. Здесь отбирались самые опытные и осведомленные парламентарии с нашей стороны. Разумеется, американцы тоже выставляли свои лучшие силы.

Начало этих телемостов было необычным – шесть утра по московскому времени. Это очень непривычно для нас. Но приходилось учитывать разницу часовых поясов – восемь часов между Москвой и Вашингтоном. У них – 22.00 вечером, у нас – 6.00 утром. Но зато это был прямой эфир. И вечером того же дня шел повтор на нашем телевидении, в котором были совсем незначительные изменения технического характера. Как говорится, по обоюдному согласию, подчищался лишь технический мусор, небольшие оговорки, технические помехи и т.

и.

Телемосты велись несколько лет. А потом и вовсе исчезли, о чем можно только сожалеть. Но это произошло после краха горбачевской перестройки. А потом уже было не до телемостов. Хотя эта телевизионная форма и сейчас используется широко, но в другом формате. Как правило, в информационных телепрограммах с участием телекомментаторов по случаю тех или иных важных событий в момент их свершения.

Глава 9
Звезды телеэкрана

Многократно доказано, что успех любой телевизионной программы в значительной степени зависит от таланта ее ведущего. Наиболее яркие примеры – программы «До и после полуночи» и «Телемосты», которые вели Владимир Молчанов и Владимир Познер.

Когда появилась программа «До и после полуночи», ее ведущий Владимир Молчанов быстро стал телевизионной звездой. Случилось так, что мне принадлежит приоритет открытия его как телевизионной личности, как телевизионного журналиста. Мы познакомились в самолете в дни драматических чернобыльских событий. 27 апреля 1986 года мы оказались в Нью-Йорке в составе делегации советских журналистов, которые должны были принять участие в дискуссии с американскими журналистами в Нью-Йоркском университете. Я – от Гостелерадио, а Молчанов работал тогда в АПН. С нами были Владимир Ломейко, руководитель пресс-службы МИДа, и Александр Бовин, политический обозреватель газеты «Известия». Крепкая была команда. Мы подружились. В связи с чернобыльской трагедией наши дискуссии в Нью-Йорке неожиданно превратились в многочисленные интервью. Нас просили дать разъяснения, комментарии по поводу случившегося. Но ни наше посольство в США, ни мы сами толком ничего не знали, а говорить что-то надо было. И я был поражен тому, какие чудеса изворотливости и находчивости продемонстрировали мои коллеги, в том числе и Володя Молчанов, чтобы не выглядеть профанами.

Когда мы возвращались из Нью-Йорка, Ломейко, который хорошо знал Молчанова по работе в АПН, многому научил его, порекомендовал Владимира для работы на телевидении. Так и сказал мне: «Не пожалеешь, стоит его взять к себе комментатором».

Я всерьез принялся за решение этой проблемы, потому что оно оказалось непростым. Тогда в Гостелерадио существовал довольно сомнительный принцип борьбы с семейственностью в подборе кадров. Ведь, что ни говори, а только в Москве работало в Гостелерадио 22 тысячи человек, а в стране в его системе – около 87 тысяч. Но тем не менее действовал неписаный закон, по которому нельзя было допустить, чтобы родственники оказались в одной организации, причем не важно, какая у тебя должность,

ты можешь работать в гараже, а твоя жена или сестра, скажем, не может стать комментатором. И в этом случае проявился этот странный принцип. Выяснилось, что на телевидении работает сестра Владимира Молчанова, известный спортивный комментатор по теннису Анна Дмитриева. Это стало камнем преткновения. Начальник управления кадров Игорь Лобанов подчеркивал, что этот принцип чрезвычайно важен во все времена. Фактически же он нарушался бесконечное количество раз. Было много случаев, когда люди работали в одной редакции, на телевидении и радио, знакомились, влюблялись, справляли свадьбы, становились мужем и женой и продолжали работать в одном и том же отделе. На это закрывали глаза – не увольнять же их! И мне пришлось использовать запрещенный прием.

В те дни как раз проходил партийный актив Гостелерадио. Я был главным докладчиком. И вот, выступая, заговорил о поиске и приглашении на телевидение талантливых журналистов из газет, информационных агентств. Привел пример с Молчановым. И, обращаясь к Лобанову, спросил его:

– Вот вы, Игорь Дмитриевич, боретесь с семейственностью в Гостелерадио, не берете поэтому Молчанова. А разве правильно, что вы – начальник Главного управления кадров, а жена ваша стоит во главе юридического отдела Гостелерадио? Вот тут семейственность может иметь самые неприятные последствия.

Это сильно подействовало. Вопрос о приглашении Молчанова был мгновенно решен уже на следующий день. Как раз тогда мы размышляли о том, каким быть ТВ и радио в утренние и вечерние часы. И Владимиру Молчанову я доверил создание программы «До и после полуночи».

Большую роль в рождении этой программы сыграло несколько человек, в том числе Ольвар Какучая, который был тогда одним из руководителей информационной службы ТВ и в определенной степени оказался причастным к поискам новых форм утреннего и вечернего вещания. С относительно небольшим кругом лиц мы размышляли о том, какие это могут быть передачи, над их формой, структурой. Кстати, тут не обошлось и без участия Молодежной редакции, которую я подключил к созданию вечерней программы. Ее позднее назвали «Взгляд».

Передачу «До и после полуночи» стали вместе вести Владимир Молчанов и диктор Майя Сидорова. Это были лучшие времена для программы. Эта пара хорошо друг друга дополняла. Позднее Молчанов пригласил к себе в напарницы Ирину Зайцеву – тоже талантливую тележурналистку. Программа «До и после полуночи» выгодно отличалась своей новизной, была своеобразной, утонченной по своей стилистике. А

интеллигентный ведущий, работающий в необычной манере, не навязывающий категорично свое мнение, а как бы доверительно делящийся с вами тем сокровенным, что затрагивает самые тонкие стороны вашей души, придал ей еще больший шарм и аромат. И диалог с умным, деликатным ведущим-собеседником, и красивая остроумная девушка рядом с ним, и интересные люди, приглашенные в передачу, – все это завораживало. В программе было множество новой информации, познавательной, неожиданной. В том числе занимательной научной, из жизни животных, воспроизведенной в картинках Книги рекордов Гиннесса. Были репортажи, нередко сенсационного характера, широко использовались сюжеты зарубежной телехроники. И эта программа стала одной из любимых в народе.

Позднее, в условиях политических противостояний, передача стала, к сожалению, политизироваться и терять свою изначальную привлекательность.

Нередко в этой программе появлялись люди, которые занимали изначально жесткую политическую позицию, и мне казалось, что это доставляет определенные неудобства самому Молчанову. Он всегда выглядел тоньше, интеллигентнее, умнее некоторых своих собеседников, которые напористо предлагали те или иные политические, очень субъективные оценки событий. И тем не менее мое уважение к этой программе, к Молчанову было настолько сильным, что я не позволял себе вмешиваться, давать Молчанову какие-либо советы и предостережения.

Лишь однажды критически отозвался о программе. Произошло это, когда в очередной передаче появился некий профессор Капустин, который был воспитан на партийной ниве, работал в Академии общественных наук и потом, сильно перекрасившись, стал выступать с довольно жестких конфронтационных позиций. И в передаче он изложил очень странную философию, в которой обосновывал «теорию трех расколов в русском народе» в XIX и XX веках. Третий раскол он назвал «расколом русского народа после октябрьского переворота», а именно расколом русских на коммунистов и некоммунистов. Он показал свою новую книгу, в которой излагал эту очень опасную теорию. В ней был заложен определенный экстремизм, разделяющий людей по политическим признакам и грозящий конфронтацией в обществе, кроме того, капустинская теория была просто несостоятельна с точки зрения научной аргументации.

Так вот, на одной из творческих летучек я обратился к Молчанову: «Володя, в твоем присутствии Капустин примерно в течение двадцати минут обосновывал некую теорию. Я удивился,

что ты промолчал и не отреагировал на эту очень странную постановку вопроса. Вот перенесите его теорию на свой собственный коллектив. Попробуйте поделить всех на русских и нерусских, а потом русских на истинных коммунистов и некоммунистов. Не знаю, как вы сможете после этого работать, но даю гарантию – коллектив расколется. А если эту теорию наложить на наше огромное общество, где 18 миллионов коммунистов? Тогда страшная трещина проляжет через все общество. Поэтому можно вести любые политические дискуссии, но обязательно с чувством гражданской ответственности».

После летучки ко мне подошел Владимир Молчанов и признался, что он просто постеснялся вступать в острую дискуссию с профессором.

Прошло полгода, и для меня стало полной неожиданностью, что Молчанов вдруг решил уйти с телевидения. Факт этот преподносился в некоторых средствах массовой информации как его недовольство «консервативной» позицией Кравченко. Хотя на самом деле все было гораздо проще. Молчанова пригласили на более заманчивую работу – независимым журналистом в «ТВ-Прогресс». Там и зарплата была значительно выше, чем в Гостелерадио, и перспективы заманчивее. Ему уже стало скучно работать в рамках программы «До и после полуночи», в команде, которая создавала передачу, возникла трещина. Уже не было тех трепетных отношений, которые связывали ведущих Молчанова и Зайцеву.

Позднее Владимир Молчанов создал яркие передачи на РЕН-ТВ и других каналах. Он постоянно подтверждал свой талант, но такого взлета, как в передаче «До и после полуночи», уже не случилось.

Еще одна яркая звезда – Владимир Владимирович Познер. К его широкой популярности и блестящей карьере я прямо причастен. Познер ведь давно работал в Гостелерадио, но знал его только ограниченный круг специалистов, профессионалов – сотрудников иновещания. Он выступал с комментариями на радио на зарубежные страны, был специалистом-американистом. Его неплохо знали радиослушатели-англосаксы. На мой взгляд, там высоко ценились его репортажи, оперативные, объективные и достаточно точные оценки, политические прогнозы.

Но вот наступил такой момент, когда я решил пригласить Познера поработать на телевидении. Тогда мы начинали целую серию телевизионных мостов с американским телевидением, еще не предполагая, какое прекрасное будущее ожидает этот цикл передач. Поначалу он не хотел переходить на телевидение. Да и председатель Гостелерадио А. Аксенов отговаривал меня. «Ты

знаешь, – убеждал меня Аксенов, – о Познере на иновещании говорят, что он антисоветчик». Но я настоял на своем и перевел Познера в Останкино, где самолично нашел ему кабинет. И вскоре он стал одним из зачинателей, создателей целой серии телемостов.

За океаном у него нашелся прекрасный партнер Фил Донахью – один из популярнейших ведущих женских ток-шоу. Он умел вести на редкость динамичные, откровенные разговоры в женской аудитории, мастерски владел искусством общения. Фил виртуозно работал на полутонах, на недоговорах, на высоком уровне утонченного восприятия женской психологии, на умении там, где надо, сделать вовремя комплимент, где-то чуть-чуть усомниться, где-то использовать острую шутку. Познер оказался не только хорошим партнером, но профессионально нередко превосходил Фила Донахью. Их невозможно было оценить как-то механически. Оба чрезвычайно одаренные, но очень разные люди, работающие в манере, которая очень быстро привлекала к ним внимание миллионов телезрителей.

Темы затрагивались самые разные: от афганской войны, ситуации в Польше, вопросов веры до того, как строится супружеская жизнь, кто в семье главный – мужчина или женщина, обсуждались самые интимные стороны жизни, например супружеская измена, особенности секса. Помнится, что наша аудитория, поначалу немножко сдержанная, потом разговорилась, и наиболее яркими личностями оказались несколько священнослужителей с нашей стороны, которые говорили на высокие этические и нравственные темы.

Это была очень смелая программа. Познер продемонстрировал свои лучшие профессиональные качества, в том числе блестящее знание языка. Английским Владимир Владимирович владеет прекрасно и ни в чем не уступает американцам – он там долго прожил, кроме того, умеет мыслить по-американски. Это совсем другое, чем просто знать язык. Это значит знать психологию, быт, нравы, обычаи народа. Познер и наш гражданин, но и американский тоже. Он никогда не бывает категоричен в суждениях. В этом смысле он ртутный: мягкая, приветливая манера общения, улыбчивые глаза, взгляд, который многозначителен сам по себе, в нем всегда глубина и ирония, порой доходящая до сарказма. Фил Донахью в этом смысле составлял ему достойную пару. На экране постоянно сохранялся образ доброжелательного человека, которому веришь изначально. И ощущение доверия к этим людям никогда не покидало телезрителя.

Это огромное искусство – быть посредником между

телезрителем и теми людьми, которых ты представляешь, с которыми ведешь диалог. Ни в коем случае не навязывать свою точку зрения, но постоянно держать нить разговора, вести коллективное исследование той или иной проблемы, искрометно дополняя друг друга короткими, лаконичными замечаниями, репликами, заставляя сталкиваться позиции и мнения, противоречивые оценки. В результате выходило, что и ты, зритель, становишься соучастником всего мыслительного процесса. Он втягивает тебя. Более того, в него втягиваются большие аудитории, по 250 человек с каждой стороны, причем это люди, которые никогда друг друга в глаза не видели и поначалу даже не доверяли друг другу. Но проходит передача, и они обнаруживают, что их оппоненты такие же люди, только другой национальности. Они как бы приехали друг к другу в гости и успели не только познакомиться, но даже понравиться, полюбить друг друга. Поэтому передачи нередко заканчивались действительными призывами приехать друг к другу в гости, обменом адресами и т. д. Этим трудным искусством телеведущего, не говоря о глубоких познаниях и широчайшей эрудиции, в совершенстве владеет Владимир Познер. Это не могло не сказаться на уровне телемостов.

Мне всегда нравилось в Познере умение в любых ситуациях сохранять чувство собственного достоинства и независимый взгляд на проблему, никогда не подлаживаться под аудиторию. Он не стремился откровенно нравиться кому-то, нравился как бы невзначай, каким-то десятым чувством находя ту грань, за которую нельзя переступать, где начинается самолюбование, самореклама, может, даже пошлость. На современном телевидении многие ведущие подчас не замечают ее, а подчас и намеренно эпатируют зрителей. Я рассказываю обо всем этом потому, что мои симпатии к Познеру остались неизменными, несмотря на то что некоторые взгляды, политические оценки у нас были и остаются разными.

Я благодарен Владимиру Познеру за серию других телемостов, за то, что он помог Донахью создать целый цикл программ о Советском Союзе, программ неожиданных, но всегда острых, глубоких, позволивших открыть Советский Союз для американцев. В Америке эти программы смотрело меньшее количество людей, чем у нас. У нас 120–140 миллионов телезрителей эти программы собирали всегда. Там – не больше 30–40 миллионов, потому что они шли по коммерческим сетям. Но тем не менее Америка хорошо узнала Познера как телевизионного человека.

Его стали часто звать для выступлений с лекциями. Он много

кочевал по Америке, по различным аудиториям США. И там вел умную, тонкую работу, донося до американцев правду о нас, открывая Советский Союз, советский народ.

Появились и традиционные встречи общественности. Они проходили поочередно в США и в Советском Союзе. И там он был модератором. Как человек известный, помогал организовать эти встречи так, чтобы создавалась атмосфера доверия, открытости, честного обсуждения самых острых проблем. Конечно, было несовпадение точек зрения, но при этом люди не ссорились, а пытались находить общий язык.

Потом появились его знаменитые программы на московском канале «Встречи с Владимиром Познером». В них обсуждались самые неожиданные проблемы: от социально-бытовых городских до каких-то семейных, психологических. Всегда он был изобретателен, интересен.

Но наступил момент, когда и Познер объявил, что уходит с телевидения. Этому предшествовали события, во время которых мы не только еще раз смогли найти общий язык, а испытали друг к другу чувство огромного доверия.

Однажды ночью меня поднял по звонку из ЦК партии Евгений Примаков и позвал на работу. Я не знал, в чем дело, приехал на Пятницкую, было около двух часов ночи, и только здесь узнал о свершившемся. Оказывается, началась война в Персидском заливе. Американцы бомбили Багдад в ответ на то, что Ирак начал агрессию против Кувейта. Последствия войны, ход ее трудно было прогнозировать. Там были и наши интересы. Расстановка сил была сложная, мы Ираку долгое время помогали, множество наших специалистов в различных сферах трудились там. И жизнь этих специалистов не могла не волновать нас. Не говоря уже о многомиллиардном долге Ирака перед СССР.

Конечно, у этого события была политическая сторона. Все мы понимали, что влияние американцев в арабском мире, безусловно, резко усилится в случае их успеха в этой войне. Но беспокоило и простое человеческое чувство тревоги. Впервые мы почувствовали в эту ночь, я во всяком случае почувствовал, острейшее дыхание смерти: мирное небо разверзлось и угроза гибели нависла над целыми регионами. Война могла перекинуться на большие расстояния, стать масштабной, могли пострадать страны, находящиеся на значительном расстоянии от зоны конфликта. Времени на раздумья не оставалось, нужно было срочно организовывать вещание. То, что решение необходимо принять ночью, еще острее напоминало печальные времена, когда приходилось работать в условиях почти чрезвычайных.

Нужно было вызвать людей. Кого? В первую очередь тех, кто

занимается программированием, работников информационных комплексов на ТВ и радио, на иновещании, подключать различных специалистов, чтобы они успели сориентироваться, перестроить утренние программы «Маяка» на радио, программы «120 минут» на телевидении. Самая большая сложность в том, чтобы срочно найти человека, который прекрасно владел бы английским языком и мог использовать зарубежные передачи, в частности американской компании Си-эн-эн, которые мы постоянно принимали на одном из каналов. Ее корреспонденты работали в это время в различных точках земного шара, в том числе вели репортажи из Багдада, Иерусалима, Саудовской Аравии, различных стран Европы и, конечно, США.

Первым человеком, к кому я обратился за помощью, на которого очень рассчитывал, был Познер. Я дозвонился до него ночью, извинился и объяснил, в чем дело. Мне не пришлось его долго уговаривать. Володя поднялся по тревоге, сказал, что машина у него есть. Я объяснил, что в Останкино нужно просматривать все передачи Си-эн-эн, отбирать наиболее существенные материалы и делать телевизионные экспресс-выпуски с нашим комментарием, которые должны выйти уже в 6.30 утра по московскому времени.

Познер сумел блестяще отработать все это время. Было несколько экспресс-выпусков телевизионных новостей. Они выходили в эфир через каждые час-полтора. Потом я слышал от некоторых омерзительные суждения, связанные с национальностью Познера. Он, по мнению своих недоброжелателей, опираясь на материалы Си-эн-эн, с открытой симпатией к Израилю и США оценивал ситуацию, которая сложилась в те часы на Ближнем Востоке. В частности, его комментарий относительно того, полетят ли иракские ракеты на Израиль или не полетят, был воспринят с таким подозрением. А Познер с определенной долей оптимизма рассуждал, что вряд ли Израиль будет подвергнут ракетному удару со стороны Ирака. Он работал на фактуре, которую предлагала Си-эн-эн.

Для нас это был момент острого осмысления того, что есть нравственность в политике. В определенной степени мы пренебрегли государственными интересами. Мы понимали, что варварская акция, агрессия, предпринятая Ираком против маленькой страны Кувейта, с точки зрения нравственной не выдерживает абсолютно никакой критики. Безнравственность в политике, авантюризм, нахрапистость и наглость, с которой была развязана война, не могут поощряться. Поэтому симпатии, в том числе политические и государственные, были на стороне пострадавшего народа. И это стало нашей государственной

политикой на длительное время, хотя она имела также отрицательные последствия. Были потери в миллиардах по долгам Ирака, было охлаждение к нам в арабском мире.

Нашлись и в Советском Союзе люди, которые критиковали открытую позицию поддержки американцев, поддержки западного мира, войны, которую они скоординировали. Об этом я вспоминаю потому, что в ту ночь и в то утро Познер проявил себя как профессионал высокого класса, как человек, безотказно работающий в экстремальной ситуации, за что я очень ему признателен. Я очень сожалею, что несколько месяцев спустя Познер решил все-таки уйти с ЦТ, стать независимым телевизионным журналистом. Были предприняты энергичные усилия, чтобы удержать его от этого искушения. Переговоры с ним вели поочередно мой первый заместитель Лазуткин и я сам. Познер поблагодарил нас за внимание и признался, что у него есть выгодный контракт с американцами и что он уедет в США делать программы вместе с Филом Донахью. Это коммерческий проект, интересный в профессиональном и творческом планах, и он не имеет права поступить иначе.

Владимир Познер и сегодня телезвезда: ведет очень популярную политическую передачу «Времена», возглавляет телевизионную академию. Хотя кое-что в манере ведения передач изменилось к худшему. Нередко он не только не скрывает свои личные симпатии и антипатии в ходе передач, но даже и откровенно навязывает свои взгляды приглашенным в студию гостям. Это уже отступление от тех великих заповедей ведущего, который должен оставаться лишь посредником между участниками политических дискуссий и миллионами телезрителей. Навязывать же свою точку зрения, свою позицию не следует. Это аксиома для модератора политических передач. Впрочем, Владимир Познер и сам это хорошо знает.

Глава 10
В одной упряжке с Александром Аксеновым

Так случилось, что, когда в конце 1985 года Сергея Лапина отправляли на пенсию, меня пригласили в ЦК КПСС и согласовали предварительно мое назначение вместо С. Лапина. Уже были подготовлены документы на утверждение в должности председателя Гостелерадио. Но тут возникла неожиданная заминка.

Польское руководство настоятельно выталкивало из своей страны советского посла Александра Аксенова. Он занимал там твердые позиции и принципиально защищал интересы СССР. Вот это польскому руководству и не нравилось. Надо было его перемещать на важный руководящий пост в нашей стране. На этот момент вакансия была единственная – должность председателя Гостелерадио СССР. Все понимали, в том числе сам Аксенов, что такое назначение выглядит недоразумением. Ведь в прошлом он прошел большой путь по партийно-государственной лестнице. Работал секретарем ЦК ВЛКСМ, первым секретарем Витебского обкома партии, возглавлял министерство безопасности в Белоруссии. Был вторым секретарем ЦК Компартии и председателем правительства республики. Затем из-за нелепых осложнений в отношениях с первым секретарем ЦК Компартии республики Киселевым его переместили послом в Польшу.

А в принципе он был человеком из команды Петра Машерова, всенародного любимца в Белоруссии. Поэтому появление Киселева после трагической смерти Машерова оказалось в принципе крайне неудачным.

Назначение Александра Никифоровича в Гостелерадио, по его собственному признанию, было временным. Предполагалось, что через два-три месяца он станет заместителем председателя Правительства СССР по социальным вопросам. Но и дальше что-то с его назначением не сложилось. Сам он, спустя пару лет, тайно признался мне, почему его «тормознул» с назначением М. Горбачев.

В те времена, когда Аксенов был секретарем ЦК ВЛКСМ, ему пришлось по решению Бюро ЦК ВЛКСМ поехать проверять деятельность Михаила Горбачева в роли первого секретаря Ставропольского крайкома комсомола. Проверку затеяли якобы

из-за многочисленных фактов разбазаривания комсомольских взносов. Вот эти сигналы и надо было проверить. Комиссия нашла подтверждение многим фактам, сообщавшимся в письмах. Но надо было знать Александра Аксенова. Он был человеком удивительно порядочным и благородным. Мне, признаюсь, редко приходилось встречать таких кристально честных людей, как Александр Аксенов, – в этом я убедился при нашей совместной работе. Понимая, что он по опыту не имел профессионального отношения к журналистике, тем более к телевидению, Александр Никифорович всецело доверился мне, и я рад, что ни разу его не подвел ни в чем.

Так вот, убедившись в моей надежности, он как-то уже в ночной час рассказал о том, как в комсомольское время прикрыл М. Горбачева, для которого расследование жалоб с мест закончилось благополучно. Но вот теперь Александр Никифорович стал гадать, сомневаться, не аукнется ли ему давняя история с нежелательным свидетелем. Он советовался, делился этими догадками со мной. Но что я мог сказать в ответ?

Думаю, дело было все-таки в другом. А. Аксенов за годы работы в Польше отстал от бурных процессов, происходивших в СССР в ходе политической реформы. Он дважды неудачно выступил в ЦК КПСС, где М. Горбачев проводил ежемесячные совещания с руководителями средств массовой информации, а дискуссии всегда открывались разговором о роли телевидения, качестве телевещания. Там оценки А. Аксенова выглядели неубедительно. И в дальнейшем получилось так, что выступать на этих совещаниях доверили мне.

Это была личная драма Александра Никифоровича, и в дальнейшем он вернулся в родную Белоруссию. Но мое отношение к нему всегда сохранялось как к человеку очень одаренному, честнейшему, большому патриоту своей страны. А главное для меня было тогда – его последовательная и твердая поддержка тех реформ, которые я продолжал осуществлять на телевидении. Аксенов же брал на себя руководство радиовещанием. Особенно на зарубежные страны, а также все, что связано со сложнейшими вопросами материально-технического снабжения, международных связей. Мы расстались потом как лучшие друзья.

Неоднократно Александр Никифорович очень умело помогал мне в сложных отношениях с руководством страны, с правительством, отдельными министрами.

Наступил момент, когда М. Горбачев затеял перетряску в правительстве. Однажды он даже признался, что министров трудно отстранять от должности, а еще труднее находить

талантливых. Я в шутку посоветовал Михаилу Сергеевичу, что в этом отношении прекрасную роль могло бы сыграть телевидение. Оно (это признано научно) обладает удивительным свойством быть рентгеном личности. «Пусть почаще появляются на телеэкране министры, и вы лучше поймете, кто есть кто», – посоветовал я Горбачеву, смущаясь некоторой собственной наглости.

Разговор мог и не иметь никаких последствий, если бы не один необычный случай. А дело было так. В стране сразу на несколько сортов хлеба повысилась цена. Повысилась на 3–4 копейки, а реакция в стране была практически революционной. И тогда мне позвонили один за другим члены политбюро Никонов и Лигачев и от имени генерального секретаря попросили дать выступление в программе «Время» министра хлебопродуктов Золотухина с комментарием, почему повысилась цена на хлеб. Я знал Золотухина чисто внешне. Это о таких, как он, Гоголь написал: «Природа недолго мудрила над его лицом». Поэтому я сказал звонившим, что у Золотухина есть заместитель с внешностью интеллектуала. Давайте его позовем. Ведь Золотухину телезрители не поверят – лицо отталкивающее. Они настояли на своем. Тогда я пригласил одного из самых талантливых политических обозревателей телевидения – Виктора Бекетова, объяснил ему сложность ситуации и попросил провести интервью с министром на достойном интеллектуальном уровне.

Они записали шесть дублей, и все это я видел на своем мониторе. Когда до выхода в эфир осталось двадцать минут, я скомандовал «Стоп!» и попросил выпускать более или менее приличный первый дубль.

Интервью с министром появилось на седьмой минуте программы «Время» и заняло около четырех минут. Спустя еще пять минут раздался звонок Горбачева: «Леонид, кто этого дурака выпустил в эфир?» Как мог, я объяснил, сославшись на поручения Никонова и Лигачева. А потом не удержался и спросил: «Михаил Сергеевич, можно встречный вопрос?» – «Ради бога, не возражаю», – согласился генсек. И тогда я нагло поинтересовался: «А кто, Михаил Сергеевич, назначил этого дурака министром?» Возникла пауза. Потом послышалось: «Разберемся!»

Через три дня министр Золотухин ушел на пенсию.

Эта история позволила мне однажды в разговоре с Михаилом Горбачевым напомнить ему об удивительной способности телевидения «проявлять» людей помимо их воли. Я вспомнил Петра I, который рекомендовал высоким чинам говорить без бумажки, не по писаному, «дабы дурь каждого видна была». И как-то в шутку осмелился сказать Михаилу Сергеевичу о

возможности создать телепередачу, которая окажется своего рода отделом кадров на общественных началах по формированию кабинета министров! И такая программа появилась под названием «Проблемы, поиски, решения».

Вел передачу острый на язык, широкоэрудированный экономист, политический обозреватель Лев Вознесенский. Для участия в ней поочередно приглашались министры во главе с одним из заместителей председателя Совета министров СССР, который курировал тот или иной правительственный комплекс, например топливно-энергетический, строительный, сельскохозяйственный, легкой или тяжелой промышленности и т. д. В студию непрерывно шли звонки от телезрителей, девушки вносили ведущему записанные телефонистками вопросы, а тот озвучивал их в прямом эфире. Вопросы порой были очень острые. И весь диалог в эфире был диалогом правительства с народом. Порой несладко приходилось министрам. На очередные передачи они шли неохотно и даже пытались уклониться. Но было решение политбюро, которое обязало правительство участвовать в передачах «Проблемы, поиски, решения». Для краткости скажу: многие министры потеряли потом свои портфели, поскольку обнаружили свою некомпетентность. Это было только на руку Горбачеву, затеявшему к тому времени большую кадровую чистку.

Глава 11
«Взгляд» и кое-что получше

Однажды в кабинете члена политбюро А.Н. Яковлева собрались четверо ответственных лиц. Кроме хозяина были главный редактор «Правды» Виктор Афанасьев, первый заместитель председателя КГБ Филипп Бобков и я. Яковлев сообщил, что через несколько месяцев будет прекращено глушение западных радиостанций. Это вызовет массу проблем. «Как уберечь нашу молодежь от тлетворного влияния западной радиопропаганды?» – именно так выразился тогда наш главный идеолог, позднее признававшийся, что «посвятил свою жизнь борьбе с КПСС и тоталитарным советским режимом».

Но это будет гораздо позднее. А тогда всем нам был задан один и тот же вопрос: что противопоставить западным «голосам», какие собственные акции мы можем предложить, включая и создание современных молодежных теле– и радиопрограмм, которые смогли бы создать конкуренцию и стать интереснее «чужих» и «зловредных».

Через несколько дней я внес свои предложения об открытии в ранние и поздние вечерние часы на телевидении увлекательных по форме и содержанию молодежных программ, причем в прямом эфире. Было это весной 1987 года.

Я собрал узкий состав членов коллегии и ряд ярких ведущих журналистов. Но первую скрипку должны были сыграть руководители информационной службы телевидения и молодежной редакции.

Во главе главной редакции информации находился тогда Григорий Шевелев. Сам он не относился к числу телевизионных публицистов, но это прекрасно образованный, великолепно знающий специфику телевизионного информационного вещания специалист. К тому же он обладает отличными организаторскими способностями, «политическим нюхом» и большой энергетикой.

В главной редакции передач для молодежи в то время собралось много талантливых личностей. Возглавляли редакцию хорошо известный в стране Эдуард Сагалаев и вечно фонтанирующий новыми идеями Анатолий Лысенко. Рядом с ними в одной команде были Александр Пономарев, ставший позднее руководителем этой редакции; Кира Прошутинская, которая в паре со своим мужем – режиссером А. Малкиным создала «Авторское телевидение»; вечно молодой Александр Масляков, которому я помог вернуть в прямой эфир знаменитый

КВН… Всех просто не перечислить.

И вот в недрах этих двух коллективов родились знаменитые на долгие годы программы «Взгляд», «До и после полуночи», утренний канал «Телеутро». В соперничестве талантливых коллективов шел поиск новых телевизионных форм.

Для создания молодежной передачи «Взгляд» пригласили несколько очень способных радиожурналистов, работавших на иновещании. Их команда быстро сформировалась и предстала позднее в качестве знаменитых телеведущих: Владислав Листьев, Александр Любимов, Владимир Мукусев, Александр Политковский. Позднее в этой команде оказались и другие журналисты. В помощь к ним я прикомандировал талантливых политических обозревателей Игоря Фесуненко и Владимира Цветова.

Передача с первых выпусков поразила неожиданными, смелыми репортажами, интервью, острыми комментариями. Причем нередко выбирались такие темы, которые еще недавно считались запрещенными.

Курировал молодежную редакцию мой заместитель, талантливый писатель-публицист Владимир Пряхин, который тоже очень помог в создании «Взгляда». И не только «Взгляда», а также таких новых программ для молодежи, как «До 16 и старше» и «12-й этаж». Особенно неожиданной оказалась программа «12-й этаж». Она посвящалась проблемам образования и задумывалась как некое телевизионное ток-шоу, в котором участвовали руководители Министерства образования, специалисты и, конечно, сами школьники. В рамках новой формы предусмотрели некую «лестницу», которая ведет как бы на 12-й этаж. На ней усаживались школьники, которые буквально мучили своими острыми, неприятными вопросами министерских чиновников.

Передача действительно с помощью самих школьников и учителей вскрывала много больных проблем. Некоторые высокие руководящие чиновники после нескольких выпусков телепередачи сочли ее антисоветской. А тогдашний ректор Ростовского университета Ю. Жданов написал даже жалобу в ЦК КПСС и потребовал принять меры по отношению ко мне как руководителю телевидения. Тогда создали даже комиссию в ответ на обращение Ю. Жданова. А я предложил комиссии провести эксперимент. Договорились в городе Тольятти создать очередной «12-й этаж». Отобрали в студию лучших школьников. На «лестницу» посадили лучших ребят – отличников в учебе, да еще из прекрасных семей. Из министерства приехали самые подготовленные для дискуссии специалисты во главе с первым замом министра.

И что же вышло? На этот раз передача оказалась самой острой из всех предыдущих. Школьники приводили убедительные примеры и аргументы в пользу того, что надо реформировать школьное образование.

Резонанс был сильным. А когда у меня снова попросили объяснений «наверху», я привел неожиданный аргумент. «Неприятные вещи, факты высказывали наши образцовые дети, комсомольцы, и мы завезли их не из Америки…» Дело не в детях, не в организации самой передачи, а в необходимости на основе этого цикла программ телевидения и рассмотреть прозвучавшие в передачах дельные предложения по совершенствованию школьного образования. Что и было сделано на специальной коллегии Министерства образования.

Но вернемся к утреннему эфиру, который надо было создавать заново с учетом прекращения глушения западных радиосигналов. Вместе с Григорием Шевелевым мы разработали концепцию программы «Телеутро». Сначала она называлась «30 минут» и шла с 7.00 до 7.30 утра. В создании передачи помогли социологи. А за основу вначале приняли вариант информационно-музыкальной передачи, наподобие «Маяка». В получасовом блоке предполагалось поначалу иметь короткий выпуск теленовостей и хорошую музыкальную нарезку из видеоклипов. Поразмышляв, пришли к выводу, что надо включить и детский мультфильм. Получилось в итоге так: сначала пять минут новости. Потом мультфильм – в 7.05. Это для того, чтобы с утра к мультфильмам посадить малышей, чтобы легче их было поднять с постели и потом отправлять в детсад. Дальше – веселая музыка.

Вышло все удачно. Но полчаса – это мало. И вот уже появилась передача «60 минут», потом «120 минут». Расширение эфира шло за счет сдвига программы на шесть утра и продления ее до восьми утра. Но и на этом не остановились. Хотели новый вариант удлинения поначалу назвать «150 минут». Но я тогда отшутился: «Ребята, 150 с утра – это много», имея, конечно, в виду 150 не минут, а алкогольных граммов. Посмеялись вместе, и пошла программа «Телеутро». Она до сих пор в эфире и еще больше расширилась в объеме. В ее структуре появилось множество различных рубрик, разнообразных интервью, интересных гостей и т. д.

Позднее по образцу первого канала утренние информационные программы поселились и на втором, и на четвертом каналах, а также на ТВЦ.

Не уверен, что в то время мы успешно с помощью утреннего молодежного телеэфира отвлекали наших радиослушателей от

«Голоса Америки». Но все-таки наши передачи получились интересными.

Они дополнились замечательной полуночной телепрограммой «До и после полуночи», а также созданным по моей инициативе молодежным информационным радиоканалом, который стал выходить в прямом эфире каждое утро в течение трех часов.

Я очень рад, что в обновлении телевидения в то время активное творческое участие принимали программные и социологические службы телевидения, которые возглавлял опытнейший программист, кандидат наук, блестящий профессионал Владимир Трусов, с которым меня на долгие годы связала крепкая мужская дружба. Она проверялась в самые драматические периоды нашей телевизионной деятельности и никогда не давала сбоев.

Всем этим программам уготована была долгая счастливая жизнь. А ведущие «Взгляда» Александр Любимов, Владислав Листьев, Владимир Мукусев, Александр Политковский, Владимир Молчанов надолго стали популярными телеведущими, а некоторые из них и народными депутатами России. Такова сила телевизионного воздействия.

Голубой экран – рентген личности. Мысль, которую я уже неоднократно повторял, впервые высказал известный теоретик телевидения Владимир Саппак. Тем более важно использовать телевидение для раскрытия ярких, талантливых личностей, людей одухотворенных, чей профессиональный и нравственный пример чрезвычайно ценен и притягателен.

В этом мы еще раз убедились, когда стали приглашать в Останкино выдающихся ученых, писателей, деятелей культуры. Особенно яркими оказались открытые встречи с академиком Д.С. Лихачевым, писателями Юрием Власовым и Сергеем Залыгиным, замечательными учителями-новаторами В. Шаталовым, Е. Ильиным. Общественный резонанс от этих телепрограмм был столь велик, что весь цикл передач был удостоен Государственной премии СССР.

Развитие духовности, народности, высокие образцы музыкальной культуры нас глубоко заботили. Поэтому мы однажды сказали себе: зачем жаловаться на низкий уровень эстрадной музыкальной культуры, засилье дешевой попсы, не лучше ли наше музыкальное вещание превратить в центр создания современной музыки, современной эстрадной песни, в которой и слова, и мелодия, и исполнитель будут нести молодежи высокий пример для подражания.

Итогом размышлений стала организация Всесоюзного

конкурса молодежной песни в Юрмале, телевизионного конкурса солдатской песни, а позднее и конкурса «Надежда».

Сколько ярких имен и полюбившихся песен родили эти конкурсы, проходившие по всей стране!

А каким поистине неожиданным открытием стала передача «Играй, гармонь!», созданная в Главной редакции народного творчества. Конкурс «Играй, гармонь!» удивил нас неожиданными открытиями и поразительными последствиями. В стране настолько быстро возрос интерес к гармони и так вырос спрос на нее, что пришлось построить пять новых фабрик по выпуску этого поистине народного инструмента. Русская частушка, русский танец под гармонь, исполненные, может быть, иногда непрофессионально, но с душой, людьми, бережно хранящими традиции своих предков, вернули к жизни целый пласт народной музыкальной культуры, а голос гармони разлился по всей России.

Меньше удавались нам экономические передачи. Тут сказывалась и некоторая несуразная ситуация, возникшая в конце 80-х годов в нашем обществе. Возник дикий перекос между стремительной политической реформой, благодаря которой процессы гласности, демократизации стали всеохватными, и экономической реформой, топтавшейся на месте. Все мы – и журналисты, и политики, и просто обыватели – с каким-то сладострастием занимались самокритикой, проклиная наши упущения, промахи в экономической, хозяйственной деятельности. Не жалея красок, бичевали низкое качество наших товаров, особенно в сравнении с зарубежными товарами первой необходимости.

Об этом писали в прессе, об этом кричали на митингах, политических сходках. И как-то незаметно СМИ стали не только критиковать всех и вся, но и напрямую замалчивать наши великие достижения во многих сферах науки, экономики и культуры.

Любая критическая передача получала огромный общественный резонанс. Так было, например, с созданной нами постоянной сатирической рубрикой «Прожектор перестройки». Смысл передачи состоял в оперативном показе вопиющих случаев бюрократизма, волокиты, хозяйственного головотяпства на телеэкране. Это было похоже на киножурналы «Фитиль» или на нынешние разоблачительные передачи Андрея Караулова «Момент истины».

На каждую такую передачу приходило до 60 тысяч откликов. Случалось и невероятное. Однажды к зданию Останкинского телецентра одновременно подкатило более десятка крупных автомобилей-трейлеров, развозивших овощи и фрукты. Они

перекрыли все движение и потребовали встречи с руководителями телевидения.

Я вышел к ним на разговор. Оказалось, уже целую неделю они колесят по Москве, требуют, чтобы разгрузили на овощных базах сотни тонн свежих овощей и фруктов. А вот овощные базы им отказывают. Намекают на взятки. Тем временем овощи и фрукты в этих огромных фурах с прицепами стали гнить. Водители потребовали: «Сделайте вот прямо здесь, в Останкине, «Прожектор перестройки» о творящихся безобразиях».

Пока мы вели переговоры, меня срочно нашли и позвали к телефону правительственной связи. На проводе был член политбюро ЦК КПСС первый секретарь Московского горкома партии Виктор Гришин. Он каким-то образом уже узнал о том, что творится в Останкине, узнал и о требовании водителей срочно на месте создать «Прожектор перестройки».

– Товарищ Кравченко, – строго сказал мне Гришин, – я распорядился немедленно разгрузить все эти машины на ближайших овощехранилищах. Через два часа проблема будет решена. Бюрократов, вымогателей строго накажем. Но, пожалуйста, давайте обойдемся без «Прожектора перестройки».

Действительно, через два часа водителей-дальнобойщиков освободили от груза. Однако мы не могли их обмануть. «Прожектор перестройки» все-таки вышел на экраны. Какова же была сила и действенность этой маленькой двенадцатиминутной передачи в стране! И как странно, что сегодня ни на одном телеканале нет ни одной сатирической документальной передачи и есть бесчисленные юмористические вечеринки, в которых с милым юмором или легким сарказмом десяток постоянных юмористов развлекают нас почти каждый день, собирая большие гонорары и мало чем помогая людям в их тяжких заботах. Разве что веселят, отвлекая от грустных мыслей. В большинстве своем они талантливы, но только как смакователи человеческих слабостей, чудачеств или просто глупости. А жесткие тяжкие боли человеческие – они даже КВН не волнуют. Какие-то отстраненные у нас от жизни сатирики!

Глава 12
Политические метаморфозы Бориса Ельцина

К началу 1988 года мы завершили на телевидении первый этап перестройки. Резко возрос в обществе интерес к новым программам. О них часто писали наши печатные СМИ. Хотя я бы погрешил против истины, если бы не отметил, что рецензии в прессе были для нас не всегда приятными. Были и такие, которые глубоко всматривались в существо телевизионных новаций, и не все поддерживалось. Поэтому наступал второй этап в творческом поиске. Мы ведь прекрасно осознавали, что процесс на телевидении должен быть непрерывным и как только остановишься, придется собирать горькие плоды. Новое, рожденное вчера и сегодня, завтра окажется привычным, обыденным. Еще вчера мы радовались, скажем, «Прожектору перестройки» и говорили: очень смелая сатирическая передача придумана, очень действенная, а сегодня уже ворчим, что стали появляться и какие-то пресные «прожекторы перестройки». Ведь со временем может происходить инфляция формы – даже самой интересной. Еще вчера мы приходили в состояние острого возбуждения по поводу телемостов, но и они перестали уже удивлять, и надо было искать новые идеи для их оживления.

В связи с этим мы вместе с Главной дирекцией программ, где был отдел научного и перспективного программирования, решили провести социологические исследования. Смысл их состоял в широком объективном выяснении среди телезрителей их подлинных оценок и отношения к нынешним телепрограммам. Конечно, хорошим подспорьем для нас стала зрительская почта, их живые отклики и оценки различных телепередач. Это важный инструмент изучения общественного мнения. Тем более что на телевидение в год приходило более трех миллионов писем…

Вместе с главной редакцией передач для Москвы мы пошли на необычный эксперимент. Весь вечерний эфир этой редакции объявили единым каналом «Добрый вечер, Москва». Это было примерно пять часов вещания, которое полностью велось в открытом эфире. В самой телепрограмме появились очень способные сценаристы, режиссеры, постоянные ведущие канала. Студия превратилась в открытый павильон, откуда непрерывно велось вещание. Здесь, сменяя друг друга, появлялись интересные гости. В живую программу включали самые различные сюжеты на

разнообразные темы.

Популярность канала «Добрый вечер, Москва» усилилась, когда в программе стал нередко появляться Борис Ельцин. После переезда в Москву из Свердловска он руководил Отделом строительства ЦК КПСС. В прошлом он сам строитель и по образованию, и опыту хозяйственного руководства в сфере строительства крупной области. Так что ничего неожиданного в таком назначении не было. Но вот когда Михаил Горбачев затеял мощные кадровые зачистки, они в первую очередь коснулись столицы. Один из противников М. Горбачева в партийном аппарате Виктор Гришин был отправлен в отставку, и на его место поставлен энергичный, деятельный Борис Ельцин. Одновременно он стал кандидатом в члены политбюро.

С моей точки зрения, это ошибочное решение самого Горбачева. По собственной инициативе он выдвинул на важнейший пост человека, который уже вскоре станет главным оппонентом генерального секретаря.

Борис Ельцин начал круто разбираться с кадрами. Заседания бюро, пленумы временами напоминали партийные судилища, где и судьей, и прокурором выступал один человек – Ельцин. Его персональные кадровые разборки нередко сопровождались грубостью, унижением достоинства своих же коллег, а порой и откровенным хамством.

Пошли поспешные увольнения и такие же поспешные назначения, что вызвало откровенное сопротивление в московской партийной среде. Уже формировалась ему оппозиция. Но это еще больше вызывало приступы гнева у Ельцина, о чем он не стеснялся высказываться публично в жесткой манере. А вот у журналистов эта манера Ельцина гневно оценивать московский партаппарат, «бюрократизм, волокиту, отрыв от народа» вызывала ажиотаж, стремление процитировать эти «смелые» разносы.

Не остались в стороне и тележурналисты московской редакции. Они успевали записывать его гневные панегирики буквально повсюду, где появлялся в поездках по столице Борис Ельцин. Больше того, они даже полностью передавали его полуторачасовые выступления перед москвичами, где доставалось не только московским «партбюрократам», но звучала все громче критика в адрес высших партийных инстанций и союзного правительства. Эта манера поведения и самовозвышение Б. Ельцина все больше тревожили Михаила Горбачева, секретарей ЦК.

Но я помню Бориса Ельцина другим, когда он еще работал в Свердловской области. Помню его телевизионные пресс-конференции, длившиеся часами. Мне доводилось даже изучать

этот опыт, будучи в командировке. Вспоминаю и такой случай, когда он пригласил меня проехаться по области. В одном из районов вместе с первым секретарем райкома побывали на одной из передовых ферм.

Меня удивили тогда простота и открытость, которые проявились при его встрече с доярками. Обнимался, не жалел комплиментов, отпил свежего молочка, а потом уже по ходу беседы неожиданно спросил у заведующей фермой: «А как вы оцениваете вашего первого секретаря райкома? Бывал ли он у вас?»

Доярки засмущались, а завфермой, видимо чтобы не подвести своего «партголову», хорошо отозвалась о нем. Припомнила, как он толково выступил на недавнем слете районных доярок. Но Ельцин сразу почувствовал, что заведующая фермой лукавит из соображений местного патриотизма. А когда попрощались и отошли к машинам, Ельцин жестко постыдил первого секретаря:

– Я же понял, что она тебя близко никогда не видела. Ты когда был на этой ферме – ну хотя бы разок?

Тот, смутившись, признался, что, по сути, это первая встреча.

– А я вот уже третий раз встречаюсь с этой женщиной. Как тебе не стыдно, даже на передовую ферму глаз не кажешь.

Позднее я узнал, что вскоре первый секретарь райкома был перемещен на другую работу. Но тогда мне понравились и тон разговора, и требовательность Ельцина.

В Москве, почувствовав сопротивление партаппарата, он все больше распалялся. Многие, не выдержав его давления, ушли в отставку.

Однажды Борис Ельцин позвонил мне и объявил, что желает встретиться с московской редакцией, теми, кто выпускает «Добрый вечер, Москва». Условились о дне и времени.

Был жаркий летний день, в зале заседаний, где я обычно проводил совещания, даже кондиционеры не справлялись с духотой. Поэтому я распорядился поставить на стол заседаний побольше холодной минеральной воды. Но когда мы с Ельциным сели за председательский стол, он осмотрелся и в развязной манере сказал: «Что за барство, почему столько наставили воды, что тут, водопой? Все убрать, оставить только вот перед нами». Он ткнул пальцем в меня и себя.

Пришлось послушаться. Но разговор как-то не завязался. Он даже забыл поблагодарить московских тележурналистов за внимание к его деятельности, но зато дал ряд строгих указаний смелее критиковать столичных партийных аппаратчиков, острее вскрывать московские недостатки.

Да, это был уже другой Ельцин.

Сумасбродство и кадровые чистки, которые учинял в это время Ельцин, вместе с тем сопровождались поступками неординарными, которые нравились москвичам. Он мог неожиданно появиться на предприятии и отправиться сразу с директором в рабочую столовую и тут же устроить разнос за плохое качество пищи. А то садился в автобус или трамвай, заходил в магазины, появлялся в районной поликлинике.

Журналисты не упускали ни одного подобного случая, и многие такие видеосюжеты показывали не только на московском телевидении. Некоторые выпуски «Добрый вечер, Москва» чуть ли не наполовину состояли из таких теленовостей. А на следующий день уже шли пересказы о заботливом Ельцине, радетеле интересов людей. Этот в принципе дешевый прием, как ни странно, действовал безотказно.

Ходили слухи, что пьет он много и даже по пьянке свалился в какую-то речку. Ходили слухи, что на него нападали хулиганы, а однажды якобы ему подстроили автоаварию. Но образ народного защитника не тускнел. Мол, если и пьет, то по-нашенски – ведь дело разумеет.

Растущая популярность Ельцина все больше беспокоила Михаила Горбачева. И вот однажды он позвонил мне и дал понять: «Прекращайте воспевать этого героя, он вовсе того не заслуживает».

Суть предостережения я понял позже. Но факты – упрямая вещь, а они агитировали за Ельцина. Он успел решительно навести порядок с распределением жилья. По его личной инициативе построили несколько магазинов, школ, детских садов, поликлиник. И мне он казался тогда тем Ельциным, с которым я раньше познакомился в Свердловске.

Тем временем в ЦК и политбюро происходили события, от которых Ельцину не поздоровилось.

Однажды вышел первый скандал. На заседании политбюро Ельцин раскритиковал доклад генсека к пленуму «О перестройке и кадровой политике». Он заявил: «Надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо устраивать гонения на кадры, ломать судьбы людей через колено».

Вообще говоря, эти слова полностью можно было отнести к самому Ельцину, его кадровым чисткам в столице. И вот на политбюро Борису Николаевичу устроили баню. У него стало плохо с сердцем, позвали срочно врача и привели в чувство.

Еще один конфликт случился в августе 1987 года, когда Ельцин самочинно разрешил проводить митинги и демонстрации в Москве в любое время. Тут уж на собравшемся вскоре заседании политбюро Ельцина жестко обвинили в утрате партийной

дисциплины. И тогда Ельцин попросил Горбачева: «Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены политбюро…» При этом он без особого стеснения в общих выражениях «прополоскал» членов политбюро, хотя персонально досталось только Лигачеву.

Поначалу Горбачев попросил Ельцина «не пороть горячку». Это, кстати, в духе Горбачева. Он всегда сначала утихомиривал. А потом и сдавал некоторых своих соратников.

Но Ельцин уже сделал выбор и пошел на прямой конфликт, придав ему открытую публичность.

Произошло это на пленуме ЦК, состоявшемся 21 октября 1987 года. На нем обсуждался доклад на предстоящем торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции.

Председательствовал на пленуме Егор Лигачев. Все шло, как задумывалось, – бесконфликтно. И вдруг Ельцин поднял руку, попросил слова. Лигачев сделал вид, что не заметил Ельцина, и сказал: «Есть ли необходимость открывать прения?» Из зала послышалось дружное: «Нет!» Но тут уже вмешался Горбачев: «У товарища Ельцина есть какое-то заявление».

И Ельцин пошел на трибуну. Бунтарь был полон решимости. Он обвинил ЦК в бумажной бюрократической работе, которой люди уже не верят. Исчезает коллегиальность, создается культ Горбачева. А закончил он надрывно: «У меня не получается работать в составе политбюро. Потому пришел к мысли об освобождении меня от обязанностей кандидата в члены политбюро. А в отношении меня как первого секретаря горкома партии, это будет решать уже, видимо, пленум горкома партии».

В зале воцарилось смятение. А потом Ельцин получил отповедь по всем статьям. Первым взял слово Лигачев. Он обвинил Ельцина в клевете, и зал бурно аплодировал Егору Кузьмичу. Поток ораторов устремился на трибуну. Среди них был даже член политбюро Александр Яковлев, ставший любимцем демократов в последующие годы, а тогда тайно сочувствовавший Ельцину.

Потом каялся сам Ельцин, а Горбачев устроил ему форменный допрос. Если почитать стенограмму пленума, можно удивляться, как все более распалявший себя Горбачев, казалось бы, начисто подавил, парализовал волю Ельцина, который в ответ произносил невнятные слова в свое оправдание. Но он снова просит пленум об отставке.

Однако Горбачеву этого мало, он продолжает наступать: «В момент, когда весь мир следит за нашей перестройкой, Ельцин выдвигает свои эгоистические вопросы. Ему, понимаете, не

терпится, не хватает чего-то! Суетится все время. А нужна выдержка революционная на таких крутых поворотах, когда кости трещат и мысли напряжены. Насколько же надо быть безответственным, потерявшим чувство уважения к товарищам, чтобы вытащить все эти вопросы…»

Пройдет время, и многие политики, историки, общественные деятели будут рассуждать о том, что тщеславный, властолюбивый Ельцин мог бы вполне успокоиться, если бы тогда не раздували этот пожар, а, наоборот, поддержали «заблудшего временно товарища» и даже потом сделали его членом политбюро.

Но прав известный публицист Александр Хинштейн, который в своей книге «Ельцин. Кремль. История болезни» написал, что точкой отсчета распада СССР надо принять 21 октября 1987 года. «Именно в этот день, ознаменовавшийся началом разрыва между Ельциным и Горбачевым, и полетел вниз первый камень, который приведет через четыре года к невиданному по масштабам горному обвалу», – пишет А. Хинштейн.

А потом был пленум Московского горкома партии, который «четвертовал» непокорного Бориса Ельцина. Но вскоре «сердобольный» Михаил Горбачев назначит своего опасного политического противника в ранге министра первым заместителем председателя Госстроя.

Это была еще одна крупная ошибка самоуверенного, но беспечного в политике Михаила Горбачева. Госстрой, по крайней мере апартаменты Ельцина, превратятся в генштаб оппозиции, которая своим знаменем на ближайшие годы изберет опального Бориса Ельцина. Самое интересное, что он временно останется и членом ЦК КПСС.

Сам Михаил Сергеевич потом очень пожалеет о самонадеянном решении, в котором мало было мудрости и трезвого понимания опасности, исходившей от быстро формирующейся вокруг Ельцина политической оппозиции.

Горбачев как-то признался: «Не министром его надо было сажать недалеко от Кремля (Госстрой находился в нынешнем здании Госдумы), а заслать послом в Зимбабве». Вот тут он был прав. Но понял это с большим опозданием.

А что касается телевидения, то мне стало работать сложнее. Контроль и наставления со стороны Горбачева на тот период усилились.

Тем временем начиналось неожиданное восхождение Бориса Ельцина на высокие политические позиции. И опять же не без «помощи» Горбачева. Михаил Сергеевич позволил избрать Ельцина делегатом на XIX Всесоюзную партийную конференцию. Без ведома и предварительного согласия Горбачева это сделать 8

было бы невозможно.

Маленькое отступление. Однажды я находился на беседе у Егора Лигачева. Он отозвал меня подальше в глубь кабинета и с горечью сказал: «Ни черта не понимаю, почему этого крикливого политикана, враждебно настроенного к партии, выдвигают всяким незаконным образом в качестве делегата партконференции… Не пойму я позиции Михаила Сергеевича».

И в самом деле, выдвигать делегатов можно было только от парторганизаций, где стоишь на партучете. Москва не захотела выдвигать Ельцина. Об этом мы сообщали и комментировали по телевидению. Но вдруг непотопляемый Ельцин всплывает обходным маневром как делегат… от Карелии. Об этом своем показном великодушии Горбачев еще не раз потом пожалеет…

…В праздничном Кремлевском дворце съездов внимание сразу сосредоточилось вокруг впавшего в немилость Ельцина. Ведь уже полгода прошло, как он отошел от партийной деятельности. Все ждали, какой фокус он на этот раз выкинет.

Его выступление не планировалось. Но, конечно, журналисты стерегли каждый его шаг.

Я распорядился, чтобы телеоператоры были внимательны и не фокусировали свое внимание на скандальном политике. Так мы, по крайней мере, условились, когда я просил у Горбачева совета насчет показа партконференции. Тем более что Ельцина посадили на самую галерку – подальше от фото– и телекамер.

Мне невозможно было находиться непосредственно в зале заседаний, поскольку взял на себя руководство подготовкой больших телевизионных репортажей о работе партконференции.

Времени для вечернего показа конференции запланировали не менее двух часов ежедневно.

Вся технология подготовки «Дневника партконференции» (так назывались репортажи) строилась очень необычно. Григорий Шевелев, руководивший службой информации, организовал оперативное стенографирование всех выступлений и с курьером срочно, по мере готовности стенографических фрагментов, пересылал их мне.

В моем кабинете шла в «живом варианте» трансляция заседаний. Но давать это в таком же варианте на всю страну было бы немыслимо. Поэтому избрали форму дневника. Пришлось взять на себя смелость отбирать наиболее интересные, острые моменты дискуссии, которые потом смотрела вся страна и сами делегаты конференции. Тем более что согласовывать было не с кем. Все руководство – в зале на заседаниях.

Может быть, тогда впервые родилась необычная технология подготовки к показу крупных событий, таких как съезды партии,

сессии Верховного Совета СССР, поездки и переговоры Горбачева с зарубежными лидерами и т. и.

Мне приносили стенограммы, а я срочно цветными карандашами отмечал те фрагменты выступлений, которые должны быть в синхронном варианте, «в голосе» показаны затем по телевидению. Работа, признаюсь, не только ответственная, но и опасная по своим последствиям, поскольку выступавшие делегаты, посмотрев себя в эфире, могли придираться: мол, не то выбрали, не самые важные мысли донесли до телезрителей.

Я рискнул использовать и другой прием. Дневник строился не по принципу отчета с соблюдением очередности выступлений. Делалось иначе, как в фильме, когда с помощью монтажа в тематические блоки собирали высказывания делегатов, которые остро дискутировали друг с другом. Вот эти прямые противостояния и находили отражение в телевизионных вечерних показах, что придало драматургию самой конференции. Ведь отбирались самые смелые, острые высказывания.

День шел за днем, замечаний к показу по телевидению партконференции не было, наоборот – хвалили. Но все ждали, что Ельцин все-таки прорвется на трибуну. И, скорее всего, это произойдет в последний день. Уверен, что это прогнозировал и Горбачев. Это прогнозировал и Лигачев – главный организатор прений и порядка проведения конференции.

Не составляло секрета, что Ельцин находился под колпаком КГБ. Конечно, при желании можно было элементарно избежать появления на трибуне Ельцина – затянуть список выступающих, а потом ближе к концу заседания «подвести черту» под прениями.

И вот в который уже раз Горбачев начинает играть с Ельциным в кошки-мышки. Он не дает запретительных сигналов. А тем временем в какой-то момент Борис Николаевич спускается в партер и, подняв в руке мандат, устремляется к трибуне и требует слова.

Еще предыдущий оратор не закончил речь, а в зале раздался зычный голос: «Я требую дать слово для выступления. Иначе ставьте вопрос на голосование всей конференции».

Ясное дело, Горбачев понимал, что конференция из любопытства поддержит Ельцина. К тому же гласность и демократию пока никто не отменял…

Ельцин встал перед трибуной, но к нему спустился помощник Горбачева Валерий Болдин и попросил присесть в первом ряду. Прения тем временем продолжались, и, наконец, слово получил Ельцин.

В порядке отступления скажу, что все эти моменты мы показали в вечернем телеэфире.

И вот Ельцин на трибуне. Он уверен в себе. По тональности речь – прокурорская, обличительная. Он заявляет, что аппарат ЦК не перестроился, партия отрывается от народа. Выборы руководителей, в том числе секретарей ЦК и генерального секретаря, должны быть всеобщими, прямыми и тайными, с четким ограничением возраста – до 65 лет. Причем с уходом генерального секретаря должно уходить и все политбюро. Он потребовал в разы сократить партаппарат, ликвидировать отраслевые отделы ЦК.

По традиции прозвучали обвинения в коррупции, излишних привилегиях большевистской верхушки и т. д.

Трудно было не согласиться с некоторыми из его заявлений, потому часть зала горячо аплодировала.

В перерыве только и велась речь о Ельцине, его обвинениях. Некоторые делегаты жали ему руки, благодарили за смелость.

Но после перерыва маховик конференции стремительно раскрутился в обратную сторону. Делегаты, не выбирая подходящих слов, клеймили его позором.

Частично эти гневные речи нашли, естественно, отображение в нашем телеэфире. В том числе и выступление Егора Лигачева. Он тогда воскликнул: «Борис, ты не прав!»

Монтаж этих выступлений требовал ювелирной работы. И я рискнул дать в показе выступления Ельцина и Лигачева рядом, и благодаря этому возник диалог со словами «Борис, ты не прав!». Впоследствии благодаря телевидению фраза «Борис, ты не прав!» стала крылатой.

Но самое любопытное, что уже после первых дней конференции некоторые иностранные телекомпании обратились к нам с просьбой продать им, как они называли, «этот телефильм» для зарубежного показа. Признаюсь, для нас было очень лестно, что наши теле-дневники за их высокое качество с использованием необычного монтажа, придавшего драматургию показу, получили признание как фильм. Этот метод мы затем успешно применяли при освещении работы очередного съезда партии.

Глава 13
Неожиданное назначение – генеральный директор ТАСС

Будучи в Гостелерадио СССР на посту руководителя телевидения, я полностью отдавался любимому делу. Работать приходилось по 14–16 часов. Если о чем-то и мечтал, так только о том, чтобы наконец-то хорошенько выспаться. Но это были только мечты.

Помнится, в конце 1988 года телевидение работало в очень напряженном режиме – освещалась поездка Михаила Сергеевича Горбачева в США и его встречи с президентом Рональдом Рейганом. Там же находились наши ведущие политические деятели – Александр Николаевич Яковлев, Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, тогдашний министр иностранных дел, многие политики, ученые, деятели культуры, журналисты. В Соединенные Штаты от телевидения была направлена большая бригада творческих и технических работников, которой были поручены подготовка репортажей, съемки интервью, прямые трансляции, передача материалов по каналам спутниковой связи. Я с утра до позднего вечера все эти дни проводил в Останкине, координируя работу по выдаче информации в эфир.

В один из дней, примерно в восемнадцать часов, когда полным ходом шла подготовка к эфиру программы «Время» и все наши мысли были заняты тем, как лучше расположить, скомпоновать полученные из США телематериалы, из Вашингтона позвонил заместитель председателя Гостелерадио Генрих Юшкявичюс, направленный в Америку руководителем группы технического обеспечения освещения визита. Он спросил о настроении, о погоде в Москве, о том, как проходит освещение визита здесь, у нас. И поинтересовался, хорошо ли я сплю, не мучают ли меня кошмары и т. д. Еще не понимая, к чему он клонит, я на полном серьезе, помнится, сказал, что спится хорошо, потому что спать приходится мало, и по той же причине не успевают сниться сны, а тем более мучить кошмары. «Так вот, – сказал он, – у нас тут в Штатах есть точные сведения, что ты назначен генеральным директором ТАСС». Я расхохотался: большего кошмара никто и придумать не мог. «Наверное, – говорю, – ты хорошо провел время накануне. Я об этом ничего не слышал. Даже слухов не было». – «Знаю достоверно, – уже совершенно серьезно сказал Юшкявичюс, – мне Александр

Николаевич Яковлев сказал. Он поддерживает это предложение. Горбачев якобы дал согласие на твое назначение еще до отъезда из Москвы. Так что поздравляю!» А спустя полтора часа звонок от Вадима Медведева, который тогда был членом политбюро, секретарем ЦК КПСС по идеологии. Он спросил, чем я занят и не могу ли подъехать. Естественно, я согласился и вскоре приехал на Старую площадь. Поначалу возник шутливый разговор.

– Что-то ты, Леонид Петрович, стал полнеть, прибавил в весе, – хитро прищуривая глаз, сказал Медведев.

Я объяснил, что работа на телевидении действительно адская. Приходится сидеть с утра до ночи, поэтому, наверное, от сидячего образа жизни немножко и полнеешь.

– Так вот, есть у нас идея предложить тебе работу более живую, требующую большего передвижения. Там и вес сбросишь, – сказал Вадим Андреевич.

– Это какая же работа? – спросил я, вспоминая разговор с Юшкявичюсом.

– Будешь генеральным директором ТАСС. Как смотришь?

Все подтвердилось. Сведения Юшкявичюса оказались точными. Я говорю:

– Надо подумать. Это вопрос непростой.

Я, честно говоря, никак не видел себя в этой должности, у меня не было профессионального опыта международной работы. ТАСС всегда возглавляли либо крупные чиновники МИДа, либо работники партийного аппарата, например Сергей Лапин был ранее послом, Леонид Замятин заведовал отделом печати в МИДе.

Во время беседы Медведев вдруг говорит:

– Понимаешь, по существу, вопрос уже решен. Но есть у нас одно сомнение, которое было и у Горбачева, и у меня. Говорят, ты слишком большой левак. Это так?

На это я заметил, что не знаю, что это такое. Как мне кажется, за последние годы (1985–1988) я делал все для того, чтобы телевидение и радио сами по себе стали инструментами мощного прорыва в области перестройки, гласности, демократизации. Может быть, то, что мы делали на телевидении, кому-то со стороны и казалось демократическим левачеством, я же рассматриваю это как в высшей степени творческую работу. Все эти годы, оказывается, в высших партийных кругах я считался леваком.

Я не скрывал, что к ТАСС отношение у меня скептическое. Правда, знал эту организацию не изнутри, а с позиций газетной работы. Мне казалось, что эта организация всегда задерживает официальную информацию. От нее приходят стандартные и сухие

материалы. Но позднее, когда пришел в новое здание у Никитских Ворот, понял, что оценивал работу телеграфного агентства не совсем справедливо.

Дело в том, что благодаря проходившим в Советском Союзе глубоким процессам перестройки, развитию гласности и демократии кардинально изменялись стиль, формы и методы работы официального государственного информационного агентства. Свежий ветер перемен проник в эти стены, и мы в первую очередь старались избавиться от унылых, скучных материалов, написанных шаблонным языком. Решительный поворот был сделан в сторону открытости, поиска новых журналистских жанров, смелого критического анализа наболевших проблем страны, прежде всего политических и социально-экономических.

Стало заметно улучшаться качество информации, ее достоверность, а значит, и укрепляться доверие к нам на внутреннем и международном информационном рынке.

Проводя политику открытого общества, усиления гласности в условиях резко расширившейся свободы нашей прессы, советские средства массовой информации, в том числе и ТАСС, немало делали, чтобы подкрепить свои намерения конкретными делами.

В конце 1989 года, когда я пришел к руководству ТАСС, оно уже входило в пятерку крупнейших мировых агентств.

ТАСС обеспечивал тогда внутрисоюзной и международной информацией около четырех тысяч советских газет, телевидение и радиовещание, АПН. На общеполитическую, экономическую и фотоинформацию ТАСС подписывались более тысячи ста информационных агентств, газет, журналов, теле– и радиокомпаний, множество предприятий, научных центров, а также посольства и торгпредства из 115 стран. Мы были хозрасчетным агентством и продавали подписчикам свои информационные материалы. Корреспонденты ТАСС жили и работали в 113 странах.

Деятельность ТАСС в первую очередь направлялась на постоянное расширение потока самой разнообразной информации – от коротких версий до объемных аналитических материалов. Конечно, особое внимание уделяли распространению информации о происходящей в СССР перестройке, о новом политическом мышлении в советской внешней политике. Общий объем информации в сутки составлял 750 полноформатных газетных страниц.

Для приема и передачи информации использовали спутниковые, кабельные и радиоканалы связи.

Мы энергично занялись техническим переоснащением своей

информационной сети на основе современной вычислительной техники, видеотерминального и коммуникационного оборудования. В результате в этой области ТАСС вышел на уровень технической вооруженности главных мировых информационных агентств.

Я, как генеральный директор ТАСС, поставил перед руководством страны вопрос о создании в СССР единой автоматизированной службы информации. ТАСС уже располагал крупным электронным банком данных. В нем накопилось свыше полумиллиона различных сведений и фактов.

Как им лучше воспользоваться? Мы очень рассчитывали на то, что введем в действие автономную систему спутниковой связи. Подобные системы с использованием антенн, установленных непосредственно у источников и получателей информации, позволяют обеспечивать сверхскоростную двустороннюю и многостороннюю связь. Такая система позволила бы нам в ближайшие годы получить надежные каналы передачи и приема информации в глобальном варианте.

Становилось реальностью создание распределительной спутниковой системы «Москва глобальная», в которой ТАСС наряду с Гостелерадио СССР получил бы свой информационный канал. Эта система строилась на основе искусственных спутников Земли. Цель – передача визуальной и текстовой информации на весь мир. При этом мы исходили из того, что в наш век нельзя ограничиваться созданием только национальных информационных систем. Информация становилась явлением интернациональным. Мы вправе были говорить, что она должна стать всеобщим достоянием, хотя, как и за любое достояние, за нее приходится платить.

Исходя из этой идеи, ТАСС стал всемерно развивать связи с различными международными банками информации, укреплять сотрудничество со всеми информационными агентствами. Причем использовали различные формы сотрудничества, в том числе и обмен информацией и фотоинформацией с зарубежными агентствами на безвозмездной основе или с доплатой за разницу в объеме предоставляемых услуг. ТАСС имел в те времена соглашения со 125 агентствами 93 стран Европы, Азии, Африки и Америки, в том числе с АП, ЮПИ (США), АФП (Франция), ДПА (ФРГ), Рейтер (Великобритания), Киодо Цусин (Япония), со всеми агентствами социалистических стран и с 64 агентствами развивающихся стран.

Но, конечно, главным в работе ТАСС была подготовка самой широкой информации о жизни страны и мира. Мы насыщали ленту ТАСС не только информацией, но и проблемными

материалами, посвященными политической и экономической реформам в СССР.

Один из таких примеров – выборы народных депутатов по многомандатной системе. Это был громадный шаг в развитии нашей демократии, и ТАСС рассказывал о сложных процессах честно и откровенно.

Пресса выполняла самую главную функцию – функцию социальной, экономической и правовой защиты различных социальных слоев и групп населения.

Во внешнеполитической информационной деятельности ТАСС в конце 80-х годов сосредоточил свои усилия на освещении процессов, способствующих оздоровлению международной обстановки, гуманизации межгосударственных отношений, утверждению новой морали, новой психологии, нового политического мышления. В международной информации стремились отойти от стандартных «черно-белых» штампов и выдавали объективный сбалансированный анализ событий. Не восторги или безудержная критика, а объективный анализ внутренней ситуации, реальностей каждой отдельно взятой страны, ее национальных интересов и потребностей определял достоверность информации.

Для нас был особенно ценен информационный раздел в области экономического развития и научно-технических разработок. Ему на тассовских лентах отдавали приоритет. Например, увеличивался поток материалов, в которых отображались процессы специализации и кооперации, международное разделение труда, создание смешанных хозяйственных структур и совместных предприятий.

В ТАСС поступали многочисленные письма с просьбой шире и объективнее освещать опыт зарубежных стран в торговле, на транспорте, в области защиты окружающей среды.

Зарубежная корреспондентская сеть ТАСС активно откликнулась на это пожелание. Так на информационных лентах агентства появились интересные материалы о том, как городские власти Нью-Йорка справляются с растущей транспортной проблемой, как в Париже, Риме и Лондоне налажена система общественного питания и бытового обслуживания населения. Корреспондент ТАСС из Гааги на примере одного из хозяйств передал развернутый репортаж о производстве молока. С нашей помощью читатели узнали, как в Голландии выращивают тюльпаны и как действуют системы искусственного разведения рыбы в Канаде и Норвегии.

Был и такой случай. Корреспондент ТАСС в Афинах встречался с представителями фирмы, которая закупила в

Советском Союзе партию троллейбусов. Он поинтересовался качеством этих машин, и ему в беседе были высказаны конкретные претензии по отдельным техническим узлам троллейбусов. Журналист передал объективную информацию в Москву, которая появилась на страницах центральных газет. Буквально через несколько дней в ТАСС стали поступать звонки от руководства выпускающего троллейбусы предприятия, заверявшего, что приведенные в материале недостатки будут оперативно устранены. Предприятие выполнило свое обещание.

Однако по-прежнему работа советских журналистов в западных странах сталкивалась с жесткими ограничениями со стороны властей. Дело порой доходило просто до абсурда.

Перестройка и гласность, новое политическое мышление со всей остротой поставили перед всеми советскими средствами массовой информации проблему разрушения стереотипов, отказа от какого-либо упрощенчества в оценках. К сожалению, это оказалось для нас делом очень сложным. Тут ведь многое зависит от глубины анализа и гражданской ответственности журналистов. Все работники информационных агентств, телевидения, радио, прессы были всего лишь студентами в академии перестройки и гласности.

Крутые перемены наступили, когда в 1990 году был принят Закон о печати и других средствах массовой информации, который предусматривал демонополизацию прессы, устранял какую-либо цензуру и открывал все возможности для реализации принципиально важного положения, зафиксированного в международных соглашениях. Он давал возможность каждому гражданину реализовать свое право на обладание, получение, воспроизводство и распространение информационных материалов. Важно подчеркнуть также, что Закон ограждал средства массовой информации от какого-либо вмешательства в их деятельность, от попыток использовать так называемое «телефонное право». Вместе с тем Закон о печати содержал твердые гарантии того, что представители «четвертой власти» не будут злоупотреблять ею. Недопустимы, в частности, пропаганда войны, насилия, религиозной исключительности и нетерпимости, распространение порнографии, использование средств массовой информации для вмешательства в личную жизнь граждан и посягательства на их честь и достоинство.

Жизнь показала, что в условиях последовательного развития демократии и небывалого роста общественной активности роль ТАСС в системе средств массовой информации не падала, как предсказывали некоторые эксперты, а, наоборот, повышалась. В условиях перестройки важно было исключить какую-либо

монополизацию информационной службы той или иной партией, политическим движением или группировкой, обеспечить осуществление функций по сбору и распространению информации независимо от политических и общественных организаций в целях объективного и всестороннего освещения процессов, происходящих в СССР и за рубежом.

Свою главную задачу журналисты информационного агентства видели в том, чтобы сделать лицо ТАСС подлинно демократичным, а это значит, что ТАСС должен стать не только голосом правительства, но и голосом народа. Принципиально важно было в этой связи, чтобы журналисты информационного агентства имели возможность высказать свою личную точку зрения. Труднее всего было преодолеть сложившийся в прежние годы стереотип восприятия любого тассовского материала как сугубо официального голоса властей. Пожалуй, главная проблема состояла в том, чтобы снять психологические барьеры и освободиться от автоцензуры, что в равной мере относится и к пишущему, и к редактору. Строгая объективность, точное изложение фактов, а не тенденциозная политизация оценочных суждений – вот безусловное профессиональное требование к любой публикации агентства.

Случалось, однако, и так, что материалы агентства вызывали возражение в других средствах массовой информации. Приведу один из характерных примеров. В начале февраля 1991 года в Москве, у стен Кремля, состоялся массовый митинг, вызвавший в советской прессе разноречивые, более того – полярно противоречивые оценки. Спустя несколько дней после митинга у здания ТАСС состоялась даже небольшая демонстрация, участники которой протестовали против тассовского сообщения, в котором отмечалось, что на массовом митинге у стен Кремля прозвучали речи экстремистского характера. Строго говоря, для такой оценки были основания, ибо на митинге прозвучали призывы к насильственному свержению существующего строя и грубые оскорбления в адрес М.С. Горбачева и других руководителей государства. Однако нельзя не признать, что тассовская оценка грешила прямолинейной упрощенностью в духе привычных, застойных стереотипов. Ведь в массе своей манифестация была все же движением в поддержку перестройки, ее инициаторов и лидеров.

Мы тщательно проанализировали уроки этой публикации и ее резонанса и пришли к выводу: впредь следует широко и разносторонне, избегая упрощенных политизированных оценок, освещать такого рода массовые манифестации, в которых участвуют самые различные общественные силы и течения. Это

должны быть не безликие официальные сообщения, а журналистские выступления с личной точкой зрения, которая, естественно, предполагает предельную объективность и умение выслушать и правильно оценить доводы и аргументы представителей всех сил, групп и течений. Уже следующая манифестация такого же рода у стен Кремля предоставила журналистам ТАСС возможность по-новому, уважая плюрализм мнений, осветить это диалектически сложное и неоднозначное событие в печати.

Лично я был убежден, что дискуссии, разный подход к оценкам тех или иных явлений и событий – это не контргласность, а, напротив, ее наиболее полное проявление.

Глава 14
Тайная информация ТАСС

Работа в ТАСС имела некоторые специфические особенности. Издавна повелось, что именно на каналах ТАСС собирается особо ценная информация, связанная с оценками в мировой прессе, в высказываниях видных зарубежных политиков о деятельности политического руководства нашей страны.

Два раза в день на основе сообщений корреспондентов агентства составлялись сводки информации, которые оперативно направлялись ведущим политическим деятелям страны. Существовал даже список лиц, которым по правительственным каналам связи посылали пакеты с этими сводками. К ним особый интерес проявлял и Горбачев. Иногда он звонил мне и требовал дополнительных уточнений по сообщениям, вызывавшим у него вопросы.

Многие годы это были, как правило, зарубежные источники информации. Однако с обострением противоречий внутри страны, особенно на фоне межнациональных конфликтов, Горбачев стал просить оперативную информацию о внутреннем положении в стране. Он надеялся, что наши оценки будут более независимыми и объективными, чем официальные, которые для него и других высших государственных и партийных деятелей давались по каналам правоохранительных органов.

В высокой цене были аналитические письма наших корреспондентов, напоминавшие порой научные исследования о ситуации в той или иной стране или каком-то регионе нашего государства. Независимый анализ тассовских журналистов нередко оказывался более глубоким, чем сообщения зарубежных дипломатических представительств Советского Союза, которые не были свободны от ведомственных влияний.

И еще один очень деликатный способ информирования использовался по каналам ТАСС. Речь шла о переводных материалах, появлявшихся на Западе, с персональными оценками деятельности Горбачева, его супруги Раисы Максимовны, о противоречиях среди ведущих лидеров страны. Порой затрагивались интимные стороны жизни наших вождей, их семейных взаимоотношений. Такие публикации в переводе на русский язык я отправлял в одном или нескольких экземплярах лишь тем лицам, интересы которых, их честь и достоинство так или иначе затрагивались в этих материалах. При этом всегда на них ставился гриф «Секретно». Даже если это было на уровне

политических слухов или анекдотов, такая информация ценилась в руководящих кругах.

Так что для человека нечистоплотного, склонного к разного рода политическим играм, этот пост открывал возможности оказывать определенное влияние на тех или иных деятелей в том или ином направлении. Знаю, что в так называемые «застойные» годы вся информация попадала на стол наших руководителей. А если что и поступало в Кремль или на Старую площадь, то в весьма препарированном виде.

Одно из приятных воспоминаний о моей работе в ТАСС связано с осенью 1989 года. В октябре в Мюнхене проходили Дни средств массовой информации. Собрался весь европейский журналистский бомонд, асы пера и электронной прессы. Предполагалось чтение докладов по определенным темам, дискуссии, обсуждения. Была приглашена и делегация ТАСС. От меня требовалось представить тезисы выступления, которые еще до приезда делегаций должны быть распечатаны и распространены. Текст своего выступления представил заранее. Однако, к удивлению своему, прибыв в Мюнхен, не обнаружил его в распечатке. Потом мне сказали: побоялись, что меня не выпустят за рубеж. Честно говоря, выступление было смелым, но не из числа тех, где смелость выдается в экспортном варианте. Просто организаторы психологически не были готовы к такому уровню гласности.

В самом начале своего выступления я сказал, что рад участвовать в обсуждении проблем, которые затрагивают и пути расширения сотрудничества между Востоком и Западом в сфере свободного, беспрепятственного обмена информацией. В связи с этим внимание участников привлек феномен бурных перемен в последние годы в средствах массовой информации в СССР. Коллеги спрашивают меня: почему стали возможны эти столь динамичные перемены?

Главная причина достаточно очевидна. Не случайно русские слова «перестройка» и «гласность» понятны сегодня и без перевода едва ли не во всех странах. Перестройка означает комплекс глубоких, революционных реформ в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни. Перестройка – это свежий ветер динамичных перемен, и естественно, что они не могли не затронуть средства массовой информации, не могли не внести радикальных изменений в стиль, методы работы информационных агентств, печати, радио и телевидения. Можно даже сказать, что благодаря перестройке мы, работники средств массовой информации, смогли в известном смысле родиться заново.

Но гласность – это не просто дитя перестройки. Она еще и, это мне представляется важным подчеркнуть, ее весьма эффективный, действенный инструмент. Сегодня мы чутко прислушиваемся к так называемым больным проблемам общества, и это прежде всего заметно в социальной проблематике, которая ранее практически игнорировалась. Труд и заработная плата, жилье, медицинское обслуживание, торговля, сфера услуг… – все это требует глубокого журналистского исследования и умения говорить о недостатках и трудностях честно, открыто, во весь голос. Сегодня уже стало традицией, например, что телевизионная камера установлена в зале заседаний Верховного Совета СССР. Центральное телевидение вело прямой репортаж обо всех днях работы Первого съезда народных депутатов. И передачи вызывали небывалый прежде, колоссальный интерес – поистине внимание всей страны в эти дни было приковано к телеэкранам. Телевидение вместе с другими средствами массовой информации стало мощным катализатором активизации политической, общественной жизни.

Новое политическое мышление в нашей стране не могло не затронуть и такую сложную сферу, как внешняя политика, международная информация. Должен со всей откровенностью сказать, что ранее и в этой сфере было много зон, закрытых для честного, объективного анализа. Политика гласности со всей остротой поставила перед советским ТВ и радио, всеми средствами массовой информации проблему разрушения стереотипов в показе жизни западных стран, отказа от какого-либо упрощенчества в оценках. Советский зритель, советский читатель справедливо требуют глубокого, всестороннего анализа процессов, протекающих в странах Запада, они хотят знать, как живут люди за пределами СССР, какие проблемы их волнуют, что думают по тому или иному вопросу. В новых условиях не могла не измениться, и притом весьма кардинально, прежняя модель освещения международных событий.

Сфера деятельности, которой мы с вами занимаемся, хотим мы признавать это или нет, – весьма идеологизированная. Я не собираюсь заниматься раскопками корней холодной войны, подсчетом того, кто и сколько в свое время бросил семян идеологических сорняков, давших, увы, пышные всходы. Очевидно, что у нас еще долгое время будут сохраняться разные оценки одних и тех же явлений. Но очень важно, на мой взгляд, чтобы мы, журналисты, не отставали в осмыслении реальностей жизни от наших политических лидеров, которые, несмотря на все разногласия, скрупулезно и зачастую отнюдь не безуспешно ищут точки соприкосновения для решения сложнейших вопросов

политики, включая и ее военные аспекты. А то, что это возможно при обоюдном стремлении, показало подписание в Вашингтоне соглашения о ликвидации американских и советских ракет средней и меньшей дальности. Я полагаю, что и нам, журналистам, надо объединять усилия, руководствуясь высшими соображениями о необходимости в ядерный век помогать друг другу наводить мосты доверия между странами и народами, ломать устоявшиеся предрассудки, разгребать завалы, образовавшиеся за годы и десятилетия недоверия друг к другу. И уж как минимум стоит отказаться от одностороннего, узкого, негативистского подхода к показу жизни наших стран. Этого принципа и стараются придерживаться теперь советские средства массовой информации и, в частности, московское радио, вещающее в сутки на 77 языках. Жизнь любой страны многомерна, многогранна, многоцветна, и не следует пользоваться только белой и черной краской в ее показе.

Полагаю, вы согласитесь со мной в том, что некоторые сдвиги к лучшему уже явно проступают. Внешнеполитические инициативы Советского Союза, демократические преобразования внутри страны, перестройка экономической и политической системы – все это перестает укладываться в привычные на Западе стереотипы представления о СССР как о тоталитарном, закрытом обществе. Происходит, на наш взгляд, как бы пока еще достаточно медленное, но все же зримое размывание «образа врага», созданного не без помощи средств массовой информации. Кстати, два года назад мы прекратили глушение всех без исключения зарубежных радиостанций. В последние полтора-два года стремительно вырос поток съемочных групп, приезжающих в СССР для подготовки различных материалов о жизни нашей страны. И сегодня никого уже не удивляет тот факт, например, что радиостанция «Голос Америки» открыла в Москве свое отделение.

Любопытными размышлениями в связи с этим поделился недавно в газете «Нью-Йорк таймс» обозреватель Роберт Пир. По его мнению, советские средства массовой информации не являются больше противником: они стали конкурентом «Голоса Америки», сообщая информацию, которую ранее можно было получить только извне, и новости «неприятные для советского правительства».

Одна из примечательных особенностей деятельности советских средств массовой информации в условиях перестройки действительно состоит в том, что они в определенной мере играют роль некой оппозиционной силы. И роль эта не осуждается, а поддерживается органами власти. В условиях

однопартийной системы в нашем обществе пресса, телевидение, радио взяли на свои плечи непростую задачу развития критики и самокритики, борьбы с административно-командными методами управления, бюрократизмом, злоупотреблением властью. Пресса разоблачает тяжелые последствия сталинизма и активно содействует ускорению процессов демократизации жизни советского общества; что же касается правительства, то оно – и это ярко показали бурные дебаты в Верховном Совете при утверждении министров – заинтересовано в том, чтобы знать всю правду, какой бы горькой она ни была. Ведь только располагая всей полнотой информации о действительном положении дел в стране, можно эффективно управлять развитием процессов перестройки и обновления.

Гласность и открытость характерны сегодня не только, так сказать, для внутреннего потребления. Ныне в прямом эфире с помощью спутниковой системы связи встречаются люди, живущие на огромном расстоянии друг от друга. Кстати, именно советское телевидение было инициатором организации телемостов – такой формы, которая обеспечивает свободный, без цензуры обмен информацией. У нас теперь не возникает никаких комплексов по поводу прямых дискуссий в эфире с нашими оппонентами, имеющими в корне отличные от наших политические воззрения. По советскому телевидению неоднократно выступали Дж. Буш, Р. Рейган, М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Г. Коль, Д. Шульц, Г. Геншер, многие другие видные деятели Запада, и ничего – крыша в нашем телецентре не обрушилась. Эта открытость суждений особенно свойственна телевизионным мостам. Следует отметить, правда, что после первых же телемостов и передач с участием популярного американского ведущего Ф. Донахью в нашей аудитории нашлось немало сторонников, так сказать, двойной гласности: одна для внутреннего потребления, другая на экспорт. Нас обвиняли в том, что мы излишне открыто критикуем себя перед иностранцами. Но конечно же двойной гласности быть не может, гласность одна, как для советского человека, так и для иностранца. Кстати, за годы гласности как-то быстро исчезло противоречие между информацией для себя и, так сказать, информацией на экспорт. Сегодня многие телесети мира прямо с эфира берут наши программы, цитируют советское телевидение, некоторые из них оформляют подписку на основную информационную программу «Время» и используют ее сюжеты в своем эфире.

Телевизионные мосты по-прежнему прочно удерживаются на пике популярности. За последние годы проведены десятки телемостов только с США. География их сейчас включает

Великобританию, ФРГ, Швецию, Италию, Австрию, Японию, другие страны. Уникальную возможность прямого общения людей посредством телевизионной космической связи может предоставить только телевидение.

Принципиально новые возможности сотрудничества открывает начинающийся в Москве прием выпуска новостей американской телекомпании Си-эн-эн. Это еще одно свидетельство расширения процесса гласности в советском обществе. Новости Си-эн-эн первоначально будут приниматься в новой столичной гостинице «Савой», а в следующем году – уже во всех гостиницах Москвы, в дипломатических и деловых представительствах. Предполагается также, что передачи Си-эн-эн со следующего года начнут получать по подписке жители Москвы, а затем и других районов СССР.

Пожалуй, как никогда прежде, люди разных стран хотят сегодня больше знать друг о друге, и задача средств массовой информации – адекватно реагировать на этот интерес увеличением количества материалов, объективно показывающих жизнь. Если мы на это не откликнемся, то рискуем безнадежно отстать от требований дня, потерять доверие своих аудиторий. Телевидение, радио, все другие средства массовой информации в зависимости от целей могут быть конструктивными или деструктивными, могут служить средством укрепления доверия между народами или средством его подрыва. В этой связи я особо хотел бы сказать о нашей с вами возрастающей ответственности. В наших руках, в сущности, огромная власть над людьми, ибо от нас с вами зависит, какими глазами при встрече посмотрят друг на друга люди разных стран, разных общественных систем – глазами друга или глазами врага. Хочется верить, что сила телевидения, радио, всех средств массовой информации будет использована только во благо. Мы со своей стороны готовы этому всемерно способствовать.

Я еще находился в ФРГ, а мои коллеги в ТАСС снимали с ленты поступавшие оттуда сообщения. Вот одно из них:

«Бонн. 11 октября. Корреспондент агентства ДПА Норберт Клашка передает из Мюнхена.

То, о чем говорит приветливый седоволосый деятель из Советского Союза, генеральный директор московского информационного агентства ТАСС, привлекает к себе внимание не только в этой метрополии на реке Изар, но и далеко за ее пределами. На третьих мюнхенских Днях средств массовой информации, одной из ставших модными арен для самовыражения, Кравченко невольно стал звездой средств массовой информации. За два дня он дает по меньшей мере

дюжину интервью, терпеливо отвечает на повторяющиеся вопросы.

То, о чем он говорит, было бы невозможно представить себе еще несколько лет назад. Такую возможность дали перестройка и гласность. Он без обиняков признает, что информационное агентство ТАСС, основанное Сталиным в 1925 году, в прошлом давало нередко неправдивую и неполную информацию. Имела место «пропаганда успехов». Парадные реляции создавали впечатление о якобы достигнутых успехах в производстве, заявил Кравченко, при этом резкую критику в адрес когда-то жестко руководимой государственной журналистики, произнесенную вполне официальным тоном, он сдобрил шуткой, которую частенько повторяют советские граждане: «Чтобы выполнить продовольственную программу, достаточно подключить холодильник к телевизору».

После «возрождения» советской журналистики сейчас обо всем сообщают объективно. Средства массовой информации, как утверждает 51-летний руководитель агентства ТАСС, – это движитель перестройки. Между тем этот заядлый шахматист и президент Федерации хоккея СССР вполне сознает опасности, нависшие над революцией Михаила Горбачева: это серьезные экономические проблемы и еще более опасные национальные конфликты.

Кравченко прибегает к определенной дипломатической сдержанности, когда ему задают вопросы о ГДР, а это происходит постоянно. «Я могу лишь предполагать, что у журналистов ГДР имеется иное представление об этих событиях» – так комментирует Кравченко безапелляционные сообщения средств массовой информации ГДР, которые ищут вину в кризисе, происходящем в их собственной стране, исключительно в Федеративной Республике. ТАСС, по его словам, сообщал обо всех событиях, происходящих в ГДР. Политика гласности, констатирует этот ведущий советский журналист, коренным образом изменила прежнюю модель освещения международных событий».

Да, все так и было на самом деле. Было!

Глава 15
Политическая напряженность нарастает

XIX партийная конференция, принявшая резолюцию о гласности, послужила детонатором мощных процессов в партии, государстве, обществе. Один из новых поворотов демократизации – выборы народных депутатов СССР. Они проводились по очень сложной схеме. Но были, пожалуй, самыми демократичными. Ведь не только партия делегировала своих представителей в народные депутаты, но и профсоюзы, и творческие союзы, и ученые, и женские, и ветеранские организации. Да, при этом устанавливались квоты, но весь спектр народного представительства тогда обеспечивался.

Назову, к примеру, Союз журналистов СССР. Здесь нам отводилось только 120 мест от отечественной журналистики. Но посмотрите, как тщательно проводился отбор. Во всех республиканских, краевых и областных журналистских организациях выдвигали свои имена. Чаще всего назывались самые известные, самые талантливые имена. И потом уже на пленуме Союза журналистов был окончательно сформирован список десятки. Хотя на первом этапе было 96 кандидатов. К сожалению, отсеялись многие блистательные имена.

На последнем этапе оставшаяся десятка со своими программами отправилась для их представления в крупнейшие журналистские организации страны.

Я оказался, будучи генеральным директором ТАСС, в числе десятки и в дальнейшем стал народным депутатом СССР – пятым по набранным голосам.

В целом состав народных депутатов СССР оказался в чем-то сенсационным. С огромным преимуществом от Москвы прошел Борис Ельцин. Он собрал 5 117 745 голосов. Опальный политик получил доверие 90 процентов московских избирателей.

Но сенсации на этом не заканчивались. На лентах ТАСС, в информационных сообщениях телевидения назывались крайне неожиданные результаты. В десятках регионов секретари обкомов и крайкомов, крупные деятели потерпели неожиданное поражение. Провалились 14 командующих войсками округов. В Ленинграде из семи партийных руководителей не прошел ни один.

Еще перед съездом, а потом и на самом съезде сложилась

мощная и очень влиятельная межрегиональная группа депутатов МДГ. Чтобы избежать внутренней конкуренции и вождизма, группа избрала сопредседателей. Ими были Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, академик А. Сахаров, Б. Ельцин и эстонский профессор Виктор Пальм. Разумеется, неофициальным лидером группы был Борис Ельцин. В дальнейшем все они потихоньку сойдут с дистанции. Все – кроме Ельцина, у которого впереди – новый взлет.

Уже на первом – очень драматичном – заседании тон начнут задавать все эти персонажи. К счастью, мне тоже удалось прорваться на трибуну в первых рядах с критикой некоторых абсурдных предложений, выдвинутых Г. Поповым и Ю. Афанасьевым.

На съезде надо было создать четкий юридический регламент его работы, порядок формирования Верховного Совета СССР. Но страсти нагнетались на каждом заседании. Все требовали демократии и гласности. Порой безудержной, за что в первую очередь выступали представители так называемой академической группы ученых, которые своим лидером и знаменем, по сути, объявили Бориса Ельцина. А он все более жестко с позиций оппозиционера критиковал руководящие органы страны.

Возникли и острые национальные вопросы, которые чуть не погубили ход съезда, когда депутаты из Прибалтики потребовали официально осудить исторический пакт Молотова – Риббентропа. Создали даже специальную группу депутатов во главе с Александром Яковлевым, который явно симпатизировал прибалтам, добивавшимся в ближайшем будущем выхода прибалтийских республик из СССР. Депутаты услышали много тогда вымыслов, антисоветских выпадов, откровенных подтасовок фактов. В будущем они добьются своего – станут независимыми государствами и будут попирать многие святыни, преследовать антифашистов, перетаскивать, разрушать памятники русским освободителям, перекапывать могилы неизвестных солдат, их захоронения…

А начиналось всего-навсего с «тайного пакта Молотова-Риббентропа». Теперь мы знаем, чем это закончилось.

Острый эпизод возник при выборах депутатов Верховного Совета СССР. Сначала прокатили кандидатуру Ельцина, но потом ему свой мандат «подарил» омский прокурор Казанник, который прошел при голосовании в Верховный Совет. Последовали новые горячие речи, и Борис Ельцин получил мандат члена Верховного Совета народных депутатов в Совет национальностей.

Все эти драматические перипетии политической 6 борьбы нашли полное отражение в программах телевидения, сообщениях

ТАСС – во всей нашей печати. Съезд приковал к себе колоссальный интерес представителей иностранной прессы.

Прямые трансляции телевидения занимали основное место не только в дневное, но даже в вечернее и ночное время. Вся страна жила этими событиями.

С самого начала работа Верховного Совета СССР его заседания оказались в центре внимания прессы и, конечно, телевидения. Трансляции о его заседаниях, новости, комментарии шли ежедневно. Сформировались две палаты: Совет Союза и Совет национальностей. Избрали президиум Верховного Совета, и его первым председателем стал генеральный секретарь ЦК КПСС. Казалось бы, его позиции укрепились. А самому Верховному Совету тогда предоставили огромные полномочия. Ему полностью было подотчетно правительство. Решено было сформировать новое правительство. Его возглавил Николай Рыжков. Но кандидатуру каждого министра иногда часами обсуждали на заседаниях Верховного Совета.

И каждый раз каждую кандидатуру представлял лично Н. Рыжков.

Со временем стало ясно, что это уже не демократия, а ее «разгул», как шутили некоторые остряки. А Николай Иванович Рыжков, вместо того чтобы решать неотложные правительственные вопросы, больше месяца провел на заседаниях Верховного Совета, отстаивая кандидатуры министров. Он однажды вскипел на очередном заседании и покинул зал.

Страна теряла управляемость. Депутатское самовластие, демонстрируя достижения демократии, уже стало помехой в экономическом развитии страны. Удивительное дело – многие депутаты, особенно члены Верховного Совета, первое время пытались непосредственно вмешиваться в работу министерств и ведомств, подменять их функции. Это вызвало уже противостояние законодательной и государственной власти, которое в ряде случаев привело к печальным последствиям.

Но были и очень верные шаги депутатского корпуса. Они прежде всего коснулись главного – пересмотра, совершенствования законодательной базы. И на этом направлении важную роль сыграли журналисты, когда в короткие относительно сроки был разработан Закон о средствах массовой информации.

Мне тоже довелось быть одним из тех, кто внес ряд положений в этот закон, особенно касающихся международной части.

Но не все в первоначальном проекте было безукоризненным. И вот однажды на заседании Верховного Совета решили в

окончательном варианте поставить закон о СМИ на утверждение. Мне в тот день с утра предстояло вылететь в Алма-Ату. Я уже сидел в самолете, когда перед самым вылетом в салоне прозвучал по радио голос стюардессы: «Леонид Петрович Кравченко, вас просят срочно пройти к телефону правительственной связи в депутатский зал».

Ничего не поделаешь, пришлось покинуть самолет. А когда я подошел к телефону, оказалось, что меня ищет Михаил Горбачев и просил перезвонить ему. В разговоре выяснилось, что Горбачев настаивает на моем сегодняшнем выступлении в Верховном Совете при обсуждении проекта закона о СМИ. Ему не нравились некоторые формулировки проекта закона, и он попросил меня выступить с соответствующими поправками. Некоторые из моих поправок приняли. Но другие остались незыблемыми. В частности, статья о том, что каждый гражданин, достигший 18 лет, может учредить свою газету. Как и Горбачев, я считал, что это чушь. Это потом подтвердило время. Такие газеты появлялись на свет божий, но часто их редакторами оказывались шизофреники.

В целом Закон о средствах массовой информации сыграл заметную роль как в развитии прессы, свободы слова, так и повышении их ответственности перед обществом.

Однако в погоне за гласностью и демократизацией произошла серьезная деформация самой демократии. Это встревожило многие умы, поскольку в стране явно подрывался авторитет правительства и государственного управления. Даже такой последовательный демократ в политбюро, как Александр Яковлев, выступил однажды с серьезными предостережениями. А он в эти годы считался главным идеологом в партии.

Вот что писал тогда А. Яковлев:

«Чему учат четыре года перестройки? Проведен беспримерный по глубине, открытости и откровенности, по болезненности и мужеству анализ состояния общества.

В этом анализе доминировала критика, и это понятно. Ее острота – а она была настолько сильна, что напугала кое-кого у нас в стране, да и некоторых друзей за рубежом, – была своего рода компенсацией за долгие десятилетия молчания и восхитительного уклона. Критика стала одновременно и благом, и спасением, и расплатой.

Но с учетом накопленного социального опыта, всех последствий очистительной волны правомерен вопрос: а не произошло ли задержки на этом этапе? Не возникла ли новая инерция – подвергать сомнению все и нагнетать – вольно или невольно – социальный пессимизм, выгодный только

антиперестроечным силам?

Не произошло ли непреднамеренного крена к сопротивлению, когда из всего арсенала перестройки – демократия, инициатива, ответственность, самостоятельность, открытость – взяло верх одно направление: критика?

К тому же сегодня уже не требующее гражданского мужества. Ныне нужно куда больше смелости, чтобы сказать доброе слово, и тем более – вершить перестройку делом.

Тут большой вопрос, сложный и неоднозначный, трудный для решения, трудный для политики.

Искусственно сдерживать критический настрой, гласность, острые и свободные дискуссии было бы не только бессмысленно, но и противоречило бы духу перестройки, демократическому обновлению общества.

Мы дорого, очень дорого во всех отношениях заплатили за десятилетия безгласия и немоты общественной мысли. Заплатили падением нравственности, авторитетом власти, хозяйственными просчетами и потерями, экологическими бедствиями. Критика пришла к нам с перестройкой, стала нормой жизни и останется ею и впредь. Принципиальная позиция КПСС на этот счет изложена ясно, твердо, определенно.

Нельзя не видеть и опасность своего рода социального мазохизма, которому в конечном счете безразлично, на чем спекулировать: на славословии или ниспровергательстве. Этому всеядному социальному явлению должен быть поставлен своеобразный нравственный заслон. Но, конечно, не административный. Им может и должно стать улучшение социальной обстановки; демократия, которая одна только и может регулировать меру добра и зла; воспитание рациональности, воспитание патриотической боли за ошибки и промахи, привычка не к словам, а к делу, к созиданию. Таким заслоном призвана стать и консолидация сил общества не на руинах, а на твердой почве непреходящего, подлинного, совершенного. На основе неизбежности идущих перемен. Верности ценностям, рождаемым перестройкой.

Искусственное нагнетание нигилизма предлагает тупиковое развитие, суживает духовные и практические горизонты человека. Верный признак критики творческой, созидательной, заинтересованной в деле, а не в позерстве – ее способность раскрывать новые перспективы, делать доступными неведомые или невостребованные ранее резервы и возможности. Ее качество – служить той самой обратной связью, что дает жизнеспособность и энергию общественному организму, а не лишает его нравственных и жизненных сил».

В России, несмотря на такого рода предостережения, демократия все больше воспринималась многими влиятельными силами как вседозволенность. В этом хоре негативную роль сыграли и многие журналисты, писатели, поспешившие причислить себя к рангу «непоколебимых» демократов. В газетах, литературно-художественных журналах, в теле– и радиопрограммах продолжали разоблачения сталинских репрессий, все больше нападали на государственный аппарат как некий символ «злой антинародной воли». И это в то время, когда именно в государственном аппарате возникла растерянность. Используя гражданский инстинкт свободы, настороженность общественного мнения к сильному государству, СМИ вселяли в людей нигилизм, отрицание всякой твердой руки, без чего невозможно управлять большим государством.

На этом фоне прозвучал призыв Николая Рыжкова: «Сегодня при сильном законодательном Верховном Совете СССР нужны как сильная исполнительная власть, так и сильное авторитетное правительство. Мы не должны забывать, что демократия – это не только расширение реальных прав, но и усиление ответственности, дисциплины».

В это время большое беспокойство стал проявлять и Михаил Горбачев. Его пугали уже звучавшие призывы к подрыву конституционности и правопорядка.

Между тем лозунгами демократизации, гласности, расширения прав и свобод человека все чаще пользовались разношерстные политические группы. Уже нередко брали верх те силы, которые сознательно хотели бы превратить демократию в распущенность, гласность – в право навешивать ярлыки, а права и свободы направить в русло с односторонним течением в сторону беззакония и вседозволенности. Насколько это опасно, я позднее в полной мере испытал на собственной судьбе.

Тем временем в экономике нарастал кризис, грозил коллапс. И поэтому стали поддерживать новые формы развития производственной демократии, которые оказались потом ошибочным увлечением.

Назову лишь два примера. Вдруг решили, что настоящая демократия – это избрание в коллективах предприятий директоров. Под лозунгом: «Работу директора – под контроль трудового коллектива» стали чаще избирать покладистых, готовых на любые компромиссы директоров. Их философия была проста: лишь бы удержаться на посту. Но пройдет еще два-три года – и станет ясно, что с такими директорами легко развалить предприятие. Ведь без дисциплины, без высокой требовательности к подчиненным успеха не добьешься.

Позже в одной из бесед Николай Иванович Рыжков признался мне: «Не могу простить себе двух крупных заблуждений. Первое – выборы директоров в коллективах. И второе – создание бесчисленного множества кооперативов, где прошли школу многочисленные мошенники, которые потом стали крупными фигурами в криминальном бизнесе и даже олигархами. Это было очень недальновидно с моей стороны».

За этими процессами пристально наблюдали в зарубежных странах. Я убеждался в этом на собственном опыте, поскольку часто находился в деловых поездках в зарубежных странах и заключал договоры о сотрудничестве с мировыми информационными агентствами – в Германии, Англии, Франции, Японии, США, Индии. Руководители агентств настороженно спрашивали меня: «Почему политическая перестройка в СССР не дает зримых плодов в экономике? Почему усиливаются кризисные явления?»

Особенно мучили меня этими вопросами в Мюнхене, куда я год спустя снова приехал по просьбе устроителей очередной встречи массмедиа в октябре 1990 года.

На этот раз у меня не просили заранее тезисы, но десятки газетных и телеинтервью – с утра до ночи. Но было и официальное выступление, которое вызвало ряд откликов в Германии и других странах.

Глава 16
Зарубежные визиты, где меня встречали как «человека Горбачева»

Самое интересное, что, предоставляя мне слово в Мюнхене, ведущий дискуссии отрекомендовал меня как «человека Горбачева». Это очень повышало ко мне интерес, поскольку тут же возникли слухи, что я действительно прибыл в столицу Баварии как посланник советского лидера. Пришлось по возможности соответствовать этому рангу. Я начал так:

Организаторы нашего симпозиума подсказали мне хорошую идею: вернуться к тезисам моего же сообщения, сделанного здесь, в Мюнхене, ровно год тому назад, и попытаться критически оценить их в свете драматичных перемен, что произошли за это время в Советском Союзе, в Восточной Европе, во всем мире.

Говорят, история не любит очевидных решений, поскольку у нее гораздо больше воображения, чем у политологов.

События двенадцати месяцев, минувших после нашей встречи на симпозиуме «Дни массовой информации: Мюнхен-89», красноречиво подтверждают этот остроумный постулат итальянского политолога Арриго Леви, автора недавно вышедшей книги «Между Востоком и Западом». В самом деле, давайте зададим себе хотя бы один-единственный вопрос: кто из нас, участников прошлогодней встречи, мог бы предсказать, что всего лишь считаные дни оставались до падения Берлинской стены, которая, по тогдашним оценкам экспертов, должна была бы оставаться еще многие годы, если не десятки лет, символом разделенной Германии и разделенной Европы? И мог ли кто-либо из нас, участников прошлогоднего симпозиума, предсказать, что всего лишь через год с небольшим станут возможными общегерманские парламентские выборы?

Вспоминается, как год назад западногерманский журналист задал мне в связи с 40-летием ГДР вопрос из разряда каверзных: почему, мол, Горбачев и советские средства массовой информации в эти дни не критикуют Хонеккера за его противодействие курсу перестройки и гласности? Я позволил себе тогда ответить шуткой: не принято высказывать критические суждения на юбилеях и похоронах. Шутка была подхвачена, и, признаться, я этого не ожидал, получив вскоре из ФРГ ряд копий корреспонденций из различных газет, где мои слова о юбилеях и похоронах будут вынесены в заголовки.

Год назад, выступая на симпозиуме в Мюнхене, я говорил, что перестройка и гласность, новое политическое мышление со всей остротой поставили перед всеми советскими средствами массовой информации проблему разрушения стереотипов, отказа от какого-либо упрощенчества в оценках. Я и сегодня готов подтвердить, что это для нас, журналистов, – задача первостепенной важности. К сожалению, решение ее не может быть неким единовременным актом. Можно сказать, что все мы: работники информационных агентств, телевидения, радио, прессы – лишь студенты в академии перестройки и гласности. Прожитый год также был для нас временем поисков и весьма напряженной учебы.

Рад сообщить, что по инициативе ТАСС сейчас готовится важный правительственный документ о демократических принципах развития службы информации. В условиях перестройки нам представляется важным исключить какую-либо монополизацию информационной службы той или иной партией, политическим движением или группировкой, обеспечить осуществление функций по сбору и распространению информации независимо от политических и общественных организаций в целях объективного и всестороннего освещения процессов, происходящих в СССР и за рубежом.

Как показывает анализ, официальные сообщения от имени правительства или его учреждений в общем информационном потоке ТАСС составляют весьма малую долю – не более 8—10 процентов всей информации. Но именно она создавала прежде, да, признаться, и сейчас еще создает нам репутацию официозного и даже консервативного агентства, от которой мы, естественно, всячески стремимся избавиться. Мы поставили, в частности, перед правительством вопрос о том, что следует отказаться от «классических» сообщений типа «ТАСС уполномочен заявить». Во всяком случае, надо конкретно указывать, кем именно уполномочен.

Свою главную задачу мы видим в том, чтобы сделать лицо ТАСС подлинно демократичным, а это значит, что ТАСС должен стать не только и не столько голосом правительства, сколько голосом народа. Принципиально важно в этой связи, чтобы журналисты агентства высказывали свою личную точку зрения. Нам все еще приходится преодолевать сложившийся в прежние годы стереотип, когда любой материал, подготовленный в ТАСС, воспринимается у себя дома и за рубежом как сугубо официальный голос властей. Пожалуй, главная проблема сегодня состоит в том, чтобы снять психологические барьеры и освободиться от внутреннего цензора, который все еще сидит в нас. Строгая объективность, точное изложение фактов, а не тенденциозная

политизация оценочных суждений – вот безусловное профессиональное требование к любой публикации агентства.

Мы должны молиться только одному богу – факту! Для нас были весьма поучительными уроки, связанные с освещением народного восстания против режима Чаушеску. Корреспонденты ТАСС, находясь в самой гуще событий и нередко под обстрелом агентов охранки диктатора, оперативно и точно сообщали обо всем, что видели, и на информацию ТАСС из Бухареста ссылались едва ли не все мировые и национальные агентства.

В те дни в Москве проходил съезд народных депутатов, и сообщения из Бухареста немедленно передавались для них по системе «Теле-ТАСС» – на электронные экраны в Кремле. У экрана с информацией «Теле-ТАСС» мне довелось тогда дать несколько интервью зарубежным коллегам, и каждый раз приходилось говорить о том, что переданные с места события сообщения не есть некое «мнение Кремля», а как раз наоборот: на основе живых оперативных репортажей корреспондентов Кремль, а точнее сказать, народные избранники – депутаты – формируют свои оценки этого международного события.

Корреспонденты ТАСС, работавшие в Бухаресте, отказались от каких-либо политизированных, идеологизированных установок – писали о чрезвычайно драматичном обострении событий без какой-либо оглядки на то, как это может быть оценено, например, осторожными экспертами-дипломатами. Кстати, как рассказывал нам заведующий отделением ТАСС в Бухаресте Д. Дьяков, один из ответственных работников советского посольства в наиболее критический момент пытался давать ему советы! «Вы хоть думаете, что передаете в Москву?! А если покинувший Бухарест Чаушеску вдруг сможет через несколько часов вернуться с верными ему войсками?!»

Журналистика – не для тех, кто робок духом, ибо непременное требование к репортеру и комментатору, любому работнику средств массовой информации – бесстрашие перед фактом. В нашем динамично меняющемся мире часто возникают ситуации, когда то или иное событие ломает устоявшиеся, весьма привычные, столь «удобные» стереотипы, политические и идеологические концепции. И тут требуется, если хотите, своего рода мужество: встретившись с «неудобным», упрямым фактом реальной жизни, признать его, а концепцию, которая вдруг оказывается на поверку всего лишь обветшалой догмой, решительно и бесповоротно отбросить.

Не только для политиков, но и для нас, журналистов, бурные события минувшего года в Восточной Европе, как, впрочем, и в некоторых других регионах мира, ставили зачастую чрезвычайно

сложные задачи. После падения Берлинской стены, например, самой логикой захлестнувшего континент «девятого вала» политических потрясений были вынесены на повестку дня вопросы объединения Германии и строительства единого общеевропейского дома. Возникла совершенно новая динамика во всей системе отношений Запад – Восток. Она затронула очень чувствительные проблемы, породила не только надежды, но также страхи, сомнения и подозрения. Политологи ведут дискуссии о том, с какой скоростью помчится вперед поезд объединенной Германии, – не обгонит ли он поезд общеевропейский? И что произойдет в этом случае: не германизирует ли, как выразился один мой коллега, Германия Европу? Вы понимаете, что и в нашей стране далеко не однозначно воспринимаются ошеломляющие, стремительные перемены в Восточной Европе.

Организаторы нашего симпозиума просили меня высказать свое мнение о возможном развитии событий в нашей стране. Откликаясь на эту просьбу, я хотел бы прежде всего повторить один из тезисов моего прошлогоднего сообщения, ибо я и сегодня считаю судьбоносной проблемой для успеха всего дела перестройки взаимосвязь политической и экономической реформ в нашей стране. Пока остается в силе сказанное год назад: хотя достигнуты крупные успехи в демократизации жизни общества и расширении гласности, в области политической реформы пройден в кратчайшие сроки большой путь, на который в других условиях, вероятно, потребовались бы десятилетия, в сфере реформы экономической, к сожалению, серьезных перемен нет.

В одном из недавних номеров журнала «Шпигель» я обратил внимание на карикатуру, изображавшую нашего лидера в образе «доктора Горби», который говорит помощнице-санитарке: «Сообщите мне, когда состояние пациента изменится», и на постели больной – советская экономика – в виде… скелета. Не берусь судить об эстетических достоинствах карикатуры, но должен сказать, что, к счастью, если воспользоваться известной формулой, слухи о нашей смерти все же преувеличены. Хотя, спору нет, положение в экономике весьма тяжелое. Как известно из медицины, на пути к выздоровлению непременно приходится пройти через кризис, когда зачастую и впрямь больной находится на грани между жизнью и смертью.

Мы отдаем себе отчет в том, что дальнейшая пробуксовка в сфере экономической реформы может оказаться гибельной для всего дела перестройки. В условиях, когда авторитарно-бюрократическая система уходит в прошлое, а новая, демократическая система еще только рождается в муках и противоречиях, возникла опасная ситуация. Некоторые ораторы на

Чрезвычайном съезде народных депутатов СССР охарактеризовали ее как вакуум и даже как паралич власти. Возможно, в этих оценках есть некоторое полемическое преувеличение, но суть проблемы тем не менее они выражают достаточно верно. Полагаю, что такого рода уникальной ситуации еще не было в мировой экономике: старые и новые формы хозяйствования, командные и экономические, столкнулись в ожесточенном противоборстве, взаимно ослабляя друг друга, приводя к глубокому кризису управленческих структур.

В свое время Гёте высказал глубокую мысль о том, что гораздо легче найти ошибку, нежели истину, ибо ошибка лежит на поверхности и ее замечают сразу, в то время как истина скрыта в глубине и не всякий сможет отыскать ее.

Что касается ошибок, увы, сделанных нами уже в ходе перестройки, то сегодня они достаточно очевидны. Как мне представляется, мы оказались просто неготовыми к столь стремительному развитию процессов демократизации и потому, не сумев управлять ими, допустили политическую дестабилизацию и дезинтеграцию власти. Весьма примечательный и во многом поучительный феномен сложных и противоречивых перестроечных процессов заключается в их и весьма животворном для общества, но вместе с тем и взрывоопасном развитии. Нарушились сложившиеся под жестким контролем прежней командно-административной системы хозяйственные связи между республиками и регионами. Чрезвычайно обострились межнациональные конфликты – на Кавказе, как вы знаете, дело дошло даже до вооруженных столкновений. Велика сумятица в умах людей, нарастает неудовлетворенность в ключевой – экономической – сфере.

Сегодня мы подошли к судьбоносному рубежу осознания истины: без радикализации экономической реформы на основе перехода к полнокровным рыночным отношениям страна не сможет преодолеть столь глубокий кризис.

В последнее время в мировой прессе было немало публикаций о пакете чрезвычайных мер по переводу советской экономики на рыночную основу. Без преувеличения можем сказать, что они буквально выстраданы в ходе перестройки, когда приходилось, что называется, с кровью срывать пелену с глаз, расставаясь с шорами застарелых идеологических догм. Чего стоит одна только дискуссия о частной собственности, когда иные наши теоретики, страшась назвать вещи своими именами, упорно не желали признавать то, что давно было известно всему миру! Без каких-либо идеологических предубеждений мы идем сегодня и на сотрудничество с зарубежными партнерами – вплоть до создания

предприятий, собственниками которых будут иностранные предприниматели. Полагаю, это открывает также огромные возможности и для расширения взаимовыгодного экономического сотрудничества между объединенной Германией и Советским Союзом. Думаю, что очень важно в полной мере использовать эти возможности уже при подготовке всеобъемлющего и основополагающего двустороннего договора между нашими странами, который, как договорились на встрече в Железноводске Гельмут Коль и М.С. Горбачев, будет охватывать все отрасли отношений – не только политические, но также вопросы взаимной безопасности, экономики, культуры, науки, техники…

Чуть позже, после Мюнхена, мой путь лежал в США, где прошли интересные переговоры с владельцами известной телекомпании Си-эн-эн и агентством Ассошиэйтед Пресс. А затем я стал гостем дискуссионного клуба «Таун-холл оф Калифорния». Для выступлений в этом клубе традиционно приглашают высоких государственных деятелей. Сначала речь, вопросы, а потом обед в кругу выдающихся политиков и бизнесменов. За вход сюда на встречу платят до 16 тысяч долларов. Так, по крайней мере, сказали. И пояснили, что меня встречают как посланника Горбачева.

Я поблагодарил организаторов встречи. А затем поднялся на трибуну.

Как мне рассказывали, вот уже более полувека «Таун-холл оф Калифорния» отстаивает свое кредо, которое, могу сказать со всей определенностью, и я лично всецело разделяю: свободное слово абсолютно необходимо для выбора свободного пути в жизни.

Динамичная политика перестройки и демократизации всех сторон жизни общества в СССР была бы просто невозможна без гласности, а значит – без свободного слова, ибо гласность, как мы понимаем ее, – это гарантия самого широкого плюрализма мнений.

Я знаю, что еще одной традицией вашего клуба является дискуссионный характер обмена мнениями, и это тоже мне представляется очень важным. В свое время Вольтер хорошо сформулировал принципиальное отношение к инакомыслию: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но до самой смерти буду защищать ваше право говорить это».

Принято считать, и, вероятно, не без оснований, что каждое общество имеет такие средства массовой информации, какие оно заслуживает. Эта взаимосвязь между характером прессы, всех средств массовой информации и глубинными процессами, определяющими социально-экономическое, политическое состояние общества, однако, не проста и совсем не однозначна. Если говорить о советской прессе, то нельзя не признать, что длительный

застойный период, который пережило наше общество, не мог не сказаться в высшей степени отрицательно на деятельности журналистов, но справедливости ради я хотел бы также подчеркнуть, что и в самые тяжелые годы лучшие наши публицисты очень многое сделали для подготовки тех стремительных процессов демократизации, которые теперь получили название перестроечных.

По правде говоря, еще несколько лет наши информационные службы страдали славословием и парадными трескучими сообщениями о так называемых производственных успехах, увы, зачастую не о действительных, а о мнимых. Была даже идеологизированная концепция «пропаганды успехов». Именно в те годы как реакция на эту пропаганду, оторванную от жизни, родился в народе довольно ядовитый анекдот о том, что для выполнения продовольственной программы нужно всего лишь… подключить холодильник к телевизору.

Одна из самых актуальных проблем – взаимосвязь политической и экономической реформ в стране. Мы можем с удовлетворением констатировать крупные успехи в демократизации жизни общества, в расширении гласности. В области политической реформы за годы перестройки пройден большой путь, на который в других условиях, вероятно, потребовались бы десятилетия. Увы, иначе пока обстоит дело в области реформы экономической. Здесь серьезных перемен еще нет, хотя и намечены крупные, принципиального характера преобразования. В целом ряде отраслей, и притом ключевых для экономики, происходит пробуксовка. Негармоничность развития двух главных процессов в сферах экономической и политической вызвала серьезные кризисные явления. И наглядным выражением возникших противоречий стали, например, массовые забастовки шахтеров в основных угледобывающих районах страны, а также острые межнациональные конфликты.

Жизнь любой страны многомерна, многогранна, многоцветна, и журналисты просто не вправе пользоваться только белой и черной краской в ее показе. Полагаю, вы согласитесь со мной в том, что в последние годы жизнь в Советском Союзе, в других социалистических странах, благодаря начавшейся перестройке экономической и политической системы, настолько изменилась, что никак уже не укладывается в привычные на Западе стереотипы и представления о так называемом тоталитарном, закрытом обществе. В сознании многих наших и ваших журналистов происходит все более зримое размывание «образа врага», созданного не без помощи средств массовой информации.

Вы знаете, что в Советском Союзе прекращено глушение всех

без исключения зарубежных радиостанций. В последние полтора-два года стремительно вырос поток съемочных групп, приезжающих в СССР для подготовки различных материалов о жизни нашей страны. И сегодня никого уже не удивляет тот факт, например, что радиостанция «Голос Америки» открыла в Москве свое отделение.

Гласность и открытость характерны сегодня не только, так сказать, для внутреннего потребления. У нас теперь не возникает никаких комплексов по поводу прямых дискуссий с нашими оппонентами, имеющими в корне отличные от наших политические воззрения. По советскому телевидению неоднократно выступали Дж. Буш, Р. Рейган, М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Г. Коль, Г. Геншер, многие другие видные деятели Запада, и ничего – крыша в нашем телецентре не обрушилась.

Все средства массовой информации в зависимости от целей могут быть конструктивными или деструктивными, могут служить средством укрепления доверия между народами или средством его подрыва. В этой связи я особо хотел бы сказать о возрастающей ответственности журналиста. В его руках, в сущности, огромная власть над людьми, ибо от него во многом зависит, какими глазами при встрече посмотрят друг на друга люди разных стран, разных общественных систем – глазами друга или глазами врага.

Мы – оптимисты. Мы уверены в необратимости тех процессов, которые уже сейчас набирают силу в мировой прессе: на смену политическим штампам и прямой конфронтации приходит более объективное отображение различных событий в мире, реальных процессов в мировом сообществе.

Свою главную задачу мы видим в том, чтобы сделать лицо ТАСС более демократичным. Быть не только и не столько голосом правительства, сколько голосом народа. В первую очередь добиться, чтобы наши журналисты имели полное право на личную точку зрения, чтобы любой материал, который подписывает своим именем корреспондент ТАСС, не воспринимался как официальный голос властей.

Решительный поворот делается в сторону открытости, поиска новых журналистских жанров. В дни работы Второго съезда народных депутатов СССР мне пришлось в перерывах между заседаниями дать несколько интервью зарубежным коллегам, которых, в частности, интересовал вопрос: как удалось корреспондентам ТАСС столь оперативно и глубоко осветить драматические события в Румынии? Не скрою, мне было приятно получить от директора московского бюро Ассошиэйтед Пресс г-на Майкла Патцела следующее письмо:

«Уважаемый господин Кравченко,

Примите, пожалуйста, мои поздравления в связи с блестящим освещением журналистами ТАСС недавней революции в Румынии. В то время как другие международные агентства новостей, включая наше, имели ограниченные возможности в связи с отсутствием корреспондентов на месте события, репортажи корреспондентов ТАСС являлись нашим важнейшим источником информации о том, что происходило там в самое важное и непонятное время. Их сообщения были своевременными, точными, иногда по-настоящему драматичными, например, когда их помещение находилось под обстрелом, а корреспонденты продолжали отправлять информацию.

Как Ваши подписчики и коллеги, мы отдаем должное работе по освещению этого кризиса, проделанной Вашими редакторами и корреспондентами».

Во внешнеполитической информационной деятельности ТАСС сейчас сосредоточил свои усилия на освещении процессов, способствующих оздоровлению международной обстановки, гуманизации межгосударственных отношений, утверждению новой морали, новой психологии, нового политического мышления. В международной информации стремимся к отходу от стандартных «черно-белых» штампов, объективному, сбалансированному анализу. Не восторги или безудержная критика, а объективный анализ внутренней ситуации, реальностей каждой отдельно взятой страны, ее национальных интересов и потребностей определяет значимость информации…

У нас в тот день был прекрасный обед. Много еще вопросов, а на прощание просьба передать г-ну Горбачеву слова восхищения его деятельностью и пожелания новых успехов.

Это я и сделал по приезде в Москву.

Глава 17
Непредсказуемые повороты событий

Если бы аналитики, посвятившие свои исследования Михаилу Горбачеву, составили перечень самых больших его ошибок, то к их числу, несомненно, надо отнести его решение стать президентом СССР. Это звучит парадоксально, но ведь так получилось, что он использовал для укрепления личного могущества не прямые, всенародные выборы, а простое голосование на съезде народных депутатов. Произошло это в марте 1990 года. Он ничем не рисковал, зная, что большинство народных депутатов его поддержат. Так это и получилось. Но Уз голосов оказалась против. Этот результат мог бы насторожить. Ведь представим себе, что выборы президента прошли всенародно. Не исключаю, что к этому времени он вряд ли собрал бы большинство в $^2/_3$ голосов. И причиной тому – резкое ухудшение экономического положения в стране. Повсеместно ширились забастовки. Протестное состояние настроений в народе нарастало. Именно поэтому Михаил Горбачев решил укрепить личное влияние в государстве через завоевание поста президента СССР. Причем в борьбе за власть он допустил новый просчет, может быть решающий, когда начал все более открыто дистанцироваться от КПСС и ее Центрального комитета. А ведь это была на тот момент все еще самая надежная опора. Но и тут он допускает новый промах. С помощью закулисных маневров склоняет наиболее стойкую часть членов ЦК, которые достигли пенсионного возраста, не дожидаясь съезда партии, выйти добровольно из состава ЦК КПСС. Официально инициатором акции был Михаил Зимянин, честнейший коммунист, бывший главный редактор «Правды», один из руководителей партизанского движения в Белоруссии. В последние годы он работал секретарем ЦК по идеологии, но вышел на пенсию. Более ста членов ЦК, околпаченных идеей об омоложении его состава, добровольно сложили с себя полномочия. Но именно этой части членов ЦК больше всего опасался Горбачев. Они уже не скрывали своих антипатий и фактически перешли в оппозицию генсеку.

И все это происходило незадолго до очередного и последнего съезда партии, который соберется 10 июля 1990 года.

Я был свидетелем этих драматических событий на пленуме ЦК. В сообщениях ТАСС, на телевидении все это преподносилось как искреннее волеизъявление заслуженных ветеранов. Но в кулуарах шли совсем другие разговоры. Уже вслух произносились

слова: «Он предает партию». Наступит время, когда Горбачев отречется от КПСС, но тогда он поторопился и допустил тактический промах, который уже проявится на съезде партии. Именно там он почувствует растущее отчуждение коммунистов от своего генсека. Но тогда на кого он мог опираться? Пришлось Горбачеву очень неудобно усаживаться между двух стульев – занятых консерваторами и демократами.

Тем временем к XXVIII съезду КПСС уже тщательно готовился и Борис Ельцин. У него уже вызревал бесовский план о выходе из партии, что должно было спровоцировать новую бурю страстей.

В близком окружении Горбачева в политбюро тоже нарастало напряжение. Егор Лигачев – главный мотор партии – впал в немилость. Постепенно его стали отодвигать на второй план. Но он, так же как Рыжков и Лукьянов, понимал: дело идет уже к неминуемому развалу страны. Егор Лигачев готовился дать бой и решил в кругу близких сподвижников выдвигать свою кандидатуру на роль заместителя генерального секретаря. Опять должны были сойтись в политической схватке Горбачев, Ельцин, а теперь еще и Лигачев.

В течение нескольких месяцев велась кампания по выдвижению делегатов съезда. Я удостоился чести быть представленным не от Москвы, а от партийной организации Азербайджана.

Это был сложнейший момент, когда уже вовсю разгорался Карабахский конфликт. И мне как генеральному директору ТАСС пришлось нелегко объяснять природу конфликта и пути выхода из него на съезде компартии Азербайджана. Меня пригласили в президиум на этом республиканском съезде и ждали моего выступления. Оно в целом произвело благоприятное впечатление. В итоге я был избран делегатом XXVIII съезда КПСС.

Из ближайшего окружения Горбачева мне удалось узнать, что Михаил Сергеевич, чтобы нейтрализовать Ельцина, готов был даже ввести его в состав политбюро. Но ведь, как говорится, «этот поезд» давно ушел. Ельцин в борьбе за полную победу уже прокладывал другой политический маршрут – без КПСС. Хотя и здесь они с Горбачевым странным образом избрали примерно одинаковые тактические цели. Вскоре и Горбачеву с партией уже будет не по пути. Но тогда генсек еще царствовал в президиуме, а Ельцин готовил свою речь в партере.

Надо напомнить, что к этому моменту Ельцин уже восседал на посту председателя Верховного Совета РСФСР. 16 мая 1990 года состоялись выборы в российский парламент, где большинство мандатов – 465 – было в руках верной Ельцину «ДемРоссии». У коммунистов – только 417. Еще 176 депутатов –

независимые. Несколько дней и ночей шли голосования и переголосования. Альтернативой Ельцину выдвигали людей малоавторитетных. Сначала Ивана Полозкова – первого секретаря Краснодарского крайкома партии, потом Сергея Бабурина, министра Власова. Был момент, когда чашу весов могли склонить 15–20 депутатов.

Поразительное дело: и в тот момент Горбачев проявил удивительное благодушие и, вероятно, совершил непоправимую ошибку. Он не сумел выдвинуть крепкий противовес Ельцину. Эксперты утверждали: достаточно было уговорить Рыжкова или Лукьянова баллотироваться на пост председателя Верховного Совета России, и любой из них наверняка победил бы.

Но вышло так, что победил Ельцин. И вот теперь на съезде партии предстал не тот побитый партийный московский лидер, а властный, облеченный большой властью деятель.

В который раз беспечность Горбачева обернулась его поражением. Сначала Ельцин не спешил сжигать мосты и выступил с дежурной критикой партаппарата, призвал переименовать КПСС в партию демократического централизма. Но потом в повторном своем выступлении он объявил о выходе из партии. Это была настоящая бомба, которая взорвала общественное мнение.

Благодаря телевидению и оперативным сообщениям ТАСС весь мир узнал об этом скандальном событии.

На съезде развернулась отчаянная борьба за пост генсека и его заместителя. Эта должность вводилась с учетом занятости генсека президентскими обязанностями. В борьбе за пост зама генсека Егор Лигачев дал отчаянный бой. Но с помощью закулисных маневров Горбачева и его сторонников, включая ельцинистов, Лигачев проиграет. Проиграет и КПСС, которая лишится 6-й статьи Конституции, где провозглашалась ее руководящая и направляющая роль. Теперь все яснее формировалось политическое двоевластие в стране: Горбачев номинально правил в СССР, а самую сильную республику контролировал Ельцин.

12 июня 1990 года Верховный Совет РСФСР примет Декларацию о государственном суверенитете России. Это был момент, когда крах СССР стал неизбежен, поскольку отныне отчисления из российского бюджета могли идти только на свое развитие. Исключение – финансирование лишь некоторых союзных программ: содержание армии, МВД, прокуратуры и т. и. А поскольку на бюджетные деньги России, как известно, всегда содержались все республики, кроме Белоруссии и частично Украины, то наступал финансовый коллапс в СССР. Страна

рушилась теперь неотвратимо.

В те дни прозвучали речи, комментарии, статьи об опасности Декларации России для судеб СССР, но все было понапрасну. Ельцин прибирал к своим рукам уже не только Россию, но и фактически подступался к огромной империи.

Обрадованные таким поворотом событий, прибалтийские республики принялись бодать СССР. Дошло даже до того, что на территорию Литвы Горбачев распорядился ввести войска.

На этом фоне вспоминается история, которая привела к предательству высших интересов России. В те времена ФРГ при поддержке союзников все требовательнее настаивала на ускорении процессов воссоединения двух Германий, а для начала слома Берлинской стены. В Брюсселе был создан Международный комитет по воссоединению Германии. В нем начались острые дискуссии. И вот решено было направить для участия в работе комитета делегацию от СССР. В нее вошли заведующий Европейским отделом, член МИДа Бондаренко, а от Верховного Совета СССР генеральный директор ТАСС Кравченко. Мы с Бондаренко в течение трех дней вели сложные переговоры. Согласованная в Москве, наша позиция состояла в том, что, разумеется, воссоединительный процесс начинать надо и есть основания для ликвидации Берлинской стены, но форсировать события не следует без учета интересов ГДР. На нашу делегацию оказывали постоянное давление. Особенно усердствовал заместитель Государственного секретаря США Болл.

«Если вы до начала весны не примете решение, может последовать холодная война», – пугал нас американец.

У нас же были другие планы. В конце весны в ФРГ должны были состояться парламентские выборы, где, безусловно, все шансы на победу имели социал-демократы. Именно с ними нам и хотелось завершить такие переговоры. Ибо вслед за подписанием соответствующих документов нам предстояло вывести свои войска, оставить все, что было построено нами для обустройства своих войск. Но требовались компенсации, причем в огромных размерах. Они исчислялись десятками миллиардов марок. Ведь предстояло не только оставить поселки, школы, детские сады, магазины, дороги, полигоны и т. и. Суммарно получалось не менее 30 миллиардов западногерманских марок.

В последний день дискуссии мы дали понять, что к весне готовы завершить переговоры.

Вернувшись в Москву, мы с Бондаренко подготовили соответствующий отчет. Работа делегации получила одобрение.

Все это было в конце лета. Но проходит всего несколько недель, и Горбачев, встретившись в Железноводске с

западногерманским канцлером Колем, предложил немедленно подготовить все необходимые документы по германскому вопросу. Известно, что Коль поначалу ушам своим не поверил. Попросил переводчика еще раз переспросить президента Горбачева. Но все подтвердилось. И, как любил говорить Михаил Сергеевич, «процесс пошел».

Он принес нам в исторической перспективе печальные результаты. В ГДР быстро прошла «бархатная революция». Хонеккера отстранили от власти демократы, а потом и их самих отрешили от власти другие силы, сломавшие не только Берлинскую стену, но и поглотившие независимое немецкое государство ГДР.

У нас в Москве позднее побывал авторитетный социал-демократический деятель Эгон Бар, занимавший в «теневом кабинете» Германии сразу несколько постов, в том числе министра обороны и финансов. На «тайной вечере» он не переставал удивляться нашим поспешным решениям. Социал-демократы в случае воссоединения Германии могли, придя к власти, предложить сумму денег, значительно превышающую компенсацию наших прямых потерь, плюс финансирование обустройства выводимых в СССР войск.

«Зачем вы так поторопились, не дождавшись выборов и нашей победы? – корил нас Э. Бар. – Теперь выиграют наверняка христианские демократы, а они вам даже и положенную сумму не выплатят».

Так оно и вышло. И даже хуже вышло. Предполагалось, что будут подписаны многосторонние документы, которые особо подтвердят, что после нашего ухода из ГДР и воссоединения Германии НАТО не посмеет распространять свое влияние на бывшие соцстраны Восточной Европы и не втянут их в свое сообщество.

А что вышло? НАТО стоит у наших границ в Прибалтике, а в Польше и Чехии даже хотят разместить системы ПРО. Есть даже намерение втянуть Украину в НАТО.

Вот чем обернулась политика Горбачева, снискавшего потом звания «Человек года» и «Лучший немец».

Признаюсь, эти факты не нашли тогда должного отражения на нашем телевидении и на лентах ТАСС. Гласность и демократизация к этому времени уже сворачивались.

Глава 18
Крутой поворот в судьбе

Еще в конце 1988 года, перед переходом из Гостелерадио в ТАСС, я стал чувствовать, что с нами происходит что-то опасное: мы можем утратить страну, великую державу. Наверное, как и у многих, всколыхнулось в глубине души чувство патриотизма, гордости за великую историю. Что лежало в основе моего внутреннего беспокойства? Меня, например, очень волновало, что мы занялись самым настоящим самоедством. В нашей истории много печальных и черных, страшных страниц, особенно в период сталинских репрессий. Об этом много и справедливо говорилось, писалось в прессе. Мы должны были пройти катарсис. Но когда возникли силы, которые под видом критики, иногда маскируясь, а нередко в открытую стали отрицать вообще все положительное, что было в нашей истории, я не мог этого принимать. Да и сейчас не принимаю огульного и бездоказательного критиканства. Меня возмущало сплошное самобичевание, саморазоблачение, доведенное до самоедства. Поспешная суверенизация привела к расстройству межхозяйственных связей, к расстройству всей системы экономического снабжения, а в конечном счете – к великим экономическим потрясениям.

Стала быстро развиваться теневая экономика. Кооперативы в том извращенном варианте, в котором они у нас складывались, начали переманивать лучших работников из сферы производства в сферы посредничества, спекуляции, скупки и перепродажи. Особенно пострадало на этом строительство. Перепродавались, разбазаривались материалы, детали, запчасти. Строительные кооперативы брали огромные кредиты и раздавали их на зарплату, взвинчивали цены на услуги. Дельцы обогащались, люди нищали, казна пустела, надвигался крах. Потом многие кооперативы, делавшие прибыли из воздуха, обанкротились, но свой куш они сорвали.

Возвращаясь к принципиальным оценкам, снова подчеркну, что главной ошибкой в ходе перестройки оказалась неспособность правительства гармонично совместить два процесса, две реформы – экономическую и политическую. К тому же Горбачев и правительство потонули в различных проектах – глобальных, фантастических, кабинетных, полностью оторванных от подлинных реалий действительности.

Вот обо всем этом думалось, когда в начале ноября 1990 года у меня появилась возможность отправиться в отпуск.

Выбор пал на Крым, и мы не ошиблись. В осеннюю пору Южный берег особенно прекрасен. Море еще хранит тепло жарких летних дней, листва вечнозеленых деревьев слегка покрыта матовой паутиной седины, а нависшие над побережьем горы раскрашены багряно-золотистыми цветами живописной абстракции. Воздух насыщен морскими солями, дышится легко, душу окутывают покой и умиротворение. Бархатный сезон в природе действует успокаивающе на взвинченную нервную систему, расслабляет, настраивает на 6 философское отношение к миру.

Среди тенистых аллей санатория «Нижняя Ореанда» есть где раствориться, уйти от навязчивых встреч, возбужденных разговоров, назойливых знакомств. По натуре я человек общительный, компанейский. Но после года напряженнейшей работы на износ хотелось отдышаться, осмотреться, подумать, побыть наедине с собой. И с Галей. Это моя жена. Друг и настоящая опора. Я перед ней в неоплатном долгу. Начиная с 1985 года она, живя со мной, оставалась без мужа. Мы виделись рано утром, когда я, торопливо прожевав бутерброды и запив их на ходу кофе, уезжал на работу, и поздно вечером, когда разбитый и усталый возвращался домой.

Нам повезло с погодой. Тихая осень, солнечное голубое небо. Часто ходили по горным тропам. По вечерам гуляли вдоль кромки моря, наблюдая, как приливы ленивого прибоя, словно нехотя, выбрасывали на берег длинные языки и поспешно откатывались, увлекая с собой в пучину мелкий галечник. Думалось, так бывает и с людьми: доверятся обволакивающей теплоте отношений, вальяжности, внешней доброжелательности, расположению и не заметят, как оказываются в плену могучей хватки. В цепких объятиях чьей-то власти, ломающей, крушащей, не задумываясь, судьбы, чью-то жизнь.

А когда начинали сгущаться ранние осенние сумерки, падавшие неожиданно и быстро размывавшие очертания предметов, деревьев, строений, мы любили смотреть, как входят в ялтинский порт и выходят из него усыпанные гирляндами ярких огней пассажирские лайнеры. Даже будучи в зрелом возрасте, я всегда воспринимал море и все, что с ним связано, глазами героев книг Жюля Верна, Александра Грина – путешественников и романтиков. Наверное, потому, что для меня, деревенского мальчишки, до семнадцати лет не видевшего даже паровоза, большие города, дальние страны, чья-то далекая и загадочная, полная приключений жизнь всегда была чем-то притягательным.

Я стал уже привыкать к безмятежности. Но вот 5 ноября, вернувшись после очередной процедуры, я застал трезвонящий

телефон. Сняв трубку, услышал спокойный, рассудительный голос Евгения Максимовича Примакова. Он был краток. Спросил, как отдыхается, хороша ли погода, и без перехода сообщил, что сразу же после праздников необходимо быть в Москве и готовиться к встрече с президентом. Она состоится между 10 и 12 ноября.

– Речь, скорее всего, пойдет о том, чтобы вас назначить на новую должность, – сказал он.

– Не Гостелерадио ли? – спросил я.

– Приедете – узнаете. А пока собирайтесь домой, заказывайте билеты.

Не мешкая, пока не было жены, я успел переговорить с главным врачом санатория, оформить билеты, начал собирать вещи. За этим занятием меня и застала Галя. Я рассказал ей о разговоре с Москвой. Она помрачнела, изменилась в лице. Была очень взволнована. Она хорошо помнит, как я работал на телевидении, помнит, что не было выходных, не было фактически дня, чтобы я приехал домой раньше девяти вечера. Она сама говорила: «С того времени, как ты стал руководителем телевидения, я практически потеряла мужа». Теперь перспектива перед нами вырисовывалась куда более печальная, потому что если сравнивать год 1985-й с годом 1990-м, то за пять лет ситуация в стране резко усложнилась.

В политическом плане последние полтора-два года стали временем сильных противостояний, демонстраций, митингов, взвинченной обстановки, которая накладывала отпечаток на все стороны не только общественной жизни, но и на жизнь почти каждой семьи. Особенно если учесть, что где-то с конца 1988 года стала резко ухудшаться экономическая, социальная ситуация, быстро росли цены. Мы становились свидетелями не только затянувшегося Карабахского конфликта, по всей стране вспыхивали десятки сложных, противоречивых конфликтов в различных районах Прибалтики, в Молдове, на Кавказе, в Средней Азии.

В общем, когда я стал размышлять, каково же мне придется на посту председателя Гостелерадио, если вдруг подтвердится моя догадка, то ни радости, ни оптимизма не испытал. Я был уже человеком, подготовленным для глубокого анализа ситуации. Будучи близок к высшему политическому руководству страны, знал много доверительного, конфиденциального – такого, что позволяло объективно оценивать ситуацию в стране как сложную и кризисную. В общем, последующие дни и праздник наш, один из главных государственных праздников, оказались смазанными этими переживаниями. Отпуск, крымские впечатления, все, что я

успел накопить в смысле здоровья и настроения, – все пошло прахом.

Вернувшись в Москву, мы стали ждать. Я позвонил через два дня:

– Когда же меня примут?

Сказали:

– Не волнуйтесь, вас пригласят.

Действительно, вскоре раздался звонок из приемной президента:

– Вас ждет Михаил Сергеевич. – И еще поинтересовались, готов ли я.

– Да, все в порядке.

Встречу назначили на первую половину дня 13 ноября, на одиннадцать утра.

Безусловно, я был готов к встрече с президентом. Но не раз и не два меня охватывало внутреннее волнение, когда я начинал проигрывать предстоящий разговор. Я понимал, что решение практически состоялось, осталась небольшая формальность. От нее, правда, зависело очень многое. У президента в разговоре со мной один путь, у меня же в душе – смятение чувств, борьба мнений, всех возникающих за и против и понимание сложности ситуации, в которой я оказался. Меньше года прошло с момента, как я приступил к работе в Телеграфном агентстве Советского Союза в должности его генерального директора. Только что освоился, вошел, что называется, во вкус новой работы, наметил много планов, сошелся с людьми. Кажется, со многими установил дружеский, деловой контакт. Мы стали понимать друг друга, доверять. И теперь я должен был уйти.

Было еще одно обстоятельство, которое нельзя скрывать, оно приятно волновало. Тот, кто хоть небольшой срок проработал на телевидении, знает, как эта сумасшедшая, вне всяких расписаний работа затягивает, обволакивает, накрепко захватывает в плен, на всю жизнь проникает неким вирусом во все клеточки организма и потом не отпускает. Человек заболевает раз и навсегда, и никакие доктора не способны его излечить от навязчивой потребности быть в атмосфере телевизионного творчества. Не лицемеря перед самим собой, я чувствовал, что при встрече с президентом, если он мне предложит возглавить Гостелерадио, я не сумею найти аргументы, чтобы отказаться. Я понимал и то, что выпал тот самый редкий случай, когда мне могут предложить место, назначить на должность, на которой я смогу принести наибольшую пользу, потому что это родное для меня дело, через которое я уже не раз проходил, испытывал мучения и радость.

Может быть, единственное, что по-настоящему меня

тревожило и сдерживало, – это то, что предстоит поистине каторжная работа, придется трудиться в более специфических условиях, чем, скажем, это было год-два назад.

Некоторые мои друзья, узнав о распространившемся слухе, звонили мне домой. Одни сочувствовали, высказывали опасения, отговаривали: мол, зачем такой хомут надевать на шею. Другие, напротив, радовались. Особенно искреннее одобрение высказывали друзья из сфер искусства, кино, музыки. Они-то понимали, что своим приходом на телевидение я смогу оказать им определенное содействие, помощь. И только жена, наблюдая мои душевные терзания, настаивала на том, чтобы я не шибко обольщался насчет работы на телевидении и, по возможности, нашел убедительные аргументы для отказа.

В общем, к моменту встречи с Михаилом Сергеевичем мое смятенное состояние не только не прошло, но, пожалуй, еще более обострилось.

…С трепетом я ступал в тот день на священные камни кремлевской мостовой. Сердце, кажется, готово было вырваться из груди. Для политика такая чрезмерная эмоциональность вредна. Я это понимал тогда, понимаю и сейчас. Может быть, многие мои беды и происходят оттого, что я слишком эмоционален. Но в тот миг я ничего не мог с собой поделать.

Однако стоило мне войти в парадный подъезд здания Верховного Совета СССР, показать удостоверение личности молодцеватому капитану с синими петлицами службы государственной безопасности, как все волнения остались позади.

Кабинет, в который предстоит войти, мне уже знаком. Я здесь бывал, и неоднократно.

Приемная представляла собой рабочий кабинет ближайших референтов президента, дежурных службы охраны. Я часто заставал в приемной генерала Владимира Медведева, который всегда был с Горбачевым, где бы тот ни находился. Он был его тенью и никогда ни на шаг не отставал. Высокий, сухопарый, молодцеватый, часто молчаливый. Нередко в приемной находился начальник охраны генерал Юрий Плеханов.

Меня уже ждали и сразу пригласили в кабинет.

Михаил Сергеевич Горбачев, едва я ступил через открытую дверь, встал из-за стола и пошел навстречу.

– Ну что, Леонид, не дали тебе отдохнуть? – спросил он. – Но, знаешь, обстановка хреновая, отдыхать нам не придется. Ситуация такая, что надо энергично браться за дело, которое тебе знакомо…

Пока Михаил Сергеевич вспоминал, как много интересного и полезного было сделано на телевидении в мою бытность, я,

осмелев, осмотрелся в кабинете. С тех пор, когда пришлось быть в нем последний раз, он несколько изменился. Я сразу не смог понять, что придало ему новизны. Тот же стол, за которым работает президент СССР, флаг Союза Советских Социалистических Республик у стены, за спиной президента. Вдоль стены стол на 6–8 человек для проведения совещаний в узком кругу. Картина на стене. И все же какая-то новая деталь придавала ему вид некоего пункта управления. Только когда кто-то из помощников по громкой связи доложил, что президента спрашивает первый руководитель одной из республик, я понял: здесь появился новый пульт связи. Теперь наряду со множеством телефонов самых разных расцветок на небольшом столике слева от президента стоял этот самый пульт, позволивший, как я потом понял, связываться с любой точкой Советского Союза, а может, и мира. Не только связывать двух человек для разговора, но и подключать множество других абонентов, если есть необходимость проведения коллективного обсуждения неотложного вопроса.

Поговорив и положив трубку, Михаил Сергеевич продолжил:

– Знаешь, трудно было найти подходящего человека, не скрою. Тут до головной боли дошло. Столько было кандидатов, скажу тебе откровенно, не меньше пяти. Взвешивали каждую кандидатуру, многие были в это втянуты, и в конце концов остановились на тебе. Откровенно скажу, назывались люди, которые во всех отношениях выше тебя по должности и опыта руководства ответственными структурами имели побольше. Но вот остановились на тебе. (Позднее узнал, что последней кандидатурой был председатель ВЦСПС Геннадий Янаев, который через месяц станет вице-президентом СССР.) Мне все говорили, что ты прекрасно разбираешься во всех телевизионных вопросах, профессионал, у тебя есть авторитет, немалый опыт, тебя в Останкине помнят, а кроме того, ты немало сделал на первом этапе перестройки для качественного улучшения работы радио и телевидения. Будем работать вместе. Ты можешь смело рассчитывать на мою поддержку. Я даю тебе обещание, что ты можешь ко мне обращаться когда захочешь. Я буду доступен в любой ситуации. Я знаю, что такое радио, телевидение. Буду тебя поддерживать.

Михаил Сергеевич сказал еще о том, что подготовлен указ о назначении и есть план создания двух корпораций: одна – по телевидению, другая – по радиовещанию. Подчеркнул, что при разделении радио и телевидения надо учитывать политическую реальность. Ведь сегодня в ряде республик существует большая независимость от центра. Большинство республиканских

правительств приняло решение о полной независимости, полной подчиненности местных телерадиокомитетов местным властям. Телевидение и радио в республиках уже перешли на местный бюджет. И еще одну важную вещь сказал о том, что управление на телевидении и радио в значительной степени утрачено.

Он, как выяснилось, имел в виду главным образом то, что в условиях политического противостояния различные силы борются за обладание телевидением и радио. И, как ему кажется, оппозиция все в большей степени захватывает новые и новые телевизионные и радиопрограммы. И особенно его беспокоит, что уже и главная информационная программа «Время», по существу, попала под влияние сил, оппозиционных правительству, оппозиционных президенту. Покритиковал попутно радиоканал «Маяк».

– Так получается, – говорил он, – что я, когда еду в машине, стараюсь больше слушать радио. Многие сообщения на «Маяке» отношу к числу откровенно оппозиционных, с резкой критикой президента, правительства.

Но особенно его беспокоило то, что утрачивается всякая политическая культура, культура дискуссий. И если на государственные деньги, а это несколько миллиардов, будут создаваться телерадиопрограммы, в которых вся деятельность правительства и его, как президента, будет оцениваться только с критических, негативных позиций, то это, конечно, никуда не годится. Такого нет ни в одной стране мира.

При этом он высказал определенные симпатии в адрес тогдашнего председателя Гостелерадио Ненашева Михаила Федоровича. Оценив достаточно высоко его человеческие качества, профессиональные и интеллектуальные способности, он подчеркнул:

– Я не знаю, в чем дело, – то ли сильное внутреннее давление различных сил на него сказывается, то ли он уже устал от этих противостояний, от вечной борьбы. Но складывается такое впечатление, что он уже плохо управляет ситуацией.

Добавил, что в обиду Михаила Федоровича не даст, ему найдется подобающее место. (Ненашев был назначен председателем Госкомиздата.)

Откровенность, с которой Михаил Сергеевич рассказывал, как подбиралась кандидатура, меня подкупила. Все те тревоги, которые у меня были и которые, конечно, сохранялись, как бы отошли на второй план перед человеком, который верит в меня, ждет моей помощи, надеется, что я соглашусь, не посмею выдвигать какие-то условия. И рассчитывает, что не ошибается во мне, ибо большинство его сподвижников, политических

советников такого же мнения. Это для меня в чисто психологическом плане было решающим моментом. Я согласился.

Вообще я не раз испытывал на себе и раньше, и в дальнейшем влияние Горбачева. Стоило с ним поговорить десять – пятнадцать минут, как сомнения по труднейшему вопросу развеивались. Я не отношусь к людям, которые легко поддаются чужому влиянию. Отец у меня украинец, и я бываю человеком достаточно упрямым. Даже, может быть, излишне. Но всякий раз я попадал под влияние Горбачева. Он быстро располагал к себе, вызывал большое доверие.

Но в беседе я сразу усомнился в одном: надо ли спешить разделять Гостелерадио на две корпорации. Есть немало структурных подразделений Гостелерадио, которые никак не делятся, их невозможно раздробить. Не делится Останкинский телерадиоцентр. Он сконструирован, спроектирован и построен как единый телерадиоорганизм, который не поделишь на какие-то отдельные технические системы. Есть особая и сложная структура материально-технического обеспечения. Техническое управление и его службы тоже никак нельзя поделить. Я уже не говорю о наших печатных органах, нашем журнале, газетах. Это все принадлежит одному Гостелерадио.

Выслушав мои сомнения, он сказал:

– Ну, вы с Примаковым (он доверил ему дальнейшую работу, связанную с реорганизацией Гостелерадио, оказанием мне помощи, консультаций), значит, и посмотрите еще раз. Но сразу скажу: полномочий у тебя добавится. Ты будешь в ранге министра.

В ответ я поблагодарил Горбачева. Но попросил не принуждать меня участвовать в заседаниях правительства. Мне важно иметь определенную свободу, независимость, к тому же я – народный депутат СССР от Союза журналистов. А министр автоматически лишается депутатского звания. На это он сказал:

– Ну, я тебя в этом поддержу. Но ранг министра и соответствующую зарплату тебе установят, это все разрешится в рабочем порядке.

В тот же день я встретился с Евгением Примаковым. Президент ему позвонил предварительно, сказал: «Вы там пообсуждайте». Мы с Евгением Максимовичем не только детально пообсуждали все, но и даже затронули некоторые кадровые проблемы: кто бы мог быть первым заместителем, заместителями. Примаков был все-таки сторонником того, чтобы иметь две самостоятельные корпорации – отдельно телевизионную, отдельно радийную. У него был даже рисунок общей структуры для телевидения и радиовещания. Он считал, что человек,

который будет отвечать за работу телевидения, мог бы одновременно быть и председателем, руководителем некоего объединения, скажем, Всесоюзного совета по телевидению и радиовещанию. Но в тот день ни Примакову, ни мне не было ясно до конца, какой должна быть новая организация. Так с рисунками Примакова я и отправился домой, стал размышлять, понимая, что все приобретает необратимый характер.

Мне не раз доводилось в жизни встречаться с Евгением Примаковым. Одно время сошлись близко – все-таки оба журналисты. И вот что скажу: это удивительно уравновешенный, мудрый, проницательный политик и очень верный в жизни человек.

А вечером из программы «Время» я узнал о том, что назначен председателем Гостелерадио СССР. Однако прошла целая неделя, прежде чем меня официально представили в этой должности коллективу работников телевидения и радиовещания.

Такого раньше не бывало. Представление нового руководителя коллективу обычно происходило через день-другой после опубликования указа.

В назначенный час на Пятницкой, где находилась штаб-квартира Госкомитета, собирали членов коллегии, руководителей служб и подразделений, главных редакторов телевизионных и радиоредакций, других ответственных лиц, и кто-либо из высшего политического руководства страны представлял нового председателя. Когда в начале 1986 года С.Г. Лапина, к которому я относился с огромным уважением, сменил Александр Никифорович Аксенов, человек кристальной чистоты, глубокой порядочности и, я бы сказал, пронзительной совестливости, его представлял член политбюро, секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев. Ненашева Михаила Федоровича, знаю по рассказам, представлял Вадим Андреевич Медведев, тоже член политбюро, секретарь ЦК КПСС по идеологии. А когда пришел черед представлять меня, случилась какая-то заминка. Что там происходило в верхах, какие партийно-государственные заботы сдерживали мое представление, не знаю. Об этом я тогда не думал.

Я ходил на работу в ТАСС, вел планерки, потихоньку сворачивал собственные дела и, конечно, не оставлял без внимания задуманные и начатые проекты. Но от этой заминки и начавшейся вокруг моего имени политической возни на душе становилось скверно.

Дело в том, что буквально на следующий день после опубликования указа о моем назначении в газете «Московские новости», идеологическом оплоте и рупоре московских

демократов, прославившейся своей оппозиционностью к президенту СССР и союзному правительству, появилась небольшая заметка под названием «До встречи в эфире». Чей заказ выполнял журналист, было ясно с самого начала, но тогда я даже не мог предполагать, что эта публикация станет первой ласточкой, неприятным предвестником той кампании политической дискредитации, с которой мне придется столкнуться.

В газете был помещен и мой портрет, наверное, чтобы все знали, кто есть кто.

Впрочем, чтобы читателю, оказавшемуся во власти гипноза нашей «демократической» прессы, было ясно, как начиналась кампания по моей дискредитации, в какой оркестровой яме находились дирижеры, по какому сценарию опытными режиссерами ставился последующий спектакль, по какой фабуле разворачивался сюжет, приведу выдержки из этой публикации:

«…Леонид Кравченко перешел на пятый в своей карьере крупный руководящий пост. Когда-то стартовав из кресла инструктора ЦК КПСС, он пронесся через посты главных редакторов «Строительной газеты» и «Труда», первого зампреда Гостелерадио, генерального директора ТАСС к нынешнему повышению – председатель Гостелерадио СССР…

Грех не видеть, что Кравченко повышения все-таки по-своему заслужил.

Как показывает опыт последних двух лет жизни управляемого Леонидом Петровичем агентства, много интересного может принести непредсказуемая скупая тассовская строка. Сколько же замечательных часов ждет нас теперь у экрана, в эфире!»

Когда я прочитал публикацию, даже не понял сразу – к чему бы это? Спасибо приятелю, он пытался одним словом «ориентировка» разъяснить заложенный в той заметке смысл. Но я и тогда, наивный, не придал этому значения. Даже когда, кажется через день, в газете «Коммерсантъ» появилась аналогичная публикация негативного характера, то и тогда меня хватило лишь на то, чтобы, может не очень этично, сгоряча сказать в одной из программ, что «семейный подряд» Яковлевых приступил к работе. Как известно, газету «Московские новости» возглавлял Егор Яковлев (кто тогда мог знать, что судьба распорядится так, что после августовских событий 1991 года именно он станет председателем Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании), а главным редактором «Коммерсанта» был его сын – Владимир Яковлев. Кстати, всегда относил и отношу эту газету к числу лучших центральных газет, выходящих в нашей стране, а самих Яковлевых – к числу

блестящих профессионалов.

Но в то время мне и в голову не могло прийти, что появившиеся публикации были предвестниками крупной политической кампании, развернутой против меня и длившейся почти девять месяцев. До 21 ноября, когда наконец Николай Иванович Рыжков представил меня коллегии и активу в качестве председателя Гостелерадио, то есть буквально за одну неделю, появилось больше десятка публикаций обо мне в самых различных изданиях.

Я понимал: это попытка поссорить меня с коллективом Гостелерадио, создать неподходящие условия для работы, вызвать ко мне недоверие еще до встречи, до прихода в огромный коллектив. И потому, испытывая определенную горечь, был совершенно спокоен, так как знал: именно с этим коллективом мне довелось начинать перестройку телевидения и радиовещания еще в 1985 году. Именно с этими людьми – редакторами, режиссерами, ассистентами и помощниками, инженерами и видеотехниками – мы сделали для развития гласности в стране, демократизации общественной жизни, в том числе и творческого процесса, столько, сколько не было сделано, может быть, за десятилетия. Я понимал, что возникли новые политические реалии, которые нельзя игнорировать, что надо быть готовым к самым сложным поворотам судьбы, но и не мог предать доверие президента страны и обмануть ожидание новых перемен, которым жил дорогой мне коллектив Гостелерадио.

Глава 19
Вхождение в роль

В один из ноябрьских вечеров мы вошли с Николаем Ивановичем Рыжковым в зал заседания коллегии Гостелерадио, где руководители служб, редакций, подразделений ожидали представления нового председателя Госкомитета. Председатель Совета министров СССР тепло, с симпатией сказал обо мне, оценил ситуацию в стране как кризисную и выразил надежду на то, что телевидение и радио помогут правительству в этот трудный час. Мое выступление было кратким. Основную программу я изложил позднее на встрече с руководителями творческих подразделений. В зале было много знакомых лиц. Они ждали честного, открытого разговора. И я решился на исповедь. Чтобы на корню пресечь всякие слухи, я предложил им собственное видение тех неизбежных перемен, в которые должно вступить Гостелерадио. Я сохранил свое выступление:

Необходимость перестройки Гостелерадио, а с этим связано мое возвращение, вызвана не только перестройкой в стране. Нам всем ясно, что в нынешних условиях роль телевидения еще больше возросла, стала всеобъемлющей.

Можно спорить по поводу «четвертой власти». Но озабоченность президента – Михаил Сергеевич Горбачев в беседах со мной это подчеркнул – обусловлена возросшим пониманием фактической реальной роли телевидения и его воздействия на общество.

Общество больно. Мы это часто говорим. Но телевидение может выступить в роли лекаря. Раньше мы говорили, что оно всегда выступало в роли духовного наставника – это факт. Оно таким было, есть и будет, независимо от того, кто и что будет здесь творить. Наставлять оно будет. Но вот роль лекаря я специально выделяю. Невозможно придумать какие-то бодрящие дешевые лекарства для того, чтобы успокоить, утешить общество, помочь ему стать сразу более оптимистичным в условиях, когда, к сожалению, действует известная формула: бытие определяет сознание. Каждый прожитый день, особенно для женщин, – это день терзаний по поводу того, как прокормить семью, где достать продукты, как выжить и т. д. И естественно, этим определяется ситуация в стране, в обществе.

Изменилась психология отношений между людьми, а теперь – партиями, различными слоями населения, нациями и народностями. За очень короткий срок, практически за полтора-два

года, мы оказались в стране, раздираемой многочисленными противоречиями. В качестве основного посыла хочу внести такое предложение. Мы должны, по возможности с учетом положения дел в обществе, сегодня ввести мораторий на экстремизм любого толка. Я не говорю левого, правого, потому что мы запутались бы даже в понятиях, кто левый, кто правый. Я уверен, нет ни левых, ни правых, ни центристов в чистом виде. Все гораздо тоньше и сложнее.

Все зависит от того, кому мы доверяем. Тому, кто от имени общества хочет говорить искренне, озабочен делами общества, или тому, кто хочет набирать политические очки, удовлетворять свои собственные амбиции…

Не скрываю, для меня главным мерилом будут два качества, два критерия – это профессионализм и человеческая порядочность. Я намеренно исключаю политические позиции с самого начала, потому что этот принцип может привести к охоте на ведьм.

Это – с одной стороны. С другой стороны, нужно учитывать реальности. Уже нет так называемого монстра – Гостелерадио и не должно быть той административно-командной системы управления, которая связана с ним.

Ситуация такова, что есть 14 республик, которые уже имеют свои независимые, суверенные, как и сами республики, телерадиокомитеты, как бы они ни назывались в будущем – компаниями, концернами, корпорациями. Есть решение российского правительства о создании российской телерадиокомпании. Я отношусь к нему с большим уважением.

Теперь некоторые деловые соображения. Например, в каких пропорциях должны быть общественно-политическое и художественное вещание?

Давайте зададимся вопросом: не происходит ли на телевидении и радио девальвация политического вещания, политических процессов, самой политической реформы? Многие телезрители уже отравлены политическими речами, как наркотиками. Они сами становятся политическими наркоманами.

Настоящим лекарством в этом больном обществе может быть художественное телевещание. И на это сегодня надо смотреть глазами не только профессионалов, но и глазами политиков.

Здесь ведь тоже происходят страшные процессы. Началась коммерциализация искусства. Государство как бы отказывается от меценатства и толкает Министерство культуры, все органы, учреждения культуры на самофинансирование. Стыдно стало ходить в кинотеатры, театры с детьми, с женами. Но сегодня меня чрезвычайно удручает то, что и на телевидение пришло

бесстыдство в больших масштабах. А ведь все телевидение в мире защищено от этого законами. Ничего подобного нет на государственном телевидении ни в Италии, ни во Франции, ни в ФРГ. Нет этого в США, нигде этого нет. Эротику, порнографию, ужасы, насилие можно найти на коммерческих каналах, в гостиницах, но за дополнительную плату.

Когда в больном обществе, скажем, кинематографисты провозглашают, что мы безнравственны, бездуховны, а сами создают образцы безнравственного, бесстыдного искусства, это никуда не годится.

Нам нужно ужесточить критерии высокой художественности, повысить планку спроса в художественном вещании, и особенно в музыкальных программах.

Не надо запрещать никакие жанры. Это всем нам ясно, но должны сохраняться критерии большого искусства, причем во всех жанрах – и в рок-музыке, и в поп-музыке, и в классической, и в народном творчестве.

Я буду настаивать на том, чтобы телевидение было остросоциальным, обеспечивая защиту социальных интересов людей. Только тогда оно будет уважаемое, только тогда нас будут воспринимать не только как развлекаловку. От нас будут ждать помощи и будут обращаться к нам.

Таким было это выступление. Еще до этой встречи я успел дать несколько интервью, в частности газетам «Правда» и «Известия», в которых более пунктирно высказал ту же концепцию. Вспоминаю, как в один из дней ко мне напросились сразу два журналиста: от «Правды» Н. Кривомазов, от «Известий» Вл. Арсеньев. Времени не хватало, я был вынужден принимать их вместе.

Вот тогда-то и произошел любопытный эпизод. Во время нашего разговора мне позвонил Николай Иванович Рыжков и напомнил, что остается всего неделя до представления документов о реорганизации Гостелерадио. Я ответил ему: «Об этом помню. Я выполню волю президента». Арсеньев подхватил эту фразу и опубликовал интервью со мной в «Известиях» под названием «Я пришел, чтобы выполнить волю президента». На самом деле, конечно, так поверхностно, механически нельзя было ни тогда, ни позднее воспринимать всю мою работу, связанную с телевидением и радио.

Кривомазов же назвал свой материал «Останкинский передел» и был, на мой взгляд, более точен. Хотя каждый из корреспондентов сказал правду.

Не хочу и не буду говорить здесь о той картине, которая предстала взору, когда я стал вникать в работу телевидения.

Михаил Сергеевич Горбачев был прав в своих оценках, когда приглашал меня на работу в Гостелерадио. Из своего кремлевского далека он видел главное: на телевидении утрачено управление творческим процессом. Получив свободу и самостоятельность, в редакциях перестали думать о том, ради чего они были созданы. Все с алчностью юконских золотодобытчиков кинулись обогащаться. Практически не стало ни одной передачи, в которой бы не было явной или скрытой рекламы. Эфирное время продавалось за бесценок. Эфир заполонили дешевка и пошлость. Забегая вперед, скажу: к сожалению, мне так и не удалось до конца навести в этом деле порядок.

В совершеннейшем упадке находились общественно-политические программы, прежде всего социально-экономического содержания. Ведь сегодня, когда рынок, рыночная система и рыночные взгляды входят в каждый дом, в каждую семью, нужны специальные передачи, посвященные рыночной экономике, самым больным проблемам, связанным с экономикой страны. Здесь надо было бы занять чрезвычайно жесткую позицию с возможной критикой и правительственных структур, и тех же президентских указов, которые в той или иной степени не учитывают новых реалий дня.

Предполагалось, что телевидение и радио вместе с профсоюзами, вместе со всеми институтами социальной защиты различных слоев и групп, а в первую очередь тех, кто больше всего уязвим, – пенсионеров, инвалидов, детей, студенчества, молодежи, – должны найти свои особые формы работы. Телевидению необходимо выработать активную позицию, она должна быть закреплена и проведена через цикл новых социально-экономических программ, работающих исключительно на достижение поставленных целей, решение социальных задач.

Я предполагал, что такое вот сочетание информационного вещания и нового подхода к социально-экономическому вещанию – это и есть то, что нам нужно. Это будет составлять 25–30 процентов всего объема вещания. А все остальное – художественное вещание, увеличение музыкальных, литературных программ, развлекательных. В то же время надо усилить борьбу с пошлостью, эротикой, порнографией, которые совершенно открыто стали проникать через музыкальные видеоклипы, фильмы-поделки, коммерческое телевидение, видеокассеты.

Помню, как на заседании Верховного Совета СССР, когда встал вопрос об элементарном соблюдении норм нравственности в средствах массовой информации, в искусстве, на телевидении, с

резкой репликой выступил президент Горбачев. Он обратился прямо ко мне в зале: «Мы зачем вас послали на телевидение? Наводите порядок!»

Но борьба с пошлостью на телеэкране входила в концепцию тоже. Мне виделось создание такого нового образа художественного вещания, которое бы несло в себе добрые начала – воспитателя, просветителя и умного собеседника. Это главное. Государственное телевидение должно быть свободно от коммерции в эфире, но обязано находить средства для того, чтобы привлекать лучших мастеров культуры и создавать и для кино, и для театра музыкальные произведения и изобразительные передачи, достойные нашего народа. Просвещать, заражать гуманистическими идеями, давать образцы нравственности, воспитывать уважительное отношение людей друг к другу, терпимость, гражданское согласие. Все это может и должно делать телевидение.

Но неожиданно для меня стали подвергаться осмеянию в различных изданиях как раз эти, казалось бы, годами выверенные постулаты.

Вспоминаю состоявшийся в конце декабря 1990 года съезд народных депутатов СССР. Ультимативные требования, категоричные суждения депутатов, их резкие высказывания и оценки в общем и целом отражали состояние напряженности и нервозности в обществе, с которыми оно вступало в 1991 год.

Распространенное среди участников Обращение к съезду народных депутатов СССР, ко всем народным депутатам страны, подписанное группой общественных деятелей и народных депутатов СССР, республик, тоже было сколь тревожным, столь же и категоричным в выводах. Но в целом его авторы, обеспокоенные положением в обществе, мне кажется, представили правдивую картину. В Обращении между прочим было сказано:

«Борьба крайних политических сил разъедает работу Советов, всю политическую жизнь страны. Правые консерваторы пытаются парализовать реформаторскую деятельность Советов. В ответ на это левые экстремисты требуют роспуска новых представительных учреждений. Решающую роль играет откровенный национализм, который паразитирует на естественном стремлении всех национальностей страны к свободе и самоопределению. Старая и новая бюрократия ведут работу друг против друга, непрерывно перестраивают структуру власти, дестабилизируют управление… Судьба каждого человека, каждой семьи, каждой социальной и национальной группы, сообщества народов в опасности!

Особо негативное влияние имеет наметившееся противостояние Верховного Совета СССР и Верховного Совета

России. Вопрос об отношениях между двумя руководителями – М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным – стал пробным камнем способности новой власти к разумной, конструктивной деятельности, к принятию подлинно демократических решений».

Проведение поименного голосования по такому серьезному вопросу, как отставка президента, показало, что большинство депутатов намерены работать вдумчиво, конструктивно, не поддаваясь эмоциям. Началось постепенное, день за днем, последовательное разрубание узлов, накопившихся за последние месяцы.

За десять дней депутатами была проделана огромная работа.

В целом работу Четвертого съезда народных депутатов СССР можно было бы оценивать как конкретную и результативную. Большинство представителей республик высказались за союзный договор, формирующийся «снизу», одобрили его концепцию. Были приняты Закон об изменениях и дополнениях к Конституции СССР, постановление по выходу из кризиса с четким обозначением конкретных первоочередных дел, ряд других важных документов. Но взрыв, и не один, все же прозвучал на съезде. Российский парламент, работавший в эти дни, проголосовал за то, чтобы внести в союзный бюджет на 1991 год лишь 23,4 миллиарда рублей, что составляло менее 10 процентов той общей суммы, которую Российская Федерация обычно направляла на развитие общесоюзной экономики. Это решение фактически взорвало союзный бюджет и положило начало распаду СССР.

За несколько дней до окончания работы съезда с неожиданным заявлением очень взволнованно выступил министр иностранных дел СССР Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Он, в частности, сказал: «Меня, товарищи, потрясли, прямо скажу, потрясли события первого дня, начало работы нашего съезда. Нажатием кнопки решалась судьба не только президента, но и перестройки, и демократизации… Наступает диктатура, заявляю со всей ответственностью… Я хочу сделать следующее заявление. Я ухожу в отставку…»

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Потом в кулуарах съезда и от компетентных источников я узнал, что президент СССР внес на утверждение съезда не только новую должность вице-президента, но и планировал предложить на эту должность именно кандидатуру Шеварднадзе. Поэтому было хорошо видно, что драматическое заявление министра иностранных дел об уходе в отставку стало полной неожиданностью для президента. Ему не удалось скрыть от телевизионных камер растерянность, которую он испытал в первые минуты.

Михаилу Горбачеву пришлось срочно искать новую кандидатуру на пост вице-президента. Надо было советоваться с политбюро ЦК КПСС, и, думаю, не без его поддержки президент рискнул предложить кандидатуру малоизвестного Геннадия Янаева.

Во второй половине дня 27 декабря я позвонил из Кремля своему первому заместителю и поинтересовался, какие у них есть неотложные вопросы ко мне. Он сообщил, что в популярной программе «Взгляд», выходящей в эфир на следующий день, предусматривается большое интервью с Шеварднадзе. Но правильно ли это? В ответ я высказал предположение, что ушедший в отставку министр вряд ли согласится давать интервью. Но на всякий случай решил посоветоваться с президентом. Ближе к вечеру, в перерыве между заседаниями, подошел к Горбачеву и рассказал о существующем замысле. В ответ он откровенно высказал свои сомнения: «Знаешь, Леонид, это несвоевременно. Эдуард Амвросиевич очень подвел меня. Я объяснялся с ним, убедить не смог. Не думаю, что он согласится сейчас давать интервью. У него не то настроение…»

Вечером, в начале девятого, как это было предусмотрено режимом работы в съездовские дни, я приехал в Останкино. После всего виденного и слышанного в Кремлевском дворце и в кулуарах на душе было тревожно и неуютно. По всему чувствовалось, что где-то в самых высоких политических сферах происходят подвижки, которые могут серьезным образом отразиться и на нашей работе.

Тут необходимо сделать одно маленькое, но существенное отступление. Многим непосвященным в работу председателя Гостелерадио может показаться, что, если со мной с глазу на глаз беседовал президент СССР, значит, я был посвящен в самые сокровенные тайны. Если в кабинете председателя на десятом этаже в Останкине стоит телефон правительственной связи с надписью «М.С. Горбачев» – значит, я звонил по нему в день по нескольку раз. Были, конечно, и многочисленные доверительные беседы, и телефонные звонки. В основном они касались текущих дел и роли телевидения в жизни страны. Но к принятию ответственных политических решений я, как председатель Гостелерадио, не имел прямого отношения. Нередко случалось даже так, что мои подчиненные о чем-то узнавали из своих источников раньше, чем об этом узнавал я. И хотя это порой создавало весьма пикантные ситуации, я не считал себя вправе настаивать на большей информированности, чем мне было положено: посчитают нужным – скажут, а что меня не касается, да и бог с ним! Жить спокойнее.

Вернувшись в Останкино, встретил в приемной сразу трех заместителей и с ними главного редактора молодежных программ ЦТ Александра Пономарева. Все были слегка взъерошены, а Петр Решетов, мой первый заместитель, показалось, даже взвинчен. Они обсуждали все тот же злополучный вопрос об участии в передаче «Взгляд», запланированной на 28 декабря, Эдуарда Шеварднадзе. Я пригласил их к себе в кабинет и, выслушав доводы, поинтересовался, а есть ли договоренность с самим министром. Выяснилось, что разговоры велись только на уровне его помощников. Самого Шеварднадзе не удалось пока найти.

Я не стал рассказывать о своей беседе с президентом, чтобы не оказывать на них давление. Вместе с тем хотелось самому убедиться, какова будет реакция Шеварднадзе. По телефону правительственной связи стал разыскивать его. Однако все усилия были безуспешны. И тогда я связался с помощником Шеварднадзе Игорем Ивановым. Я задал ему только один вопрос: возможно участие в завтрашней программе Шеварднадзе? На что он заметил, что это нереально. Увы, добавил он, при всем уважении к телевидению ни «Взгляд», ни какая иная программа – наша или зарубежная – не смогут получить у него интервью в ближайшие дни. Надо понять его внутреннее состояние, драматизм пережитого. Он не откликнется. Так что наберитесь терпения и ждите.

Мы были хорошо знакомы с Игорем Сергеевичем Ивановым. Часто я с ним советовался по нашим международным телепрограммам. Видимо, доверяя мне, он в конце разговора заговорщически промолвил: «Леонид Петрович, информация только для твоего уха. Шеварднадзе «зарылся в листьях», скрылся от всех глаз и ушей. Его даже Горбачев найти не может».

После этого, казалось бы, все стало ясно. Правда, несколько часов, до полуночи, мы потратили на то, чтобы попытаться самим поразмышлять над тем, что будем делать завтра в эфире, с какой передачей можно выходить в условиях, когда съезд закончился. Приглашенный ко мне в кабинет руководитель программы «Взгляд» Александр Любимов, помнится, говорил о том, что у президента Горбачева меняется курс, он становится консервативным, и команда его тоже меняется. В подтверждение Любимов сослался на отставку Шеварднадзе и на избрание вице-президентом Янаева. Нужно ждать новых назначений, скорее всего консервативного толка.

В этом меня попытались убедить взгляд овцы. Но был неотложный практический вопрос. Речь еще шла о том, какое же дать объявление телезрителям завтра по поводу невыхода

«Взгляда». Я, правда, предложил пригласить в качестве основного гостя «Взгляда» Янаева, основываясь на том, что он сумел-таки во втором туре пробиться в вице-президенты. Кроме того, человек он новый, совершенно неожиданный, и будет интересно поговорить с ним.

Взглядовцам посоветовал: при вашем умении, ребята, острыми, неожиданными вопросами «потрошить» собеседника вы завтра в программе «Взгляд», может быть, даже сумеете раскрыть новую личность. Неизвестно, с какой стороны, правда, но раскрыть уж точно.

Однако со взглядовцами не удалось найти общего языка в этой дискуссии. На Янаева они не согласились. Он казался им неинтересным человеком. Хотя, как показали дальнейшие события, думаю, что интервью с Янаевым, возможно, стало бы историческим.

Тогда же мы пытались договориться по поводу 4 января, следующего выпуска программы «Взгляд». Однако Любимов сказал, что, поскольку наметился сильный поворот курса, надо присмотреться, куда дело ведет президент.

– «Взгляд» – политическая программа, – заявил он, – и мы не можем просто так, наспех что-то от себя делать сейчас. Поэтому мы предлагаем повторить нашу передачу о поездках Шеварднадзе по странам Африки.

Да, действительно, была такая передача несколько месяцев назад, когда взглядовцы брали интервью у Шеварднадзе и его помощников прямо на борту самолета, перелетавшего из одной страны в другую! Но почему ее повторять теперь? Я возмутился: «Ребята, это дикое предложение! Это же не повтор музыкальных программ по заявкам телезрителей, что случается. Возникла скандальная политическая ситуация. Шеварднадзе решился на крупный политический скандал. Сейчас ему рукоплещут на Западе. Разве вы этого не понимаете?!»

Наивен был я, а не взглядовцы. Не исключаю, что они знали заранее об этой акции. Но тогда я твердо сказал: «Повтора давней передачи не будет».

Однако настоящая провокация случилась на следующий день. В минуту планировавшегося выхода в прямом эфире «Взгляда» вдруг появляется популярный диктор телевидения, в тот момент сотрудничавший со «Взглядом», и делает объявление: «Сотрудники программы «Взгляд» сообщают, что сегодня передача не выйдет в эфир, поскольку у взглядовцев кардинально разошлись взгляды с председателем Гостелерадио СССР Леонидом Кравченко относительно итогов закончившегося съезда народных депутатов».

Признаюсь, для меня это было полной неожиданностью. Здесь даже слово «провокация» слишком мягко оценивает то, что сотворили взгляд овцы. Это была подлость, коварная подлость по отношению к человеку, который все делал накануне, чтобы спасти выход передачи, но не получилось.

Уже на следующий день я вышел сам в эфир вечером и рассказал телезрителям, где правда, а где ложь и чистой воды провокация.

После невыхода «Взгляда» 4 января началась совершенно новая полоса моей жизни. Озабоченный вопросами реорганизации Гостелерадио, обремененный решением текущих дел, отрываемый от Останкина участием в работе съезда народных депутатов СССР, я даже не мог предполагать тогда, что вокруг меня закручивается интрига, с помощью которой мне навязывают жесткую и бескомпромиссную политическую игру.

Тут надо сделать еще одно отступление.

В условиях резко обострившегося противоборства различных политических сил между ними началась открытая борьба за усиление своего влияния на телевидении. В ход было пущено все: сговор, подкуп, продвижение «своих» людей – комментаторов, обозревателей, репортеров, стремление взять под контроль популярные циклы программ. В этом отношении пример с еженедельной политической программой «Взгляд» весьма показателен.

Когда-то я был прямо причастен к ее открытию. Почти год я помогал ее становлению. Талантливые ведущие, современная режиссура, яркие репортерские находки, сенсационность в выборе тем и конкретных фактов, приглашение в передачу популярных людей сделали эту программу одной из лучших на телевидении.

Надо учесть и еще одну особенность. В ходе политических баталий ведущие программы обрели большую известность в стране своими независимыми демократическими взглядами. Они не постеснялись использовать собственную популярность во время кампании по выборам народных депутатов Российской Федерации. Почти все они были выдвинуты кандидатами в народные депутаты по списку от движения «Демократическая Россия». Само это движение решительно поддерживало Бориса Ельцина и перешло в оппозицию к Михаилу Горбачеву. Как следствие и программа «Взгляд» стала занимать откровенно антигорбачевскую, антиправительственную позицию. Я знал об этом. Понимал, почему взглядовцы попытались целиком посвятить передачу Шеварднадзе. Ведь он, по существу, переходил в оппозицию к президенту. И передо мной вставала непростая задача. С одной стороны, я был категорически против

введения какой бы то ни было цензуры на телевидении. С другой – трудно было примириться с тем, что на государственном телевидении за деньги, выделяемые правительством, создается программа, которая откровенно дискредитирует президента и правительство. Более того, «Взгляд» все больше стал использоваться как влиятельный инструмент в противостоянии Горбачев – Ельцин.

Ясно было, что Горбачев не примирится с этим. Как-то, отвечая на приглашение ведущих «Взгляда» принять участие в одном из выпусков этой программы, Горбачев сказал примерно следующее: «Я приеду к вам на передачу, но только тогда, когда ваши взгляды будут близки к моим».

Но тут был еще один важный политический нюанс. На выборах народных депутатов России все ведущие «Взгляда» получили депутатские мандаты. А ведь по закону им надо было или оставаться работать на государственном телевидении, или сдать свои депутатские мандаты.

На западном телевидении просто не допускается, чтобы в качестве постоянных ведущих, комментаторов, обозревателей телевизионных программ были депутаты. У нас же свыше десятка работников телевидения стали депутатами и откровенно использовали телевидение для политической борьбы.

В общем, получалось так, что нас, руководство государственного телевидения и радиовещания, наши доморощенные политики ставили перед трудными проблемами. Вслед за газетными публикациями последовали депутатские запросы о причинах невыхода «Взгляда». Дело в том, что в ответ на клеветнические выступления прессы, где главную роль играли сами ведущие программы, мой первый заместитель принял решение о временной приостановке выпуска передачи. Подчеркиваю, приостановке, а не о запрете «Взгляда». Причем была договоренность с ведущими «Взгляда» заключить контракт. Исходили из того, что группа оппозиционных депутатов получила в свои руки на государственном телевидении собственную программу и выступает последовательно с критикой правительства этой страны и президента. А это уже факт политической борьбы, а не просто факт политического плюрализма мнений. Поэтому было решено предложить взглядовцам разработать контракт, чтобы обеспечить таким образом определенные обязательства обеих сторон.

Для контракта необходимо было юридически точно подготовить документы. Этот процесс затянулся.

Причем делалось это создателями программы «Взгляд» умышленно.

Воспользовавшись создавшейся ситуацией, взглядовцы тем временем, как настоящие предприниматели, уже разрабатывали совершенно другую концепцию выхода «Взгляда» в рамках коммерческой организации.

Тем временем у входа в Останкинский телецентр появился постоянный пикет. Десяток женщин держали в руках плакаты: «Кравченко, требуем открытия «Взгляда». Однажды я с ними разговорился по душам, представившись, что я и есть Кравченко. Они были в замешательстве, когда я им рассказал всю правду. Они даже признались, что им за участие в пикете платят по 500 рублей каждой.

Пришлось и со взглядовцами объясняться: «Как вам не стыдно – народным депутатам так пошло подкупать женщин?»

Пикеты тогда прекратились. Но, помнится, уже стали появляться в печати сообщения, что «Взгляд» переходит на работу в режиме подпольного изготовления некоторых своих выпусков. В частности, говорилось, что один из выпусков «Взгляда» подготовлен и показан был в Ленинграде, затем в Прибалтике и в Грузии. И только позднее одна из газет опубликовала материал под названием «Взгляд» ушел в подполье и стал акционерным обществом». Был создан уставный капитал, первые десятки тысяч рублей внесли сами ведущие «Взгляда». Им обеспечивали поддержку ряд предприятий и организаций, создавших благотворительный фонд, право распоряжаться которым было предоставлено творческому коллективу программы. В это же время возник и так называемый фонд защиты «Взгляда» с расчетным счетом. Этот счет публиковался в прессе. Стали проводиться концерты в закрытых помещениях и на открытых площадках. На митингах, которые прошли в Москве, популярные артисты выступали тоже в рамках сбора средств для «Взгляда» и для фонда.

Стало очевидно, что речь идет уже о крупном коммерческом предприятии, которое впоследствии стало называться телекомпанией ВИД и в этом качестве процветает до сего дня, выпуская около десятка своих программ, в основном на первом канале. Сами по себе неплохие, передачи эти являются крупными рекламоносителями. Так сложился миллиардный (в старых рублях) капитал, он быстро наращивался, и я не исключаю, что в дальнейшем жертвой рискованных коммерческих комбинаций стал талантливый журналист, генеральный директор фонда ВИД Влад Листьев.

Примерно в те же времена ко мне напросилась делегация народных депутатов России, которая якобы выполняла особое поручение Верховного Совета России по защите чести и

достоинства Бориса Ельцина. Дело в том, что в печати и по телевидению, прежде всего за рубежом, проходили публикации и телевизионные сюжеты о поездках Ельцина в зарубежные страны. В частности, скандальными показами была отмечена поездка председателя Верховного Совета в США. Он много сделал сенсационных заявлений. Когда облетел на вертолете вокруг статуи Свободы, Ельцин объявил, что он наконец-то стал свободным. А выступая в различных крупных аудиториях, был замечен, мягко говоря, в нетрезвом виде. Особенно скандальной оказалась его встреча в одном из университетов. Накануне он допоздна «загулял» в кругу друзей и к утру не пришел в рабочую форму. А надо было уже в 10.00 выступать перед студентами. «Высокого гостя Америки» удалось поставить на ноги в буквальном смысле слова. Но когда пришлось идти на трибуну, походка его, а потом бессвязная речь обернулись сенсационным скандалом.

Фрагмент этого, с позволения сказать, выступления был показан и по советскому телевидению. После того озабоченные депутаты задались вопросом: а не подстроило ли все это телевидение, которое использовало различные технические приемы, чтобы представить Ельцина в непотребном виде?

Вот с этим заданием и пришли ко мне депутаты. Я сразу сказал, что видеомонтаж – сильная штука, но не настолько, чтобы трезвого делать пьяным.

Депутаты провели несколько часов в наших видеоаппаратных, посмотрели все оригиналы, а потом уже в моем кабинете принесли извинения за доставленные хлопоты.

Глава 20
Роль Раисы Горбачевой на ТВ

Немного отвлекусь от политических событий и в нескольких штрихах нарисую портрет Раисы Максимовны Горбачевой.

Нам было известно, что большинство телезрителей не воспринимали ее частого появления в телепередачах с высказываниями по разным вопросам во время поездок со своим супругом – президентом СССР. А у нас уже сложилась практика – подробно освещать во время таких официальных поездок две программы: одну – М. Горбачева, другую – его жены. Соответственно предусматривалась специальная творческая группа для освещения программы Раисы Горбачевой.

Надо признаться, самих телевизионщиков в ряде случаев подстерегали в связи со «второй программой» разные неожиданности. Их было немало, но самый трудный случай произошел во время визита в СССР президента США Рейгана и его супруги Нэнси. В один из дней нам неожиданно сообщили, что срочно надо послать творческую группу (комментатор, оператор и технические работники) в Сокольники на советско-американскую выставку, которую решили вдруг посетить супруги президентов.

Была большая спешка. Наша съемочная группа едва успевала за первыми леди, съемки вела на ходу. Пребывание на выставке было кратким по времени, и нашему оператору не удалось снять разные планы экспозиции выставки, поскольку он находился неотлучно рядом с женами президентов.

Вечером при подготовке телесюжета для программы «Время» возникли, казалось бы непреодолимые, трудности с монтажом. Надо было обязательно дать «в голосе» высказывания, оценки Раисы Максимовны хотя бы на три-четыре минуты. А она, к сожалению, сделала оговорки, называя советско-американскую выставку советско-армянской. Для монтажа требовались так называемые «перебивки» – отснятые другие планы, которые вставляются в те места, где необходимо при монтаже убрать, вырезать нежелательные места на видеопленке. Делается это для того, чтобы убрать вместе с голосом оговорки, да так, чтобы не возникал эффект «прыгающего лица». Этот эффект неизбежен, если монтажная склейка после изъятых планов делается без переходных планов – тех самых «перебивок».

У нас возникла тупиковая ситуация. «Перебивок» нет, а монтировать, убирать оговорки необходимо. Надо сказать, что на монтаже присутствовал помощник Горбачева по дамской

программе В. Гусенков. Но и он выхода не видел, и все стали склоняться к тому, чтобы репортаж с выставки делать без голоса Раисы Максимовны, в журналистском пересказе.

Помощник доложил об этом самому Михаилу Сергеевичу, но тот согласия не дал. В конце концов президент позвонил мне:

– Леонид, неужели нельзя найти выход?

Я ему ответил, что программа «Время» уже пятнадцать минут идет в эфире, а мои специалисты выхода не видят. Горбачев настаивал:

– Вот что, Леонид, программу удлиняйте, выход находите и поставьте высказывания Раисы Максимовны хотя бы перед погодой.

И вот тут меня осенило. Я снял трубку прямой телефонной связи с руководителем программы «Время» Григорием Шевелевым и спросил:

– У нас найдутся под руками советский и американский флажки?

Он ответил, что найти можно на складе, но потребуется не меньше десяти минут.

– Тогда удлиняйте программу с помощью резервных сюжетов, флажки в студию, телеоператора – тоже в студию, чтобы он показывал флажки. Они и будут для нас «перебивками».

Опытнейший телевизионщик Григорий Шевелев понял меня с полуслова. Действительно, через десять минут флажки стояли на столике в студии. Режиссер и его ассистент «микшировали», то есть убирали голос Раисы Максимовны в момент оговорок, а камера в это время показывала флажки – советский и американский. А затем снова выходили на говорящую в кадре Раису Максимовну. Все получилось! Мы даже успели поставить этот телесюжет в блок культуры программы «Время».

Позвонил сразу же Горбачев:

– Ну вот, все же получилось, а вы капризничали…

Тогда я задержал внимание президента и в подробностях рассказал, что мы сотворили.

– Это было подобно ручной стыковке в космосе, – сказал я Михаилу Сергеевичу.

Он понял всю сложность телевизионной технологии и искренне поблагодарил нас.

И все-таки однажды я принес ему в кабинет целую пачку писем телезрителей, недовольных частым показом Раисы Максимовны и тем, что она ездит по стране вместе с президентом. Михаил Сергеевич немного нервничал:

– Ты что, Леонид, уподобляешься обывателям? Неужели не ясно, что на визитах президента вправе сопровождать супруга?

Таковы и международные стандарты! – заключил он.

Я попробовал возражать, сказал, что в зарубежных поездках это действительно принято делать, и западные СМИ широко освещают такие визиты, но поездки по стране являются рабочими и так широко телевидением не демонстрируются.

Тут Михаил Сергеевич неожиданно признался:

– Скажу тебе откровенно: когда я еду один, без Раисы Максимовны, то у меня плохое настроение, работаю вполовину своего интеллектуального КПД. Одним словом, чувствую себя не в своей тарелке. Другое дело, когда она рядом, я вижу ее глаза, ее реакцию и всякий раз вдохновляюсь…

Это было правдой. Супружеские отношения этих людей действительно были полны нежности и доверия, а сама Раиса Максимовна оказывала заметное влияние на своего мужа и на принятие решений президента.

Вспоминаю и другие телевизионные неожиданности. Однажды гостем нашей страны был лидер португальских коммунистов Куньял. Переговоры с ним проходили трудно. Куньял откровенно обвинял наше партийное руководство в скатывании к оппортунизму. Поэтому заключительное коммюнике никак не складывалось. Переговоры шли в воскресенье, о чем я не знал, и приехал с работы домой пораньше – в 20.30. Казалось, выходной день не сулил нам сюрпризов. Но вот в 20.50 – за десять минут до программы «Время» – мне позвонил Егор Лигачев и кратко рассказал о ситуации на переговорах.

– Мы вам послали текст сообщения политбюро, в котором есть раздел о встрече с Куньялом, – сказал мне Лигачев. – Оно только что отправлено в программу «Время» по факсу. Я тебя прошу, Леонид Петрович, убрать из сообщения оценки о переговорах с Куньялом. Он категорически против этих оценок. Грозится провести завтра скандальную пресс-конференцию…

Пока Егор Лигачев все это мне рассказывал, до начала программы «Время» осталось только три минуты. Я попросил его, в свою очередь, позвонить непосредственно в программу «Время» по правительственной связи. Объяснил, что по городскому телефону из дома мне труднее дозвониться и дать распоряжение.

Все дело в том, что сообщения политбюро всегда открывали программу «Время». Так что у нас оставались считаные минуты. Мне неожиданно удалось дозвониться до руководителя службы выпуска В. Королева. Мгновенно объяснились, и он побежал на другой этаж, где была студия программы «Время». Вбежал туда, когда в эфире уже шли ее позывные. В запасе оставалось тридцать секунд. Королев успел только сказать диктору Евгению Суслову,

чтобы он в тексте «Политбюро» ничего не читал о Куньяле. Тот спросил: «Кто за это ответит?» Королев успел крикнуть: «Кравченко!»

Я с ужасом начал смотреть программу. Бросилась в глаза нервозность невозмутимого обычно Суслова. Когда он начал читать сообщение «В политбюро ЦК КПСС», заметно было, что сферическим зрением он ищет фамилию Куньяла. Удалось! Все, что про Куньяла, диктор не прочитал. Я ликовал. Через пару минут снова позвонил Лигачев и поблагодарил. При этом признался, что ему дозвониться в программу «Время» не удалось – телефон правительственной связи был занят.

Еще через пять минут возникла забавная ситуация. Снова дома раздался телефонный звонок. Трубку взяла жена Галина. Потом громко позвала меня: «Лень, тебя какой-то Горбачев спрашивает». Я все понял. На телефоне был Михаил Сергеевич, он попросил меня всех, кто смог убрать тему Куньяла, поблагодарить от его имени.

– Знаешь, Леонид, большой скандал назревал, вы нам помогли. Спасибо!

Утром я был на традиционной летучке коллектива редакции информации и зачитал шуточный приказ: «За хладнокровие и находчивость диктору Евгению Суслову объявить благодарность и премировать должностным окладом. А за спринтерские способности и мужество завотделом выпуска Вячеславу Королеву тоже объявить благодарность и выдать премию в размере двух окладов».

Большая политика и ее телевизионный образ, политические сюжеты и их телевизионное воплощение порой принимали курьезный характер. Люди среднего и старшего поколения помнят, как в 1986–1987 годах развернулась мощная антиалкогольная кампания в стране. Инициатива и основная роль в этой кампании принадлежат Егору Лигачеву – второму человеку в партии. Однако самым яростным и последовательным проводником той кампании был председатель Комиссии партийного контроля, член политбюро Михаил Соломенцев.

Он направил однажды руководству телевидения страшное предписание – запретить на телевидении показ фильмов, в которых есть сцены выпивок! Это было настолько нелепо, что пришлось мне писать в политбюро записку, что выполнить указанное требование практически невозможно. У нас нет ни одного художественного фильма, где бы люди ни разу не выпивали. В горе ли, в радости и просто так в жизни люди пьют. Пьют они и в кино, поскольку это реалистично. Поэтому выполнить требование Соломенцева означало прекратить показ

фильмов вообще. А без кино телевидение мертво. Об этом я и писал высокому руководству. К счастью, Соломенцева не поддержали. Но в жизни многие тогда пострадали, хотя не были любителями спиртного.

В разгар этой кампании МВД получило указание усилить борьбу с самогоноварением. Началась повальная конфискация самогонных аппаратов. И вот однажды тогдашний министр внутренних дел Александр Власов устроил на ВДНХ выставку различных образцов конфискованных самогонных аппаратов. Министр рассказал о доблестях милиции и выставке самому Горбачеву. А от него последовал звонок мне:

– Прошу дать передачу об этой выставке. Пусть ваш комментатор и министр Власов проведут в прямом эфире репортаж с этой выставки и разоблачат самогонщиков.

У меня возникли некоторые сомнения, но возражать не стал. А когда пошла передача, ее ведущие как-то незаметно от разоблачений скатились на рассказ об уникальных образцах самогонных аппаратов. Они уже почти восхищались изобретательностью и выдумкой наших умельцев, но тут позвонил президент.

– Они что, не понимают, зачем пошли на выставку? Это же не разоблачение, а форменная реклама для самогонщиков! Остановите передачу, – потребовал Горбачев.

С большим трудом удалось дозвониться до режиссера и свернуть программу.

К концу 1989 года, когда угрозы расправы стали реальностью и мне выделили охрану, председатель КГБ Крючков предупредил меня об этом и объявил, что в целях безопасности мои домашний и служебные телефоны поставлены на постоянную прослушку. Шесть охранников постоянно сопровождали меня и жену. Без них никуда ни шагу – ни в магазин, ни на прогулку, ни в командировку, – они всегда были рядом. Как я уже говорил, это создавало тяжелую, стрессовую ситуацию. Но в жизни так бывает, что драматическое и смешное ходят рядом.

Однажды я был приглашен на день рождения замечательного поэта-песенника Леонида Петровича Дербенева. Отмечали праздник на его квартире. Меня на машине КГБ подвезли к дому, где жили Дербеневы, и по заведенному порядку проводили вплоть до двери поэта. Записали номер квартиры, домашний телефон и удалились. Делалось это не только в целях безопасности, но и на случай, если меня будет разыскивать Горбачев.

Застолье в разгаре. Уже выпили по третьей. Леонид Дербенев, как человек непьющий, ненадолго оторвался от стола и вышел в коридор. И вдруг телефонный звонок. Мы слышим, как Дербенев

берет трубку, с кем-то разговаривает. Через некоторое время, задыхаясь от смеха, входит к нам и знаками показывает, чтобы я подошел к телефону. Оказалось, что секретарь Горбачева соединилась с помощью моих охранников с квартирой Дербеневых. Она спросила: «Леонида Петровича можно?» – «Я слушаю», – ответил Дербенев. «Минуточку, с вами будут говорить», – сказал милый женский голос. И тут послышалась речь Горбачева. Он произнес монолог на несколько минут, не позволяя себя прервать. В какой-то момент Дербенев вступил в разговор и сказал, что он Леонид Петрович, но не Кравченко. И после этого Дербенев позвал меня. Я рассказал о замечательном поэте, день рождения которого отмечаем. Михаил Сергеевич передал ему сердечные поздравления, а мне высказал ряд неотложных указаний.

Когда я вошел в комнату, где пировали гости, они встретили меня дружным хохотом. А Леонид Дербенев сквозь смех заметил, что он, наверное, первый и последний раз воспользовался своим именем для разговора с президентом.

Глава 21
Противостояние

К концу 80-х годов в СССР все еще правили партийные структуры. Они же контролировали всю экономическую и хозяйственную деятельность в стране. Тот факт, что за пятилетие перестройки, начатой и проводившейся по инициативе КПСС, не произошло заметных позитивных сдвигов в экономике, стал весьма умело использоваться оппозицией для нападок на компартию, ее властные структуры, ее лидеров. Появившиеся как грибы после дождя независимые газеты и журналы, авторитет которых в значительной степени вырос на дрожжах гласности, не скупились на жесткие эпитеты и в адрес президента СССР.

Стало совершенно очевидным, что критика постепенно смещается из сфер конструктивности в сторону откровенной борьбы за политическое влияние в стране. Используя серьезные промашки руководства в проведении радикальной экономической реформы и перенося весь свой удар на коммунистов-руководителей, оппозиция привлекла на свою сторону значительную часть населения. Впоследствии это оказалось решающим во время проведения выборов президента Российской Федерации.

Сыграл и фактор личности в истории. У оппозиции оказался очень сильный лидер. Читатель еще не раз встретится с этой фамилией на страницах моих воспоминаний, но сейчас я хотел бы представить некоторые дополнительные штрихи к портрету этого политического деятеля.

Борис Николаевич Ельцин – ровесник Горбачева. Он родился на Урале в 1931 году, учился в Уральском политехническом институте на строительном факультете. Работал мастером на различных стройках на Урале, главным инженером, начальником крупного строительного управления. Достаточно быстрому продвижению по служебной лестнице он, пожалуй, обязан безусловному таланту организатора, незаурядной силе воли, прагматизму. Как важные черты характера можно отметить трудолюбие и упрямство в достижении поставленной цели. Своим энтузиазмом, увлеченностью, уверенностью в победе умел заражать окружающих. Простота и доступность, со студенческих лет присущий ему демократизм позволили снискать уважение окружающих.

Только в 1961 году Ельцин вступил в КПСС. А через семь с небольшим лет его уже приглашают на партийную работу в

аппарат Свердловского обкома партии. Еще через семь лет он становится секретарем обкома, а буквально через год, в 1976 году, избирается первым секретарем Свердловского обкома КПСС. Фактически он стал полновластным хозяином огромной промышленной области. В апреле 1985 года, накануне исторического пленума *ЦК* КПСС, на котором Горбачев провозгласил курс на перестройку, Ельцин был переведен в Москву на должность секретаря *ЦК* КПСС. Горбачев начал формировать свою команду, и Ельцин, с подачи влиятельнейшего Егора Лигачева, судя по всему, был включен в нее. Ровно через восемь месяцев, в самом конце 1985 года, на заседании политбюро Горбачев предложил Ельцину возглавить московскую городскую партийную организацию.

Некоторые считают, что противостояние Ельцин-Горбачев началось после октябрьского (1987) пленума ЦК КПСС, когда накануне 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Борис Ельцин выступил с резкой критикой медлительности и нерешительности Горбачева в проведении реформ. Другие же, напротив, точкой отсчета считают конец 1988 года, когда Ельцин, будучи отстраненным от политической деятельности, но оставаясь министром, принял решение участвовать в выборах народных депутатов в Верховный Совет СССР.

Вот лишь небольшой штрих – оценка самим Ельциным своего решения вступить в борьбу за депутатский мандат:

«Предстоящие выборы – это борьба. Изматывающая, нервная, к тому же с извращенными правилами игры, в которой бьют ниже пояса, набрасываются неожиданно сзади, совершают всякие другие запрещенные, но зато эффективные приемы. Готов ли я, зная о таких условиях, начинать долгий, изнуряющий предвыборный маршрут?..

Я размышляю, сомневаюсь, чуть ли не отговариваю себя, но самое интересное – решение ведь уже давно созрело. Может быть, даже в тот момент, когда я только узнал о возможности таких выборов. Да, конечно, я брошусь в этот сумасшедший водоворот, и вполне возможно, в этот раз сломаю себе голову окончательно, но я иначе не могу».

Да. Иначе он не мог.

К началу предвыборной кампании Ельцин уже был очень популярен среди избирателей, особенно в Москве, Ленинграде, Свердловске, некоторых других городах, причем не только в России. Его критика Горбачева за непоследовательность, нерешительность, принимаемые полумеры в проведении намеченных реформ, решительная борьба с привилегиями

партийных функционеров сформировали в умах многих образ последовательного борца за слом командно-административной системы, обновление партии и установление в обществе новых морально-нравственных отношений.

Он с большим преимуществом победил как кандидат в депутаты по Московскому национально-территориальному округу. На I съезде народных депутатов СССР Борис Ельцин выступил в качестве наиболее яркого и смелого оппонента Горбачева.

С этого момента возникло большое беспокойство, как будут складываться отношения между Горбачевым и Ельциным. Тогда уже, как мне кажется, было нелепо использовать какие-то непродуманные меры против Ельцина. Стало ясно, что любые, тем более неуклюже организованные, антиельцинские акции приводят к обратному результату. Его популярность от этого только росла. Наскоки на него, я уж не говорю о попытках дискредитации, безотказно работали на этот рост. Особенно беспомощными и неуместными оказались шаги, предпринятые по линии ЦК КПСС. Они только помогли Б.Н. Ельцину быстро набрать очки в глазах общественного мнения. К нему тогда многие относились как к человеку, которому нужно помогать в его справедливой борьбе.

Противостояние стало усиливаться с момента начала его работы в Верховном Совете и своего апогея достигло, когда готовились выборы председателя Верховного Совета РСФСР. Были проведены выборы в России, сформирован российский депутатский корпус. Собрался съезд народных депутатов России. Затем был избран в установленном порядке Верховный Совет России. И Ельцин после драматической борьбы был избран его председателем.

Думаю, что в тот момент Горбачев всерьез стал опасаться Ельцина, но еще не до конца оценил, как могут дальше развиваться события. Если бы он все просчитал, более глубоко спрогнозировал ход политических событий, он бы, пожалуй, отнесся более внимательно к тому, какие альтернативные кандидатуры могут быть выдвинуты на выборах председателя Верховного Совета России. У меня, например, есть глубокое убеждение, что если бы в тот момент Михаил Сергеевич уговорил Н. Рыжкова или А. Лукьянова баллотироваться на этот пост, то он, несомненно, выиграл бы у Ельцина.

Ельцин оказался человеком, способным создать команду единомышленников, работающих слаженно, как хороший оркестр. В ней нашлось немало талантливых людей, прогнозирующих ситуацию, развитие тех или иных событий, и они, как правило,

успевали упреждать ходы своих соперников, своих политических оппонентов.

Получалось так, что в этом соперничестве, постоянном споре, который велся и открыто, и за кулисами, команде Ельцина все чаще удавалось одерживать верх. Это, конечно, раздражало Горбачева. К тому времени уже стали публиковаться различные опросы общественного мнения. На фоне нараставших экономических и социальных неурядиц, на фоне, по существу, утраты управления, развала Союза, когда прибалтийские республики уже откровенно громко объявили себя независимыми, когда проблема Нагорного Карабаха стала возникать в различных регионах страны, в том числе в Средней Азии и Прибалтике, – на этом фоне довольно успешно продвигались вперед Борис Ельцин и его команда.

Это все видел Горбачев. Он достаточно реально оценивал все процессы. И получилось так, что в какой-то момент для него телевидение и радио, средства массовой информации стали, может быть, одной из главных опор в этом постоянном противостоянии Ельцину. Однако надо признать, что уже произошли большие перемены в самих средствах массовой информации. Появилось значительное число газет – независимых, демократических, особенно после принятия закона о печати и других средствах массовой информации. В самих СМИ сформировалась довольно сильная оппозиция Горбачеву.

Поначалу он любил ежемесячно встречаться с руководителями газет, журналов, телевидения и радио. Это стало тогда некой нормой, хорошей демократической традицией. Происходили откровенные разговоры, из которых мы немало выносили полезного, интересного. Но наступили времена, когда Горбачев стал утрачивать интерес к этим встречам, потому что видел в аудитории немало своих политических оппонентов, которые изо дня в день критиковали его конкретные шаги.

Правда, у Горбачева был мощный козырь – его внешняя политика. Он пользовался огромнейшей, нарастающей популярностью в мире. Его зарубежные поездки почти всегда становились крупными политическими событиями. Встречи на высшем уровне с президентами США Рейганом и Бушем, с деловыми политическими кругами США, встречи с европейскими политическими лидерами, такими как М. Тэтчер, канцлер Коль, президент Миттеран, встречи с Радживом Ганди – это все вызывало огромнейший интерес в мире.

Но для миллионов наших людей все же важнейшей оставалась деятельность Горбачева внутри собственного государства, ведь он прежде всего был президентом СССР. А

положение, как я уже говорил, складывалось непростое, и средства массовой информации – кто справа, кто слева – не упускали случая, чтобы в очередной раз что-либо припомнить своему президенту.

В ходе перестройки ближе всех, особенно в первые годы, к Горбачеву были два человека – Лигачев и Яковлев. Получилось так, что люди совершенно разные по внутреннему строю, душевному складу, по своим способностям встали под знамя перестройки и наряду с такими политическими деятелями, как Рыжков, Шеварднадзе, оказались наиболее яркими личностями в команде главного архитектора перестройки – Горбачева.

Но уже к 1989 году Яковлев и Лигачев составили еще одну пару острого политического противостояния.

Яковлева я знаю давно. Получилось так, что именно Александр Николаевич сыграл в моей судьбе важную роль.

В свое время, когда я работал на телевидении одним из руководителей Генеральной дирекции программ, понадобилось подыскать инструктора в сектор телевидения и радио Отдела пропаганды ЦК. Так вот, заведующим этим сектором был Яковлев. Человек самобытный, чрезвычайно одаренный, не скованный никакими стереотипами ни в мышлении, ни в своем поведении, он завораживал многих, в том числе и меня, своей неординарностью. Например, он был, по существу, главным действующим лицом в реорганизации телевидения и радиовещания 1970 года, когда к руководству Гостелерадио пришел Сергей Лапин. Но потом судьба Александра Яковлева сложилась так, что он сразу стал первым заместителем заведующего Отделом пропаганды. Приглашение меня на работу именно в сектор телевидения и радио состоялось при непосредственном участии Яковлева.

Объясню, что это за должность – инструктор. Он отвечал за творческое направление работы телевидения. Должен был изучать состояние дел на ТВ – планы, передачи, творческие аспекты, кадровую политику. Подбор руководящих кадров проходил непременно через инструктора, им же готовились необходимые документы. Все конфликты, острые драматические ситуации, возникавшие в процессе работы, так или иначе обязательно должны были как-то профильтровываться через этого человека. Он мог быть причастным к подаче каких-то интересных идей, созданию новых программ. Если на этой должности находился человек творческий, тогда это было действительно так. Вспоминаю покойного писателя Евгения Велтистова, работавшего одно время инструктором. Он много интересного принес на телевидение, предложил ряд творческих новаций, я уже не

говорю о фильмах, созданных творческим объединением «Экран» по его повестям. Один из его фильмов – «Приключения Электроника» – был особенно любим у детей. Мне тоже тогда удалось написать книгу о телевидении – «Тайны голубого экрана».

Позднее, когда Яковлев был скомпрометирован и отправлен послом в Канаду, меня назначили главным редактором «Строительной газеты», а через пять лет – главным редактором газеты «Труд». Яковлев, вернувшись в страну, вскоре стал заведующим Отделом пропаганды *ЦК* и в 1985 году порекомендовал меня Горбачеву в качестве первого заместителя председателя Гостелерадио – руководителя телевидения. В смысле моей профессиональной карьеры А. Яковлев оказался для меня крестным отцом.

Вся демократическая реформа, которая проводилась потом на телевидении, опиралась на его поддержку. Он был инициатором прекращения глушения западных радиоголосов. Но пришло время, когда я глубоко разочаровался в этом человеке, открыто признавшемся однажды через публикацию в «Известиях», что он посвятил работу в политбюро ЦК КПСС «борьбе с советским тоталитаризмом и КПСС». От себя добавлю: и крушению великой страны – СССР.

Гораздо позже, когда я стану главным редактором «Парламентской газеты», у меня неожиданно появится в кабинете генерал ФСБ и попросит прочитать его сенсационную книгу, подготовленную к печати, об истории вербовки Яковлева и Калугина в агентуру ЦРУ, когда они учились в аспирантуре Колумбийского университета.

С Калугиным в то время все стало ясно. Он – генерал КГБ – уже успел перебежать в США, а вот с Яковлевым – мне никак не верилось. Рукопись я читать не стал. Но рассказывают, что она была все-таки издана. Вот такая сенсация.

Александру Яковлеву идеологически противостоял Егор Лигачев, хотя в начале перестройки по целому ряду позиций их точки зрения полностью совпадали. Скажем, оценка сталинского репрессивного режима, необходимость демократизации общества с точки зрения прав личности, прав человека, демократизации на уровне производственных трудовых коллективов, самоуправления в лучшем смысле слова да и по целому ряду других позиций. Но в отличие от Яковлева Лигачев был менее склонен к утонченному анализу, особенно в сфере литературы, искусства, журналистики. Человек тоже одаренный, выдающихся организаторских способностей, в смысле идейном он, несомненно, был консерватором. Он опасался новых веяний, утраты идеалов. По

натуре Лигачев больше организатор-прагматик. Он силен прежде всего в практическом деле.

Конечно, сейчас могут быть самые различные оценки деятельности Лигачева на тех или иных постах, которые он занимал. Но несомненно, что в бытность его первым секретарем Томского областного комитета КПСС эта область добилась крупных успехов, особенно в сфере производства, промышленности, строительства. По показателям внедрения научно-технических разработок, по оснащенности промышленности новой техникой Томская область оказалась чуть ли не впереди всех крупных промышленных центров страны.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Егор Лигачев был замечен в центре и, как умелый организатор, приглашен работать в Москву, в Центральный комитет партии. Ему поручили один из самых трудных и, пожалуй, самых ответственных постов. Как секретарь ЦК, он стал отвечать за подбор и расстановку партийных кадров.

Случилось так, что вскоре (шла зима 1984 года) ему пришлось проявить свой талант и способности крупного организатора. Зима выдалась лютой. И поставила страну на грань катастрофы. Снежные заносы парализовали движение на ряде железных дорог страны. Нарушился ритм транспортных перевозок. Тепловые электростанции стали ощущать перебои в поставке угля, мазута, нефтепродуктов. Кроме того, уголь, который возили в открытых платформах, от крепких устойчивых морозов спекался в огромные, не поддающиеся размораживанию и разрушению глыбы. На освобождение платформ от угля были брошены сотни людей. За дополнительную двойную и тройную плату, работая сутками, они кирками и ломами разбивали смерзшуюся массу, тонна за тонной разгружая платформы. На подъездных путях промышленных предприятий и электростанций скопились сотни, тысячи неразгруженных вагонов. На железной дороге возник кризис, движение грузов было парализовано.

ЦК и правительство вынуждены были принимать чрезвычайные меры по выводу железных дорог из прорыва. Ответственным был назначен член политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев. Но он оказался неспособным принимать решительные меры в экстремальной ситуации. Алиеву недоставало находчивости и организаторских способностей. Ему на помощь был направлен Егор Лигачев.

Ежедневно в течение нескольких недель у министра путей сообщения Конырева в специальном зале, оборудованном селекторной связью со всеми железными дорогами страны, Лигачев проводил оперативные планерки. Поочередно к

селектору приглашались руководители железных дорог и отделений, промышленных предприятий. Таким образом были подняты и мобилизованы все командные кадры, установлена персональная ответственность. Не оставалось практически ни одного руководителя в кризисных зонах, который не был бы привлечен к этой гигантской по масштабам и слаженной работе. Все было брошено на то, чтобы вывести энергетику страны из кризиса. А ведь оставались считаные часы до того момента, когда отсутствие угля и нефтепродуктов на электростанциях могло привести к остановке генераторов и их разрушению.

Все эти критические дни вместе с Лигачевым, руководителями Министерства путей сообщения в селекторной находились и мы, руководители средств массовой информации, центральных газет. Мы видели, какая драма происходила в масштабах страны, какие усилия прилагались в центре, чтобы ни на минуту не могли расслабиться на местах. И в том, что железные дороги вышли из прорыва, не была остановлена ни одна тепловая электростанция, не замерзли города и поселки, не остановились заводы и фабрики, прежде всего заслуга Егора Лигачева.

Кстати сказать, Лигачев всегда был неравнодушен к нам, к Гостелерадио. Многократно бывал у нас в гостях. Очень помог в укреплении материально-технической базы телевидения. Вместе с тем в том, что касается творчества, содержательной стороны работы телевидения и радиовещания, Егор Кузьмич, несомненно, придерживался жестких политических позиций. Для него то, что мы называем политическим плюрализмом мнений, выглядело как исключительно государственное понимание задач телевидения и радио. В вопросах идеологии он был принципиальный и жесткий.

Но в ходе перестройки народ запомнил Лигачева по нескольким серьезным ошибкам. Он был причастен к проведению в стране антиалкогольной кампании. Были допущены большие перегибы в давлении на тех, кто сопротивлялся, не хотел закрывать и перепрофилировать винные заводы, противился уничтожению виноградников. Позднее Егор Кузьмич признал свою ошибку.

Александр Яковлев, который занимался вопросами идеологии, нередко не находил общего языка с Лигачевым в том, что касается методов руководства средствами массовой информации. У них было различное отношение к новым веяниям в литературе, музыке, искусстве.

В противостоянии Лигачев – Яковлев было немало любопытных эпизодов. Один из них надолго отложился в моей памяти. Однажды совершенно неожиданно, почти спонтанно,

Лигачев устроил совещание руководителей ведущих средств массовой информации. Собрались словно по тревоге. Все возбуждены, озадачены, у каждого в глазах немой вопрос: что случилось? По всему чувствовалось, что и Лигачев нервничал. Начал издалека. Рассказал о сложной идеологической обстановке в стране, о том, как много появляется в нашей печати непроверенных фактов, сведений и откровенной дезинформации. Подчеркнул, насколько ответственны должны быть перед народом все мы, журналисты, когда сообщаем о том или ином событии или когда даем свои оценки, трактовки тех или иных явлений. Ну а когда речь идет о людях, тогда тем более мы должны быть точны, щепетильны. Необходимо все время помнить, подчеркивал тогда Лигачев, о чувстве патриотизма, чувстве высокой ответственности перед народом. И здесь он неожиданно сослался на свежий номер «Московских новостей», который, как выяснилось, и стал непосредственным поводом для проведения совещания.

Егор Кузьмич особо подчеркнул, что встречу он проводит от имени политбюро ЦК партии, а причина – публикация в газете «Московские новости» заметки, посвященной памяти Виктора Некрасова, писателя-диссидента, скончавшегося накануне в Париже.

Мы знали этого писателя по его прекрасной книге «В окопах Сталинграда», замечательным рассказам, интереснейшим путевым заметкам. Он, несомненно, останется в русской литературе навсегда. Категорическое несогласие с брежневской политикой вынудило Некрасова эмигрировать на Запад.

Статья в «Московских новостях» была выдержана в духе высочайшего уважения к творчеству писателя, его личности, но никак не вязалась с коммунистическим представлением о писателе-диссиденте.

Текст заметки был подробно проанализирован Лигачевым. При этом он заявил о том, что публикация – ошибка газеты. Она возникла не случайно, ибо такова линия газеты, это чувствуется и по другим публикациям, и, как ему стало известно, заметка появилась, несмотря на то что редактор газеты Егор Яковлев был предупрежден о нецелесообразности такой публикации.

Но тут же встал Егор Яковлев и отверг такое утверждение. Он заявил, что действительно был звонок от работников идеологического отдела ЦК с предупреждением о нецелесообразности публикации, но после этого он, главный редактор, связался с Александром Николаевичем Яковлевым, тоже членом политбюро, и публикация заметки была разрешена.

Лигачев тут же заметил, что это неправда, Яковлев не мог

давать такое согласие. Вопрос отношения средств массовой информации к кончине Виктора Некрасова накануне обсуждался в политбюро, было принято единодушное решение «отмолчаться» по этому поводу, и Яковлев не высказал там иной точки зрения.

Однако главный редактор под честное слово снова подтвердил участие Яковлева в согласовании публикации. На это Лигачев в довольно жесткой форме заявил: «Ну что ж, тогда это личное дело товарища Яковлева. А я вам делаю замечание и предупреждение от имени политбюро. Другие члены политбюро имеют такую же, как у меня, точку зрения».

Нам, может быть впервые, тогда стало ясно, что между двумя лидерами перестройки, Лигачевым и Яковлевым, возникли, нарастали, обострялись противоречия, которые рано или поздно могли привести к полному разрыву отношений. И если Александр Яковлев позволил себе занять такую откровенную, обнаженную позицию, значит, он мог это сделать, только рассчитывая на поддержку Горбачева.

Противостояние нарастало. Порой доходило до абсурда. На одном совещании слышишь одно, на другом – другое. Иногда на одном совещании, если там выступали оба – Лигачев и Яковлев, приходилось выслушивать полярно противоположные точки зрения на одну и ту же проблему. Журналисты в редакциях стали делиться по признаку ориентированности на тот или иной курс. Это был очень сложный период для нашей журналистики. Но тем не менее, если вернуться к тому, что происходило в Гостелерадио, то телевидение продолжало оставаться, как мне кажется, в авангарде процессов гласности и демократизации. Лигачев был официальным идеологом партии. А с Яковлевым мне было интересно работать. Его подходы к нашим телевизионным делам были более творческими. Взять, к примеру, «Прожектор перестройки» – передачу, которая вызвала шумный переполох в стране. Эту передачу мы придумали с Яковлевым. Даже название ее, изобразительное решение заглавного титра придумали вместе. Одно время она была самой популярной на ТВ. И писем больше всего приходило на ее выпуски, потому что все видели – это боевая, жесткая, с принципиальной позицией передача. Она полностью соответствовала моим представлениям о том, каким должно быть телевидение.

Эта передача нравилась и Лигачеву своим резко критическим вмешательством в проблемы экономические, социальные, пока мы не затронули сферы идеологии. Однажды, помнится, сделали передачу о наглядной агитации. Она сразу вызвала негативную реакцию. В ней была критика громадных плакатов, развешанных по всей стране. Даже подсчитали, во сколько миллионов

ежегодно обходится казне такая агитация, которую никто не читает. В общем, был довольно жесткий взгляд на постановку плакатной уличной агитации. Но вместо «спасибо» нам учинили разнос.

Кстати, Лигачева в значительной степени роднят с Ельциным именно организаторские способности, напор, решительность, целеустремленность. Это люди, которые в свое время сильно поссорились (известное:

«Борис, ты не прав!»), но ведь было и так, что они уважали друг друга, долго работали рядом: один – в Свердловске, другой – в Томске. И не зря Лигачев, уже будучи в Москве, выдвинул Ельцина, позвал его работать в Москву.

Многое изменилось, когда ускорились демократические процессы в средствах массовой информации, когда последние получили полную свободу, в том числе и свободу критиковать партию, социализм, коммунизм и т. д. Этого никак не мог перенести Лигачев, он этому резко противостоял. И он пытался как член политбюро, как человек, который стоял над Яковлевым, оказывать влияние на него и на идеологическую работу.

Я говорил о музыке. Рок Лигачев не переносил. То есть он, конечно, понимал, что есть современные жанры, что ничего с этим не поделаешь, но чтобы вдруг это звучало на государственном ТВ и радио в таком количестве и такой форме – с этим он примириться не мог. Вспоминаю несколько заседаний коллегии по запискам Лигачева, где он протестует против засилья рок-музыки. А с другой стороны, как без популярной молодежной музыки построить утренние и поздние вечерние программы, которые должны были отвлечь молодых телезрителей и радиослушателей от западных радиоголосов? Яковлев это понимал. А Лигачев и его сторонники утром включают телевизор, смотрят передачу «90 минут», а там много музыкантов, представляющих авангард… Возникали постоянные столкновения, которые неизбежно должны были привести к взаимному отчуждению, что в итоге и произошло.

Вскоре на одном из ближайших пленумов ЦК КПСС Горбачев предложил упразднить секретариат ЦК, что, по существу, означало лишение Лигачева ранга второго секретаря Центрального комитета, а следовательно, лишало его возможности оказывать влияние на принятие тех или иных решений секретариатом ЦК.

Горбачев предложил создать вместо секретариата комиссии. Егор Лигачев возглавил комиссию по аграрным вопросам, а Александр Яковлев – по международным и по внешней политике СССР. Председателем идеологической комиссии стал Вадим

Медведев. Таким образом, как шутили тогда журналисты, Горбачев развел по углам Лигачева и Яковлева. Поста второго, весьма влиятельного, секретаря партии не стало. В то же время роль Яковлева не была утрачена. Напротив, практически возросла, учитывая его близость к Горбачеву в ходе осуществления крупных международных дел, визитов, поездок, приемов зарубежных гостей, в том числе и на очень высоком уровне, участие в подготовке различных документов, докладов. Он, по существу, оказался правой рукой Горбачева в проведении международной политики Советского государства, а Лигачев стал уходить в тень.

Было ясно, что его работа на посту председателя комиссии по аграрным вопросам бесперспективна, потому что никому до сих пор, в том числе и Горбачеву в его бытность секретарем ЦК по вопросам сельского хозяйства, не удалось сколько-нибудь явно улучшить дела в этой сложной области народного хозяйства. Прозорливые политики могли тогда прогнозировать, что это назначение наверняка означало конец политической карьеры Лигачева.

Последняя попытка вернуть утраченную власть была предпринята Лигачевым на XXVIII съезде КПСС. Как известно, альтернативно на пост заместителя генерального секретаря КПСС была выдвинута кандидатура Ивашко, которого горячо и решительно поддерживал Горбачев. На съезде развернулась острейшая борьба, в ходе дискуссии складывалось впечатление, что большинство делегатов съезда поддерживает все-таки Лигачева. И Горбачеву пришлось приложить немало усилий, используя в том числе и закулисную работу с делегатами, чтобы не допустить избрания Лигачева.

Но Егор Лигачев до последнего часа верил в свою звезду и упорно не снимал свою кандидатуру. Он стоял до конца. Но этот последний раунд в политической битве он проиграл и был вынужден уйти в отставку.

Многие факты, однако, свидетельствовали, что великое противостояние двух разнонаправленных политических сил, во главе которых оказались яркие, одаренные личности, только входит в свою критическую фазу. Следовательно, до сих пор и я видел только цветочки. Ягодки же были впереди.

Глава 22
Бойкот

Вспоминаю об одном публичном письме, на которое нельзя было не обратить внимания. Оно, как выяснится позднее, преследовало далекоидущие цели.

9 января 1991 года ленинградская газета «Смена» опубликовала открытое письмо, адресованное Комитету Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан, подписанное некоторыми народными депутатами РСФСР и Ленсовета, а также писателями.

В письме, в частности, говорилось:

«В своем предновогоднем выступлении руководитель Центрального телевидения Леонид Кравченко объявил на весь Союз, что народу отныне требуются развлекательные и спортивные передачи, а также телевикторины, но не политика, поскольку от политики народ устал. Это означает, что руководство ЦТ разработало и намерено проводить в жизнь новую программу действий, являющуюся, на наш взгляд, программой умышленного оглупления телезрителей…

Рассматривать ее можно только как попытку усыпить разбуженное сознание людей, превратить народ в бездумное быдло, развлекающееся викторинами в то время, когда в стране льется кровь, в переходах метро просят милостыню беженцы, а полки магазинов остаются бесстыдно голыми.

…Мы просим комитет принять срочные меры для защиты гласности и права граждан самостоятельно, без навязчивой идеологической опеки Л. Кравченко и тех, кто за ним стоит, решать, какие передачи смотреть, что при этом думать и чувствовать. И как жить. Мы также просим комитет дать заключение: законна ли такая попытка отдельных чиновников вводить в стране информационную блокаду.

Со своей стороны мы всеми имеющимися у нас силами и средствами будем добиваться отставки Леонида Кравченко. Мы надеемся, что нас поддержат те, кто не хочет хлебать развлекательно-успокоительную баланду, сваренную мастерами информационного насилия.

Пусть на этих мастеров ляжет огромная ответственность за то, что доверие к любым выступлениям и обращениям государства, чьим рупором является сегодня Центральное телевидение, будет подорвано окончательно».

На следующий же день письмо перепечатала и

распространила на весь Союз газета «Известия». Тогда мы еще не знали, какая очередная акция последует за этим. Но было очевидно, что мы стоим у начала новой, более жесткой, более изощренной кампании, разворачиваемой по широкому фронту.

Мне уже доводилось в ряде выступлений, в том числе и по телевидению в одной из передач, которую мы назвали «Прямой эфир», объяснять телезрителям, что так называемая новая концепция телевидения, которую я предлагаю, стара как мир и не является каким-то новым словом. Я с этой концепцией жил и раньше, когда был с 1985 по 1989 год первым заместителем председателя Гостелерадио. Я уверовал в нее, когда работал в Генеральной дирекции программ, отвечал за программирование и читал сотни и тысячи писем телезрителей, требовавших от нас фильмов, музыкальных, развлекательных передач, чтобы можно было у экранов телевизоров отдохнуть, перевести дух от политических страстей, от всех тягот, которые омрачают жизнь. Тут не было ничего неожиданного.

Вместе с тем я достаточно жестко критиковал нынешнее состояние информационных программ на телевидении.

Меня глубоко не удовлетворяли ни программа «Время», ни выпуски ТСН, которые содержали относительно ограниченный набор информации о жизни страны и за рубежом. Тогда как раз возникла идея нового видения информационного вещания. Было два пути. Один глобальный: создать некое подобие Си-эн-эн – круглосуточное информационно-музыкальное вещание. Это мог быть самостоятельный канал. Но на его создание потребовались бы миллиарды рублей, а их негде было взять. Другой, более простой подход – информационные выпуски через каждые два-три часа, в том числе и в выходные дни.

И мы остановились на втором варианте. При этом предусматривалось, что будет немало публицистических программ, круглых столов, открытых эфиров, обсуждений острых, наболевших проблем дня: политических, социальных, экономических и конечно же репортажей, трансляций с заседаний съездов, сессий Верховного Совета. От этого никуда не уйдешь. А наши оппоненты лукавили, откровенно дурачили читателей, втягивая их в кампанию по дискредитации Кравченко и телевидения. Они противопоставляли информационное, публицистическое вещание – художественному. Дескать, Кравченко намерен поменьше вести разговоров о насущных проблемах – политических, экономических, социальных и хочет народ отвлечь на какую-то развлекаловку, сделать из него быдло, как было сказано. Это меня глубоко возмущало, потому что я-то как раз мечтал о гармоничном сочетании того и другого. Я же

подчеркивал, что 30 процентов информации и публицистики в общем объеме вещания вполне достаточно, чтобы построить современное информационное и общественно-политическое вещание. Остальные 70 процентов должны быть отданы художественному ТВ. Но поскольку к тому времени уже выходило немало публикаций и противостоять «желтому» потоку было достаточно сложно, мне пришлось избрать единственный путь – мои собственные выступления по телевидению с разъяснением наших истинных позиций. В результате была организована серия передач «Прямой эфир», в которых телезрители могли мне задавать любые, самые острые вопросы о содержании и качестве телевизионных программ.

Но кто мог тогда подумать, что инициаторы кампании, направленной против меня, додумаются до того, чтобы в политической борьбе использовать деятелей культуры, то есть именно тех людей, без творчества и активной поддержки которых невозможно качественное улучшение художественного вещания.

24 января пришлось на четверг. В этот день должно было состояться заседание коллегии. Но заседание отменили, поскольку на Старой площади в ЦК КПСС проводилось очередное совещание. Хотя мир менялся, менялась страна, порядки управления, руководства средствами массовой информации оставались прежними. Как и раньше, руководителей газет, общественно-политических да и художественных журналов, издательств, радио и телевидения вызывали, точнее, приглашали на большие или малые совещания, на которых наши партийные лидеры, отвечающие за работу средств массовой информации, доводили до нашего сведения те или иные указания, пожелания, рекомендации. Делалось это, правда, в мягкой, тактичной форме, без нажима. Все-таки веяния времени учитывались – что там говорить. Но выполнение рекомендаций было обязательным.

Когда со Старой площади приехал в Останкино, ко мне сразу же заглянул мой помощник Саша Удовенко. Человек невозмутимый, рассудительный, он в тот момент был очень взбудоражен. Передавая папку с документами, молча положил сверху газету «Комсомольская правда» с подчеркнутым синим фломастером заголовком «Товарищу Кравченко, человеку и председателю». Бросилось в глаза обилие напечатанных фамилий самых известных в стране деятелей культуры, искусства. Насчитал более пятидесяти человек, подписавших письмо. И какие люди! Все первые величины советской культуры. Читаю, а строчки прыгают перед глазами:

«Мы обращаемся ко всем, кто сотрудничает с Центральным телевидением, – к актерам, музыкантам, режиссерам, писателям,

журналистам. На наших глазах за два месяца Л. Кравченко вернул телевидение к брежневским временам. Запрещены или развалены программы АТВ, «Взгляд», «Время», ТСН, практически возрождена политическая цензура, в результате чего телезрители получают неполные, а порой искаженные представления о событиях.

То, что произошло с ЦТ, составляет важнейшую часть общего наступления реакции. Не случайно в Прибалтике подвергаются нападению наши товарищи, телеоператоры и журналисты. Мы не можем и не должны мириться с этим. До тех пор, пока не будет решен вопрос о передаче второго канала телевидению России, пока не будет снята удавка цензуры, мы, нижеподписавшиеся, отказываемся от какого бы то ни было сотрудничества с ЦТ». И далее следовали фамилии подписавшихся.

В ту минуту я понял одно: Центральному телевидению объявлен бойкот.

Как человек эмоциональный, я многое воспринимал на свой счет. Сразу уловил, что письмо является еще одним элементом, еще одним сюжетом сценария, который продолжал раскручиваться, расширяя диапазон травли. Меня, как говорится, обвешивали флажками со всех сторон, загоняли в угол. Но за какие прегрешения? Что лично я, Леонид Кравченко, совершил противоправного, антигуманного, чтобы вызвать к себе такую ненависть?

Да, я направлен генеральным секретарем партии и президентом страны в Гостелерадио, с тем чтобы провести реформу в одном из важнейших государственных средств массовой информации. Мы строим правовое государство, где все должно быть подчинено закону. Недавно принят Закон о печати. Я действую в строгом соответствии с этим законом. Так за что же такая немилость?

Перечитываю письмо деятелей культуры, объявивших бойкот ЦТ, выделяю совершенно новый мотив. «До тех пор, пока не будет решен вопрос о передаче второго канала телевидению России… (вот, оказывается, что сейчас является главным!), пока не будет снята удавка цензуры (теперь этот тезис вынесен на второй план, значит, не он основной), мы, нижеподписавшиеся, отказываемся от какого бы то ни было сотрудничества с ЦТ».

Вчитываюсь снова и снова в фамилии подписавших письмо. Не могу понять, но что-то меня все время смущает. Среди подписантов немало деятелей национальной культуры из союзных республик. Часть из них, как выяснилось, вовсе не подписывали письмо и ничего о нем не знали. Но дело, в конце концов, не в этом, а в том, что среди подписавшихся были люди, представлявшие союзные республики. Как же так? Второй канал

Центрального телевидения был каналом для выхода национальных программ телевидения союзных республик – фильмов, спектаклей, музыкальных и публицистических передач.

Получалось, те, кто потребовал немедленно передать весь второй канал России, не сознавали, что лишают свои республики, свои государственные комитеты по телевидению и радиовещанию возможности выхода через этот канал в общесоюзный эфир. То есть они, собственно, подрезали сук, на котором сидят. Когда у меня были беседы с некоторыми из подписантов, я им указывал на это. Они делали большие глаза: мы ведь бились за то, чтобы иметь независимый канал, а не за то, чтобы закрыли выход национального вещания на всю страну.

Я могу с полной убежденностью сказать, что с января начал складываться определенный политический плюрализм мнений и позиций, которые обозначились и обеспечивались наличием разных каналов в рамках Гостелерадио или той будущей Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании, которая вскоре появилась благодаря новому указу президента СССР. Так вот, первый канал мыслился как государственный, официальный. Хотя это вовсе не означало, что там были бы невозможны передачи, в которых высказывались дискуссионные, противоположные точки зрения, в том числе критические в адрес официальных правительственных структур.

На втором канале предполагалось размещение российского телевидения. К этому времени в рамках канала «Содружество» действовала самостоятельная редакция. Создатели программы занимали независимую позицию и давали программы, которые в политическом плане были оппозиционными официальной политической линии, президентской власти.

Ленинградский канал был совершенно независимым, и на нем выходили в большом количестве программы сугубо оппозиционного свойства, такие как «Пятое колесо», «Альтернатива» и некоторые другие.

На московский канал большое влияние оказывали московские руководители, которые демократическим путем пришли к власти. Я имею в виду прежде всего Попова, Лужкова, Станкевича. Например, по вторникам они всегда появлялись в эфире с изложением своей независимой позиции. Как правило, высказывания были тоже достаточно неприятными для президента и правительства, так как содержали немало жесткой, острой критики.

Таким образом, складывался новый политический облик телевизионного вещания. Позднее, к моменту открытия телевидения России на втором канале, а мы к этому еще

вернемся, процесс плюрализации и размежевания каналов был в основном завершен. Но меня тогда очень удивляло, что продолжались обвинения в том, будто Кравченко взял все в свои руки и ни на одном канале не позволяет пробиться с какой-то иной точкой зрения, отличной от точки зрения официальных правительственных структур.

Но возвращаясь к письму. В той же «Комсомолке» под письмом читаю сообщение о том, что пленум Красноярской краевой организации Союза журналистов специальной резолюцией потребовал отзыва народного депутата СССР, председателя Гостелерадио Леонида Кравченко. Значит, и про это не забыли!

В свое время я действительно был избран народным депутатом от Союза журналистов СССР, я об этом уже рассказывал выше. И как только я увидел в «Комсомольской правде» первый сигнал, прозвучавший из Красноярска, понял: будет раскручиваться новый виток, новая спираль травли, теперь уже по новой линии.

Но в том же сообщении о пленуме Красноярской краевой организации Союза журналистов СССР снова досталось и президенту. Как сообщила газета, «пленум посчитал недопустимым приостановление действия Закона о печати, а такое предложение уже не раз звучало с самых высоких трибун, в том числе из уст президента».

Думаю, имелась в виду сессия Верховного Совета СССР, на которой после выступления одного из депутатов и яростной критики в мой адрес депутат Петрушенко крикнул: «Руки прочь от Кравченко!» А Михаил Сергеевич Горбачев на том заседании сказал, что если мы хотим подлинного политического плюрализма мнений, то тогда этот плюрализм мнений должен присутствовать в каждом издании, на каждом канале телевидения и радио, в различных программах, а то ведь получается так, что многие газеты, журналы, телевизионные каналы стали рупором одних и тех же политических сил. Если уж политический плюрализм, говорил Горбачев, так повсеместный. Затем он сказал, что надо посмотреть, как действует Закон о печати, и, может, приостановить его. Он сказал это вовсе не для того, чтобы угрожать. Действительно, на практике приостановка действия Закона о печати и других средствах массовой информации была бы большой бедой. Ведь его принятие – наше общее завоевание. Я тоже внес немалый вклад в его создание и горжусь этим. В Законе есть целый раздел, есть целый ряд записей, которые моей рукой были написаны, подготовлены. Но речь шла действительно об объективной оценке того, что же мы на самом деле представляем

собой сегодня как средства массовой информации. А представляем мы уже противостоящие силы. Одни стояли на официальной, правительственной или партийной точке зрения, другие – на оппозиционной и не допускали иной точки зрения. Например, ленинградская журналистка Белла Куркова с гордостью признавалась, что в ее телепередаче «Пятое колесо» никакой иной точки зрения, кроме той, которую она и силы, за ней стоящие, отстаивают, никогда не будет.

Произошла еще более резкая поляризация политических сил, а вместе с этим и поляризация средств массовой информации. После анализа прессы у меня не было сомнений в том, что началось новое мощное наступление на президента, его политику и на тех, кто его поддерживает.

Снова выверяю свои действия. Нет, они не расходятся с линией, намеченной Горбачевым. Единственная тревога – бойкот. Какие последствия он вызовет? Прошу помощников собирать и показывать все материалы, связанные с этой акцией, докладывать о всех проявлениях бойкота Центрального телевидения.

В «Литературке» опубликовано несколько интервью с «подписантами». Раймонд Паулс: «Я против экстремизма, против радикалов что с одной, что с другой стороны. Присоединяю свой голос к тем, кто требует правдивой, объективной информации».

Я тоже двумя руками за этот тезис.

Что же все-таки происходит? Обращаю внимание на крупно напечатанный заголовок «Бойкот председателю?». Сразу не заметил главное – вопросительный знак. Действительно, кому объявлен бойкот? Какая преследуется цель? Ведь большинство из подписавших письмо продолжали сотрудничать с телевидением и радио, продолжали выступать в передачах. Шли фильмы с их участием, шли их программы – старые и новые, и это не вызывало с их стороны никакого протеста. И вообще, я считал, о чем и сказал в одной из передач в прямом эфире, что нельзя объявлять бойкот одному человеку – Кравченко. Если те, кто подписал письмо, будут добиваться того, чтобы телезрители не получали новых хороших фильмов, спектаклей, музыкальных программ, то бойкот будет объявлен телезрителям, а не Кравченко. Давайте, говорил я, будем в этом последовательны до конца. Кажется, это понимал не только я один.

Откуда ветер дует, всем стало особенно ясно после экстренного собрания кинематографистов Москвы и России в Белом зале Центрального дома кино. Предстояло решить несколько вопросов. Один из них – вступление кинематографистов в ряды движения «Демократическая Россия». Как потом сообщили газеты, вопрос был решен единогласно.

Политизация Союза кинематографистов ускорилась.

Относительно бойкотирования ЦТ московскими кинематографистами разгорелись страсти. Если в зале Дома кино можно не выбирать выражений, то на телевидении, на экране приходится размышлять ответственнее. Прав был Леонид Филатов: телевидение может обойтись без актеров, но как без телевидения быть драматургам, сценаристам, музыкантам, к примеру? Не случайно они не принимали участия в бойкоте. Кроме, кажется, композитора Минкова. Да многие ли его знают?

Но раздавались и трезвые голоса. Марк Захаров отказался бойкотировать ТВ, проявив не только мудрость художника, но и государственный подход, заботу об интересах телезрителей.

Уже к концу месяца всем стало ясно – бойкот не состоялся. Он с самого начала вылился в политическое 6 действо, политическую акцию, цель которой не в свертывании художественного вещания, а в том, чтобы свалить с ключевого поста «консерватора Кравченко». Ну а если это так, отлегло от сердца. Что значит моя личная судьба, если на карту поставлена судьба Союза, судьба великой державы, судьба моего народа?

Что бойкот проваливается, причем с треском, подтвердила организованная 28 марта в Союзе кинематографистов СССР пресс-конференция, посвященная, как было объявлено, «продолжающемуся бойкоту ЦТ» и приуроченная к проведению референдума о судьбе Советского Союза. Она скорее носила характер некоего митинга. В тот же день, кстати, «демороссы» назначили свой официальный митинг. Так что регламент выступлений на пресс-конференции был чрезвычайно жесткий, а журналисты, созванные на нее, так и не получили ответа на заготовленные вопросы.

Несмотря на то что в зале собрались якобы единомышленники, единодушия не чувствовалось. Режиссер Говорухин так прямо и сказал: «Результаты бойкота не просто нулевые – они отрицательные. Мы оставили людей в самый важный момент перед референдумом, когда они особенно нуждались в разъяснении, добром слове». Андрей Смирнов, один из инициаторов бойкота, растерянно говорил о том, что акция не поддержана композиторами, рок-музыкантами. А кинорежиссер и актер Владимир Меньшов в своей эмоциональной, запальчивой речи сказал:

«Документ, который нам предложили подписать, приводит меня в ужас. Меня сейчас вталкивают в то, чтобы я выбирал между Горбачевым и Ельциным, между Попцовым и Кравченко, вталкивают этим заявлением, этим бойкотом… Я лично оскорблен такой постановкой вопроса…

Я думаю, что мы совершаем грубейшую ошибку, если не сказать подлость. Мы возобновляем драку, мы как раз и возрождаем те страшные времена «охоты на ведьм», о которых так не любим вспоминать».

Что тут можно добавить? Меньшов, на мой взгляд, сказал то, о чем многие думали, но сказать боялись. БОЯЛИСЬ!

Если ты не с «демороссами», значит, ты против. За дымовой завесой сенсационных разоблачений деяний КПСС, партократов, партаппаратчиков, из чего тщательно и продуманно лепился образ врага, рождалась, оплачивалась, уплотняла свои ряды новая сила, которая, не стесняясь в средствах, упорно шла к цели – власти. С этого пути должно быть убрано все, что мешает движению вперед. В том числе, не исключено, и люди. Я хорошо помню: «…всеми имеющимися у нас силами и средствами будем добиваться отставки Леонида Кравченко».

А потом начались странности. Впрочем, ничего странного в том, что стало происходить вокруг, не было. Просто одни методы воздействия на меня заменили другими.

Не буду рассказывать о письмах, которые стал получать, об анонимных телефонных звонках на работу и домой, о встречах у подъезда официальных учреждений и у своего дома, о том, с чем вплотную пришлось столкнуться моей семье. Приведу лишь сообщение одной из газет:

«Не прекращая ни на один день безнравственную кампанию психологического террора против Л.П. Кравченко, определенные силы перешли к попыткам физической расправы над ним. На Л.П. Кравченко совершено уже несколько нападений у входа в здание Государственной телерадиокомпании. К счастью, безрезультатных. Постоянным угрозам подвергаются члены семьи Л.П. Кравченко.

Поразительно, но факт: ни один из коллег Л.П. Кравченко, народных депутатов СССР не возвысил свой голос в его защиту. Молчат и деятели литературы и искусства, чьи заявления дали толчок позорной травле.

А теперь представьте, какой вселенский шум был бы поднят, произойди нечто подобное с кем-нибудь из «демороссов». Хотя это чисто теоретическое предположение, ибо все виды террора, оставшиеся, как многие надеялись, навсегда в прошлом, теперь именно их фирменное оружие».

Я никогда не был сторонником резких движений и радикальных мер. Все, кому пришлось работать со мной, знают, что даже к мерам административного воздействия я прибегал лишь в самых крайних случаях, когда невозможны, исчерпаны все меры убеждения.

В своих воззрениях на эту проблему я, наверное, толстовец. Не знаю, хорошо это или плохо, но это факт моей биографии. От него не уйдешь.

И, конечно, я не мог и думать, что доживу до таких дней, когда мне будут непрерывно угрожать физической расправой. Не преувеличивая опасности, скажу, когда у телецентра в Останкино, на Пятницкой или у Спасской башни на выходе из Кремля к вам бросаются крепкие мужики с искаженными от злобы лицами, тут уже не до шуток. Я сначала относился к этому легкомысленно. Но дело стало принимать серьезный оборот.

Однажды мне позвонил председатель КГБ Крючков и проинформировал, что у них есть достоверные сведения о готовящихся на меня покушениях. Поэтому он вынужден был поставить об этом в известность президента СССР. Мои телефоны придется ставить на прослушку.

Оказывается, опасность велика, и было принято принципиальное решение выделить для меня охрану. Такое поручение дал и президент СССР.

За мной закрепили машину с охраной, в которой меня постоянно возили, предупредив, что я не имею права отлучаться куда-либо без ведома охраны.

Постоянно меня сопровождали две машины. Взяли под охрану и мою жену. Несколько месяцев двое охранников сопровождали ее на работу и домой. Скажу откровенно, когда сопровождают от двери квартиры и до дверей служебного кабинета, чувствуешь себя «под колпаком». То же ощущала и жена. За всю нашу совместную жизнь я не слышал от нее столько упреков, сколько пришлось услышать в те дни. В конце концов я сумел настоять, чтобы от нее открепили охрану.

Но мне легче все равно не стало. Куда бы я ни отъезжал, на какое совещание или заседание ни приглашался, всюду со мной были офицеры безопасности. По существу я не имел к ним никаких претензий, никаких подозрений – хорошие, симпатичные люди. Каждый из нас нес свою службу. Но в их присутствии в машине я не мог быть откровенным. Их постоянное присутствие меня угнетало в командировках, особенно в зарубежных. Когда, например, в качестве официального лица я был членом советской делегации на переговорах президента СССР в Японии, Южной Корее или Лондоне. Даже на чемпионате мира по хоккею в Финляндии, куда я был приглашен в качестве президента Федерации хоккея СССР, со мной была охрана.

Одного меня не отпускали ни на шаг. Пока я работал, кто-то из офицеров охраны всегда находился в моей приемной. Вскоре мои сослуживцы знали каждого из них в лицо, даже по именам.

Когда мы с женой стали планировать на конец августа очередной отпуск, мы не могли не считаться с ситуацией. Наивная женщина, она в шутку придумывала разные варианты того, как, отдыхая на юге, мы будем выскальзывать из-под опеки наших визави. Мы и думать не могли, что в августе наступят для нас такие черные дни, что об отпуске мы напрочь забудем на долгие-долгие месяцы. А мои «опекуны» на целых три дня станут моими конвоирами.

Так я и жил тогда. С одной стороны – кампания травли, с другой – охрана. А между ними работа, работа и работа.

…Предстоял VII съезд Союза журналистов СССР. А до того готовился пленум СЖ СССР, на котором с отчетами должны были выступить народные депутаты СССР, представители Союза журналистов. Перед этим газета «Голос», орган Союза журналистов СССР, опубликовала наши отчеты, в том числе и мой. Я рассказал о том, как выполняю наказы, которые мне были даны.

Все шло нормально. Но на пленуме СЖ была предпринята попытка дискредитации меня с последующим отзывом из депутатов. При голосовании, когда решался вопрос, принять или не принять отчет, мне в итоге было выражено полное доверие.

После пленума проводился съезд журналистов. Я, делегат этого съезда, был потрясен, когда с первого же дня, с первых минут съезда при утверждении повестки дня ряд делегатов и гостей съезда, прорывавшихся к микрофонам, поставили вопрос об ответственности Кравченко за преследование журналистов, за введение политической цензуры, за закрытие разного рода смелых передач. Какая-то часть делегатов с мест выступила против попытки поломать основную повестку дня съезда: отчет, разработка нового устава, на какой основе – федеральной или конфедеративной – строить работу в новых условиях. В общем, вопросы были наболевшие. Как и в телевизионном деле, мы столкнулись с новой политической ситуацией в стране: многие республики заявили о полной независимости, суверенитете, а значит, уже невозможно было иметь журналистскую организацию, которая управлялась бы из единого центра.

Конечно, вопрос о Кравченко не был главным. Но предпринята была попытка навязать его как главный и учинить скандал на съезде. Однако в ходе дискуссии так и не решили, включать или не включать вопрос о Кравченко в основную повестку дня. Условились вернуться к этому потом, к концу работы съезда. Что скрывать, я очень переживал, понимая, что съезд, если удастся определенной группе людей навязать ему свою позицию, может принять драматические для меня решения.

Я тогда много размышлял, как жить, как быть дальше. Внутренне был готов к тому, что в случае острой драматической развязки я просто обязан буду подать президенту прошение об отставке. Потому что если съезд не доверяет мне, то как я могу подводить президента? И он не вправе, если по большому счету судить, при таком раскладе насильно, не считаясь с общественным мнением и волей съезда журналистов, дальше держать Кравченко на посту председателя Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании.

И вот наступил самый драматический для меня момент на съезде, когда все-таки небольшой группе людей, которые занимали ключевые позиции в секретариате и президиуме съезда, удалось навязать вопрос о Кравченко. И как-то так незаметно произошло, что дискуссия развернулась.

Председательствующий Павел Гусев, руководитель журналистской организации Москвы, сказал, что его отношение ко мне известно, поэтому он не хотел бы председательствовать при рассмотрении этого вопроса, и свое председательское место уступил представителю средств массовой информации Грузии. Не могу ничего дурного сказать об этом человеке, я даже фамилию не хочу его называть. Но очень скоро мне стало ясно, что есть определенный сценарий рассмотрения вопроса обо мне и он неукоснительно будет проводиться в жизнь. Один за другим выступают первые пять ораторов. Все критикуют меня. Основной мотив выступлений – Кравченко установил цензуру передач и «прессингует кадры».

Я переместился в первый ряд в ожидании того, что мне дадут слово. Если я нарушал какие-то права журналистов, кого-то уволил, кого-то переместил, какие-то передачи перестали существовать, то я должен либо это признать, либо аргументированно опровергнуть.

…И вот уже на трибуне шестой оратор, но он выступает в мою защиту. Это Виктор Новиков, член президиума, руководитель российской журналистской организации. Потом из зала раздалось несколько реплик, очень жестких. Помнится, представители Узбекистана, Украины, еще нескольких республик сделали замечание, что съезд не вправе учинять суд над делегатом, народным депутатом СССР. Рассмотрение сути претензий как минимум нужно поручить и доверить журналистской организации, есть ведь комиссия по этике СЖ СССР, которая вправе заняться этим вопросом. Но так вершить суд не годится.

Помнится, дошло даже до того, что один из делегатов, выступавших от микрофона, заявил решительный протест и сказал, что делегация Узбекистана в случае продолжения этого

судилища покинет съезд. Зал с некоторым юмором воспринял последующие его слова: «И не только Узбекистана, но и Казахстана, и Таджикистана, и других среднеазиатских республик, и Азербайджана, и Украины». Здесь уже смех был в зале, потому что он с большим темпераментом излагал свой протест. В этот момент я почувствовал, что действительно больше нельзя мириться с тем, как вершится неправедное дело.

И тогда я не выдержал и пошел на сцену. Я подошел к председательствующему, который в этот момент стоял у микрофона, встал с ним рядом и сказал: «Я имею право на слово? Меня съезд может выслушать сегодня? Ведь слушается вопрос обо мне. Я ответчик. Столько ораторов выступало, но никто не спрашивает моего мнения. Это что, демократично?» Он растерялся, не ожидал от меня такой прыти. Сказал: «Минуточку, минуточку. – И обратился в зал: – Ну что, дадим слово?» Зал сказал: «Дадим». Я пошел на трибуну. Трудно теперь точно вспомнить, сколько я говорил, но что-то около часа. Все регламенты были нарушены. Я видел зал, лица людей, настороженно на меня смотревших, размышлявших по поводу того, где правда, где ложь. Многие просто не имели позиции, сбитые с толку.

Я подробно ответил на все критические замечания, убедительно опроверг надуманные обвинения. Подчеркнул, что это организованная политическая кампания, имеющая только одну цель – убрать меня с ключевого поста председателя Гостелерадио и поставить на это место представителя «Демократической России». Что же касается голословных утверждений, будто я преследовал кого-то за инакомыслие и даже уволил, то заявляю: немедленно уйду в отставку, если будет доказан хотя бы один факт такого преследования.

Речь была очень эмоциональной. К концу ее я почувствовал, что зал ко мне расположился, а президиум под натиском моих неопровержимых доказательств оробел. Все увидели, что я говорю начистоту, искренне. А заканчивал так: «Вот уже появляются слухи о моих возможных новых назначениях. Назывались семь стран, куда я могу отправиться работать послом. Мы даже в семейном кругу обсуждали эту проблему, в какую страну лучше отправиться. Чем продолжать жить и работать в таких условиях, лучше уж в самом деле переместиться, например, в Испанию». Сказано это было с нескрываемой иронией.

К концу выступления обратился в зал с вопросом: «Все, достаточно?» Зал ответил: «Хватит, все ясно!» – и проводил меня горячими аплодисментами.

Никакой резолюции, которая осуждала бы меня, не было

принято. Съезд отверг, счел постановку вопроса о Кравченко неправомерной. Лишь 16 делегатов из 480 проголосовали против.

Меня в это время ждали журналисты в фойе зала, в том числе около десятка представителей зарубежных телекомпаний. Возникла стихийная пресс-конференция. Азартнее всех критиковавшая меня известная ленинградская тележурналистка Белла Куркова сказала: «Леонид Петрович, вы сегодня одержали победу, я вас поздравляю. Но это не окончательная победа». Я тогда ответил: «Вы же понимаете, что зал поддержал меня вовсе не потому, что я кого-то околдовал своим выступлением, а потому что есть на этой земле правда. Наверное, люди понимали, что есть правда, а что кривда. И для меня эта победа вовсе не в радость, я не ликую. Доволен только одним, что защитил свою честь и достоинство. Мне ведь проще всего перейти сейчас на какие-то другие позиции, понравиться вам, еще кому-то».

Куркова ничего не ответила, разочарованно отошла. Подошел я к Сорокиной Светлане, тоже разочарованной результатами голосования. В то время она еще работала с Невзоровым в популярной программе «600 секунд», но готовилась переехать в Москву, на российское телевидение. У меня к ней всегда было нежное отношение как к талантливой тележурналистке и просто красивой женщине. Спросил: «Светлана, почему вы грустная?» (Она несколько раз выступала от микрофона против меня.) Она ответила: «А что же, быть веселой?» – «Жаль, а вот я питаю к вам огромное уважение и очень сожалею, что не работаем вместе».

Она была смущена этим признанием и заметила, что разочарована, так как не получается быть независимой. Кстати, потом она еще не раз пройдет через разочарования, убеждаясь, что быть свободной и независимой у нее не получится ни на российском телевидении, ни на НТВ, ни на шестом канале.

Когда я вернулся на рабочее место, позвонил М.С. Горбачеву, рассказал ему о том, что съезд завершил свою работу на моем персональном деле, но все разрешилось к лучшему. Я даже произнес фразу: «Мы одержали победу». Он меня поздравил, сказал, что следил за ходом работы съезда. Ему рассказывали подробно обо всем, что там происходило. Михаил Сергеевич якобы переживал за меня и тоже доволен, что все разрешилось удачно. «Поэтому, – сказал он, – поздравляю и давай впрягаться, будем работать дружно, вместе, как мы работали до сих пор». Потом неожиданно и многозначительно добавил: «А то в последние дни почему-то ко мне по очереди заходили Яковлев и Шеварднадзе и предлагали помочь тебе. Мол, на твоем нынешнем посту тебя окончательно затравят, и будет лучше переместить тебя на какое-то другое хорошее место. Например, направить

послом в одну из европейских стран. Что-то не нравятся мне эти ходатайства…»

Таким вот неожиданным образом я узнал о достоверности слухов по поводу моего возможного перемещения. Стала ясна и роль в этом ближайших сподвижников Горбачева.

Через два года выяснилось, что в этом разговоре лукавил и сам Горбачев. Работавший до августовских событий секретарем ЦК по международным вопросам Валентин Фалин рассказал мне, что как раз тогда, в апреле, Горбачев вызвал его к себе и предложил: «Слушай, Валентин, займи место Кравченко на телевидении. Жаль парня – совсем его затравили. Давай подберем ему место посла за рубежом».

«Я выслушал Горбачева, – вспоминал Фалин, – сказал:

– Кравченко заменить не могу, он настоящий профи. Не знаю, как Леонид Петрович поступит, а сам я готов написать заявление об отставке хоть сию минуту.

Горбачев развел руками:

– Ну что ты, Валентин, обижаешься? Не хочешь – не надо! Оставайся на своем посту, да и Леонида трогать не будем».

Глава 23
Экономисты и политики не нашли общего языка

В начале 1991 года все острее обсуждались проблемы экономической реформы в стране. Крупные ученые-экономисты разбились на два лагеря – радикалы и либералы. Радикалы ратовали за проведение радикальных реформ. Наиболее яркие из них сплотились вокруг Григория Явлинского, выдвинувшего идею «500 дней», именно столько они отводили для осуществления экономических реформ. Более умеренные во главе с председателем правительства Николаем Рыжковым и академиком Абалкиным рассчитывали осуществить реформу в течение шести лет.

Тем не менее в жизни вовсю уже шли эксперименты. Бурно развивались кооперативы, что поощрялось сверху. Это потом станет ясно, что именно в кооперативное дело в первую очередь хлынет криминальная братва. Но тогда всем казалось: дело затеяли благое.

В целях демократизации производственного управления на уровне предприятий провозгласили новомодным избрание директоров на общих собраниях трудовых коллективов. Вред, как потом выяснилось, это принесло огромный, но тогда казалось демократической реформой в производстве.

Выбор модели радикальной реформы в экономике стал темой трехдневных дебатов в ЦК КПСС. По инициативе М.С. Горбачева собрали лучших ученых-экономистов, политических деятелей, цвет депутатского корпуса. В основном дебаты шли вокруг программы «500 дней» и деприватизации, разгосударствления собственности. К единому мнению не пришли. Обвиняли даже радикалов в том, что они зовут быстро «вбежать» в капитализм. Неожиданно споры экономические перешли в противостояние идеологическое.

В последний день горячих дебатов я уговорил Горбачева в прямом эфире объяснить миллионам телезрителей суть намечаемых реформ. Он не отказался, более того, согласился, чтобы передача велась напрямую из кабинета председателя Гостелерадио СССР. В моем кабинете я вызвался быть и ведущим.

Все началось с казуса: поднимаясь на руководящий этаж, мы неожиданно застряли в лифте. Это вызвало раздражение. Но еще больше раздражения вызвали некоторые мои вопросы, которые

были очень неудобными для президента. Но это были вопросы от имени миллионов телезрителей, которые очень сомневались в необходимости радикализации реформ и приватизации государственной собственности.

Михаил Сергеевич злился, но в эмоциональном стремлении защитить свою позицию умело находил убедительные аргументы. Когда же приводились не менее веские контраргументы, он, распаляясь, говорил очень убедительно, обещая быстрый рост экономики без больших потерь в социальной сфере.

После передачи я, как всегда, подарил Горбачеву на память кассеты с записью передачи. Но тут он спросил, а не устраивал ли я для него провокацию. Как мог, я успокоил президента и попросил внимательно посмотреть, что получилось. Три дня от него не было звонка. Я насторожился и без предварительного согласования, уточнив, что Горбачев на месте, отправился к нему. Принял он меня даже с радостью и буквально с порога сказал:

– Слушай, Леонид, я ведь вначале обиделся, подумал, что ты заодно с моими оппонентами. Но вот вчера дома посмотрел вместе с Раисой Максимовной, и она успокоила. Говорит, Кравченко специально обострил беседу, чтобы возбудить тебя, заставить защищать свою точку зрения не дежурными словами, а глубоко аргументируя свою позицию. Скажи, Леонид, это действительно такой замысел был или все же провокация?

В ответ я лишь подтвердил догадки Раисы Максимовны. На что Михаил Сергеевич примирительно предложил:

– А давайте вместе еще одну такую провокацию устроим.

И мы вскоре провели еще одну передачу с Горбачевым на тему экономической реформы.

Разнополюсные позиции в оценке экономических и политических реформ раскололи политбюро, раскололи общество, раскололи прессу. В это время даже «Правда», «Известия», не говоря уже о таких набиравших силу демократических изданиях, как «Московские новости», «Огонек», «Московский комсомолец», «Литературная газета», журналы «Новый мир», «Знамя», газета «Аргументы и факты» и другие, твердо стояли на стороне радикальных экономистов. Дмитрий Валовой («Правда»), Отто Лацис («Известия»), Андрей Нуйкин, Юрий Карякин, Николай Шмелев, Юрий Черниченко и много других писателей-публицистов остро критиковали пребывающую в стагнации экономику и призывали политическое руководство страны к решительным действиям. Многие из них потом разочаровались в гайдаровских реформах…

Вот что позднее написал один из талантливых публицистов – Андрей Нуйкин: «Еще до начала шоковой терапии я не раз

пробовал (и надо полагать, не только я) протестовать против намерений отпустить цены и открыть перед западными товарами границы, после чего и конкуренция введется, и прилавки под тяжестью товаров затрещат. Товары, конечно, хлынули – их в мире переизбыток, но конкурировать с ними наш производитель не мог и изначально, и тем паче в итоге «терапии». Уже к концу 1993 года отечественное производство упало на 40 процентов, а цены выросли в пять тысяч раз (на электроэнергию и тепло в одиннадцать тысяч раз). Зарплаты же, где их еще выдавали, стремительно покатились вниз по сравнению с советскими. При этом сбережения населения оказались конфискованными…» Ко многим из нас – самым яростным критикам существующей экономики, существующего режима – придет более рассудочное, более хладнокровное понимание ситуации. Пройдет эйфория. Но тогда из плоскости экономической «драки в прессе» перейдут в плоскость идеологической борьбы. Да и в самом политбюро сформируются две линии: яковлевская и лигачевская. Первая будет считаться прогрессивно-либеральной: всячески будут поощряться воспрянувшие в Прибалтике, на Кавказе националистические тенденции, парад суверенитетов, решительно поддерживаться многочисленные публикации в демократической прессе с разоблачениями сталинских репрессий, рассказываться о подавлении прав и свобод граждан. Будут открыты новые «белые пятна» истории, пересмотрены с резко критическими оценками коллективизация, индустриализация в СССР, развенчают социализм и явно принизят великую победу народов СССР в Великой Отечественной, очернят имена героев: Павки Корчагиа, Зои Космодемьянской, Виктора Гастелло, молодогвардейцев… С ухмылкой будут вспоминать ударные комсомольские стройки и откровенно нападать на нашу армию, в которой ничего хорошего не увидят – все заслонит дедовщина. Складывалось впечатление, что кто-то очень умело управляет этими процессами и в стране, и за кордоном. Ведь в конечном счете нас хотели лишить исторической памяти, исторических побед и великого чувства патриотизма, которое является святым для любой страны, для любого народа.

Пройдет очень много времени, прежде чем новый президент России Владимир Путин остановит эту вакханалию…

А я вдруг вспомнил еще одну бурную политическую кампанию в связи с публикацией в «Советской России» статьи Нины Андреевой «Не хочу поступаться принципами». Летом 1988 года это было главным событием в прессе. Статья действительно была явно консервативного толка. Она восстала против демократических тенденций, укрепления прав и свобод личности

и некоторыми критиками рассматривалась чуть ли не как произведение сталинистского толка. Шум вокруг нее поднялся нешуточный. Многие, прочитавшие эту статью, недоумевали, почему такая мощная неадекватная реакция захватила всю партию: статью обсуждали на политбюро, в прессе, в партийных организациях. И повсюду сверху в самой недипломатичной форме навязывалась лишь одна точка зрения – о страшной зловредности этой статьи. Хотя толком даже не знали, кто такая Нина Андреева. Однако многие быстро смекнули: дело не в Андреевой и не в главном редакторе «Советской России» Валентине Чикине, рискнувшем опубликовать статью. Надо было смотреть выше. Выступление Нины Андреевой быстренько связали с именем «консерватора» Егора Лигачева, который якобы читал и лично санкционировал публикацию. Здесь было больше догадок и предположений, но травля Лигачева действительно началась. Ее двигателями были А. Яковлев и К°, а Горбачев, по сути, благословил эту политическую кампанию.

Вот в какой ситуации политического разлома оказалась страна и, естественно, журналистика. Надо, однако, признать, что число печатных изданий, относивших себя к либеральному демократическому крылу, нарастало стремительно. Некоторые из них стали и новым явлением журналистики с точки зрения подачи, оформления материалов, нового видения и новой концепции формирования номеров. К их числу я в первую очередь отношу «Аргументы и факты» и «Коммерсантъ» – издания, которые и поныне считаю своими настольными.

Еженедельник «Аргументы и факты» появился в начале 80-х годов как ежемесячный дайджест, в котором перепечатывались наиболее интересные публикации. Поначалу газета «АиФ» скорее напоминала бюллетень общества «Знание». В 1983 году ее легко можно было сворачивать в «четвертинку» для удобства чтения особо понравившихся материалов. А волновала всех тогда международная проблематика. Вот этих перепечаток больше всего и ожидала читающая публика.

Фирменным блюдом была рубрика «Вопрос – ответ». Популярность ее заключалась в том, что вопросы задавались самые неожиданные, из разряда тех, что обсуждались в основном на кухне и редко – публично. А тут пожалуйста, задавайте вопросы на самые закрытые, порой даже запретные темы и получайте на них непривычно откровенные, политически очень смелые ответы.

Постепенно «АиФ» обрел такую политическую независимость, что оказался в самой гуще политических страстей.

В ЦК КПСС уже задумались: что делать с этим

«неуправляемым» изданием? Оно подвергалось публичной критике на традиционных встречах Горбачева с руководителями средств массовой информации. Редактору газеты Владиславу Старкову часто «доставалось на орехи». Была даже сделана попытка присоединить «Аргументы и факты» к ТАСС в качестве приложения. Но и этот ход был сорван редакционным коллективом. В тот момент «Огонек», «Московские новости» и «Аргументы и факты» были оплотом независимой оппозиционной прессы.

В декабре 1989 года вышел нулевой, пилотный номер новой газеты «Коммерсантъ», а уже через год ее тираж вырос до 500 тысяч экземпляров. Этот феномен поучителен. Если все государственные газеты заняты были «разбором политических полетов», то «Коммерсантъ», казалось бы, политика меньше всего интересовала. Он обращался к иной группе читателей – к людям, занявшимся бизнесом – малым или большим, – и содержал много интересных аналитических статей о тайнах отечественной и зарубежной экономики, деловые сводки – финансовые, биржевые и т. и.

Газета совершила некоторую профессиональную революцию, в ней все было непривычно – от заголовков до принципов подачи материала. Макет жесткий. На каждой из 16 полос в определенном месте постоянные рубрики, что облегчало читателю поиск интересующих материалов.

В подаче информации был введен жесткий западный принцип – перевернутой пирамиды. Что это такое? В первых трех фразах сжато излагалась суть информации: что, где, когда. Так появилась вводка (врез), а по-западному лид. С тех пор это непременный атрибут в любой заметке «Коммерсанта». И смысл в этом большой: при дефиците времени достаточно прочитать заголовок и вводку к материалу, как все становится ясно. Подробности можно изучить позднее, когда свободного времени прибавится.

Над заголовками шла особенно тщательная работа. Главный редактор В. Яковлев требовал по пять-шесть вариантов, и порой работа над заголовком могла занять не меньше времени, чем подготовка самого материала.

Позднее у «Коммерсанта» появились внутренние тетради. Открывался любой номер политикой, обзором работы органов власти. Затем тетрадь «Мировая практика». Далее «Деловые новости». И, наконец, четвертая тетрадь «Культура и спорт».

К сожалению, со временем газета не смогла избежать политической ангажированности, по крайней мере в двух первых тетрадях. Однако эффект «политической независимости» сумела сохранять довольно долго.

В этом смысле под стать «Коммерсанту» была лишь «Независимая газета», появившаяся гораздо позднее. Ее еще называли газетой Виталия Третьякова – одного из самых талантливых современных журналистов-публицистов. Но когда над этими газетами нависли тени олигархов – Березовского и иже с ним, – стали постепенно угасать и былая сила и мощь этих незаурядных изданий.

Но вернемся в более ранние времена – конец 80-х годов.

Одной из самых животрепещущих и, пожалуй, даже судьбоносных для успеха всего дела перестройки проблем была тогда взаимосвязь политической и экономической реформ в стране. Мы могли с удовлетворением констатировать крупные успехи в демократизации жизни общества, в расширении гласности. В области политической реформы за годы перестройки был пройден большой путь, на который в других условиях, вероятно, потребовались бы десятилетия, а то и столетия. Иначе обстояло дело на путях реформы экономической. Здесь заметных перемен не происходило, хотя и намечались тогда крупные, принципиального характера преобразования. Целый ряд отраслей, и притом ключевых для экономики, пробуксовывал. Старая административно-командная система управления не сдавала свои позиции.

Несовпадение скоростей развития политической и экономической реформ стало, на мой взгляд, трагичным для всей перестройки. Стремительный взлет политических свобод, демократии, гласности, раскрепощение духа и несмелые, робкие шаги в развитии рыночных механизмов хозяйствования в конечном счете загубили перестройку.

В стране стало нарастать забастовочное движение. Явление для нас, прямо скажу, необычное и непривычное, чреватое, увы, ухудшением и без того обострившейся экономической обстановки. Было подсчитано, например, что забастовка шахтеров нанесла ущерб, исчисляемый миллиардами рублей. Но диалектика ситуации состояла еще и в том, что сотни тысяч рабочих твердо и решительно выступили за ускорение перестройки в экономике.

«Рабочие берут дело в свои руки основательно, – говорил в своем интервью Центральному телевидению генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. – И это меня при всем драматизме событий очень сильно воодушевляет».

Отмечу, кстати, что о забастовках широко, а главное, оперативно рассказали советские средства массовой информации. В дни забастовок около сотни иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, посетили регионы Кузбасса и

Донбасса без каких-либо ограничений.

Подобно очистительной грозе, массовые забастовки добавили своего рода озона во всю духовную атмосферу жизни общества. Важную роль в ускорении процессов оздоровления экономики, очищения государственного аппарата от неквалифицированных и неспособных работников, в демократизации управления на всех его уровнях сыграло принятое в этой драматической обстановке «Обращение советского парламента – Верховного Совета СССР – к советскому народу». В нем была дана честная и откровенная оценка событиям последнего времени – забастовкам, национальным конфликтам, показавшим, что перестройка переживает острый и трудный период.

Телевидение вело прямые репортажи с заседаний Верховного Совета СССР. Любопытными размышлениями в связи с этим поделился в те годы в газете «Нью-Йорк таймс» обозреватель Роберт Пир. По его мнению, советские средства массовой информации не являются больше противником – они стали конкурентом «Голоса Америки», сообщая информацию, которую ранее можно было получить только извне, и новости, «неприятные для советского правительства».

Одна из примечательных особенностей деятельности советских средств массовой информации в условиях перестройки состояла в том, что они в определенной мере играли роль некой оппозиционной силы. И роль эта не осуждалась, а поддерживалась органами власти. В условиях существовавшей тогда однопартийной системы в нашем обществе пресса, телевидение, радио взяли на свои плечи непростую задачу развития критики и самокритики, борьбы с административно-командными методами управления, бюрократизмом, злоупотреблением властью. Пресса разоблачала тяжелые последствия сталинизма и активно содействовала ускорению процессов демократизации жизни советского общества. Что же касается правительства, то оно – и это ярко показали бурные дебаты в Верховном Совете при утверждении министров – заинтересовано в том, чтобы знать всю правду, какой бы горькой она ни была. Ведь только располагая всей полнотой информации о действительном положении дел в стране, можно эффективно управлять развитием процессов перестройки и обновления.

Глава 24
Новая атака Ельцина

В стране продолжал обостряться политический и экономический кризис. Страны Прибалтики требовали выхода из состава СССР. Украина, Грузия и некоторые другие республики настаивали на большей независимости. Да и Россия приняла Декларацию о государственном суверенитете, в соответствии с которой объявлялся приоритет российской Конституции, российских законов над союзными. Но этого мало. Вся собственность на территории России отчуждалась от Союза. В борьбе с центром Россия, по сути, отказывалась платить налоги в союзный бюджет, а это означало крах финансовой системы Советского Союза. Любое постановление союзного правительства, если оно затрагивало интересы России, тут же отвергалось российским правительством.

Оставить центр без власти, без денег и какого-либо влияния на экономику – такова была цель Бориса Ельцина, который навязал Михаилу Горбачеву жесткую борьбу по всему фронту. Замечу, что противостояние этих двух крайне амбициозных, болезненно тщеславных политиков нанесло колоссальный урон стране. Это тот случай, когда роль личности в истории оказалась гипертрофированной и трагичной для судеб СССР и всех народов, населявших огромную державу. Развал Советского Союза прежде всего на их совести.

Выскажу парадоксальную мысль: если бы в той борьбе Ельцина не отлучили от политбюро, от власти на высшем федеральном уровне, Советский Союз уцелел бы. Такова была цена политических амбиций.

Заручившись поддержкой ряда сепаратистски настроенных лидеров союзных республик, именно Ельцин навязал Горбачеву так называемый «ново-огаревский переговорный процесс». Речь шла о разработке и подписании союзного договора, по которому СССР становился, по сути, конфедеративным государством. Слава богу, что позднее Владимир Путин заблокировал аналогичный процесс распада России. Ведь жажда власти – неукротима, а бонапартистские амбиции отдельных политиков бывают столь велики, что им наплевать на высшие государственные интересы.

Борис Ельцин использовал любую возможность, чтобы уязвить Горбачева. Он поднимал при поддержке московских властей на демонстрации в столице сотни тысяч людей. Помнится, в феврале не менее трехсот тысяч человек вышли на

улицы и площади столицы. Прозвучал даже призыв идти на Кремль.

В тот день мне довелось быть в кабинете Горбачева на беседе. Он постоянно отвлекался для разговоров по телефону – президенту сообщали о ситуации в столице. Он пару раз сам звонил Пуго, тогдашнему министру внутренних дел. Тот докладывал о крупных скоплениях народа в разных точках Москвы. Горбачев распорядился, чтобы главные улицы, ведущие к Кремлю, перекрыли тяжеловесными грузовиками. Пуго пробовал возражать: «Михаил Сергеевич, ничего страшного – помитингуют и разойдутся». – «Нет, нет! – убеждал Горбачев. – Главное – не пускать на Манежную площадь. Так что действуйте решительно!»

Ох уж эта Манежная площадь. Кто только на ней не митинговал! Но вот когда демократы победили в стране, на Манежной площади начали «археологические раскопки», а потом сотворили никому не нужный сверхдорогой торговый центр под землей. Коммунисты в свое время не додумались вот таким лукавым образом закрыть площадь как место самых крупных митингов демократов.

Крупные потрясения происходили и в компартии, которую уже успели лишить ее главной роли – «руководящей и направляющей» силы в обществе. Тут и сам Горбачев изрядно постарался, чтобы освободиться от пут влияния со стороны ЦК. Он тогда очень боялся пленумов ЦК КПСС, где нажим на него как на генсека был все жестче. Ему куда больше нравились его президентские обязанности, рукоплескания сотен тысяч людей в чужих государствах при его визитах. Он испытывал верх блаженства от присуждения ему званий «Человек года», «Лучший немец», нобелевский лауреат. А дома его доставали тяжелыми вопросами по поводу экономического застоя.

Гласность, демократизация, политическая реформа давались Горбачеву с огромным успехом. За несколько лет демократизация общества достигла таких масштабов, какие другим странам давались за многие десятилетия. А вот экономическая реформа «топталась» на месте. И эта дисгармония политической и экономической реформ, может быть, самая болезненная неудача эпохи Горбачева.

Тем временем дела в экономике шли все хуже. Да еще без конца досаждал Борис Ельцин, который все чаще публично критиковал Горбачева. Это делалось не только на митингах, но и в телевизионных выступлениях. Чаще всего для этого использовалось ленинградское телевидение. Но российский лидер не прочь был использовать и главные каналы советского телевидения.

Накануне Международного женского дня, вечером, когда хотелось пораньше уехать домой с работы, успеть купить цветы жене, я получил письмо от Ельцина. «Прошу Вас, – было в письме, – предусмотреть возможность моего выступления по Центральному телевидению 15 марта с. г. в прямом эфире в течение часа в удобное для телезрителей РСФСР время в связи с предстоящим Союзным и Российским референдумом».

Должен признаться, эта депеша меня не обрадовала. Я понимал, что решение буду принимать не я, а отвечать, как всегда, придется мне. Ситуация осложнялась еще и тем, что предыдущее выступление Бориса Николаевича в прямом эфире 19 февраля с критикой Горбачева наделало много шуму.

В общем, я оказался в очень пикантном положении, как бы между двух огней. Естественно, во всех таких случаях, когда речь шла о выступлениях Ельцина по ТВ и радио, я обязан был поставить в известность президента Горбачева, что и сделал. Он не скрывал своей озабоченности и сказал, что от Бориса Николаевича можно ждать самых разных сюрпризов, которые могут иметь необратимые последствия и последние мосты будут сожжены. Горбачев, как прагматичный политик, прекрасно понимал, что он не может игнорировать Ельцина с его высоким государственным рангом председателя Верховного Совета России. И вместе с тем он ясно видел: чем больше становилась популярность Ельцина, тем больше ослабевало его собственное влияние. Поэтому он попросил меня провести переговоры с Ельциным и сделать предварительную запись выступления.

– Дай ему минут двадцать на втором канале, – порекомендовал Горбачев.

Я вышел на такие переговоры с российским руководством, но они настаивали только на открытом, прямом эфире. Мол, запись потом можно перемонтировать. В переговорах в качестве посредника выступал Олег Попцов, руководитель Всероссийской государственной телерадиовещательной компании. В конечном итоге мы условились, что будет проведено интервью, где с нашей стороны в качестве интервьюера будет Ломакин, а с другой стороны – Попцов.

Должен подчеркнуть, что об этом разговоре, о том, что предполагается такой формат интервью, я снова советовался с Горбачевым. Он сам назвал кандидатуру Сергея Ломакина в качестве ведущего. Мало того, высказал ряд рекомендаций по проблемам, которые могут быть затронуты в ходе интервью. И продиктовал мне больше десятка вопросов, трудных для Ельцина, которые связаны были с противостоянием между центральным и российским правительствами и «неправильной» позицией

председателя Верховного Совета Ельцина.

Некий сценарий беседы вырисовывался. Однако живое телевидение всегда непредсказуемо. Сергей Ломакин – человек творческий, настырный, независимый, и он, конечно, привнес немало личного в эту передачу. Из вопросов Горбачева оставили только четыре. В целом Ломакин вел беседу в агрессивном, наступательном духе. Попцов, со своей стороны, старался снивелировать, сгладить тон, заданный Ломакиным, и его вопросы позволяли Борису Николаевичу раскрыться, утвердить свою позицию по ключевым проблемам. Все шло к благополучному финалу, как вдруг сработала домашняя заготовка Ельцина. В оставшиеся до конца передачи пять минут он сделал резкое заявление, в котором, по существу, потребовал отставки, смещения Горбачева.

Уже на следующий день меня позвали для объяснений на заседание Верховного Совета СССР. Телеинтервью Ельцина взорвало общество. Верховный Совет принял жесткую резолюцию, осуждающую это заявление.

Этот неожиданный поворот, точнее, переход председателя Верховного Совета РСФСР в новое качество не остался незамеченным. Независимые газеты, излагая выступление Ельцина, были сдержанны в оценках. Комментарий во «Времени» был корректным, но негативным. Зато потребовали телеэфира некоторые депутаты, резко отрицательно оценившие интервью Ельцина. Мы получили множество телефонных звонков, писем, телеграмм, содержавших критику в его адрес. Шквал разноречивых оценок показывал, что страна находится у истоков нового, более трудного этапа политической борьбы. Стало также ясно, что перед общественностью предстал иной Ельцин, настроенный более решительно, более бескомпромиссно, чем ранее.

Пост председателя Верховного Совета России подходил Борису Ельцину только в переходное время. Мечта его – стать президентом России уже в начале 1991 года – не казалась несбыточной. И в борьбе за этот высокий пост, как минимум уравнивавший по масштабу влияние Ельцина и Горбачева, особо важна была поддержка средств массовой информации. Телевидение и радио – прежде всего. К тому времени уже организационно оформилась Всероссийская телерадиокомпания. Радиопередачи велись. А вот своего телевизионного канала еще не было.

Однажды звоню по телефону Горбачеву, напоминаю ему о письме деятелей культуры с требованием полностью передать второй канал Российскому телевидению. Спрашиваю его, не было

ли с его стороны твердых обещаний передать канал российскому правительству. Тут надо еще учесть, что примерно в те же дни поступило письмо от председателя Совета министров РСФСР И. Силаева, который настаивал на передаче второго общесоюзного канала России. Причем в частных беседах Иван Степанович подчеркивал, что Горбачев – за. Я этому не верил, поскольку Горбачев предупредил меня: «Канал Ельцину не отдавать. Можно выделить Российскому телевидению несколько часов, и хватит с них». Так вот, Горбачев снова и в решительной форме подтвердил: «Канал России не отдавать!»

Кстати, в отличие от Горбачева у меня не было принципиальных возражений против требований российского руководства. Если уж создана своя телерадиокомпания, то она должна иметь и свое радио, и свое телевидение. Спор шел только по поводу сроков.

Все это вынудило меня провести специальную пресс-конференцию. Кроме того, состоялась важная встреча, на которую в мой кабинет собрались первый заместитель председателя правительства России Юрий Скоков и руководители Всероссийской телерадиокомпании Олег Попцов и Анатолий Лысенко. Юрий Скоков рассказал, как вместе с Ельциным был на приеме у Горбачева и Борис Николаевич потребовал передать России второй общесоюзный телеканал. Горбачев якобы не возражал и даже заметил: «Хорошо, я Кравченко дам на этот счет указание. Странно – что он там дурака валяет?»

В ответ я вынужден был признаться, что мне как раз Горбачев дает противоположные указания. Но дело в конце концов не в этом.

– Скажите точно, когда российская телекомпания готова будет реально начать вещание на канале? – спросил я своих собеседников.

После короткой дискуссии пришли к выводу, что к 14 мая они успеют открыть вещание, запустив для начала информационную программу «Вести». А ведь разговор проходил в марте. И тут я не выдержал:

– Впереди еще уйма времени. Значит, вы не готовы пока к эфиру. Но почему же меня травят уже больше двух месяцев? Я согласен подписать договор об открытии российского телеканала с 14 мая, но тайно, без ведома Горбачева. Однако прошу – помогите остановить кампанию клеветы на меня. Иначе мне придется выступить по телевидению и объявить, что дело вовсе не во мне…

Гости были солидарны со мной. Однако ничего не изменилось, клеветники не унимались. Утешала только одна

мысль: они ведь не со мной воюют. Стреляют по мне, но целятся в Горбачева и конечно же хотят освободить пост председателя Гостелерадио для своего человека. Кстати, позднее в ходе ново-огаревских консультаций Ельцин и Назарбаев даже выдвинули в качестве одного из условий подписания договора снятие Кравченко с поста председателя Гостелерадио СССР.

Создать собственный телеканал – дело архисложное. Для того чтобы новую газету открыть и запустить, понадобится полгода. А канал – это огромные средства, техническая база, помещения, кадры, спутники, линии связи, передатчики, а значит, и другие сроки для подготовительной работы. У самих россиян не было на все это времени. Поэтому тактику российские власти избрали простую: все, что необходимо, надо отнять у Гостелерадио. Проще всего было забрать свои бюджетные деньги. Миллиард рублей мы отдали без дискуссий. Но вот на поиски помещений, закупку и монтаж технического оборудования, набор специалистов и журналистов требовались месяцы. И тогда у Ельцина и российского правительства возникла идея – немедленно забрать второй общесоюзный канал. С ходу, с налету сотворить такое чудо можно было разве что в сказочном сне. Но ведь очень хотелось! И тогда началась мощная пропагандистская кампания, в которой не брезговали никакими средствами.

И последний эпизод той весны. Как и предполагалось, в середине мая открылось Российское телевидение. И оно сразу же обрушилось с критикой на Горбачева. А 18 мая началась блицкампания по выборам президента России. Ведь через три недели Ельцина уже объявят президентом Российской Федерации. И все эти три недели телевидение и радио России яростно защищали Ельцина и весь свой «праведный» гнев обрушили на его соперников в предвыборной борьбе.

Где-то в 20-х числах мая мне позвонил крайне недовольный Горбачев и спросил: «Кто разрешил выходить в эфир этому жуткому телевидению?» Я ответил: «Разрешение мое. Есть договор на этот счет, и, насколько мне известно, вы, Михаил Сергеевич, тоже обещали Ельцину открыть их телевидение». Он лишь резко заметил: «Что, ты не мог проволынить с открытием их телевидения хотя бы месяц, чтобы не давать во время предвыборной кампании в руки Ельцина такой мощный инструмент?» В ответ я только отшутился: «Договор, Михаил Сергеевич, дороже власти».

Теперь я иногда думаю, почему Борис Ельцин так ни разу и не поблагодарил меня за тот поступок?

А вообще я много раз поражался умению Горбачева маневрировать, «находить консенсус» в самых, казалось бы,

сложных ситуациях. Уже после победы Бориса Ельцина на президентских выборах состоялся пленум ЦК КПСС. Дискуссия была жесткой, и потому подготовка решения пленума представлялась непростой задачей. В комиссию по подготовке проекта документа выбрали и меня. И вот тут в кулуарах член политбюро Александр Дзасохов подошел ко мне и предупредил, что в конце пленума будет раздел «Разное».

– Это не что иное, – пояснил он, – как избрание Леонида Кравченко членом политбюро, секретарем ЦК по идеологии для курирования средств информации.

Сообщение Дзасохова меня просто ошарашило.

– Но ведь уже есть два члена политбюро по идеологии, – возразил я. – Это вы, Александр Сергеевич, и Петр Лучинский. Зачем же третий?

– Да я, похоже, уйду на международную стезю, – признался Дзасохов.

В ту же минуту, воспользовавшись перерывом на пленуме, я зашел в кабинет Горбачева.

– Что же получается, Михаил Сергеевич, меня хотят двинуть в секретари ЦК, а вы меня не предупредили? Я возражаю. Мое призвание – журналистика, а не партийная работа. Если нужно освободить пост руководителя телевидения и радиовещания, я готов это сделать без всякой партийной карьеры.

Каково же было мое удивление, когда Горбачев сказал:

– Ну, если не хочешь – не надо… Раздела «Разное» на пленуме не будет.

Таков непредсказуемый Михаил Горбачев. И в этом я еще раз убедился в августе 1991 года.

Но еще до этого пленума состоялось событие, которое открывает многое, связанное с отношением Горбачева к партии и предстоящему пленуму.

Мне довелось весной 1991 года быть в составе официальной делегации во главе с президентом, направленной на переговоры в Японию и Южную Корею.

В Москву мы возвращались через Южную Корею и на одни сутки задержались для переговоров с президентом Южной Кореи Ро Деу. А потом был восьмичасовой перелет в Москву.

В какой-то момент после взлета Михаил Сергеевич вместе с Раисой Максимовной позвали нас в свой гостевой салон. Это некая просторная гостиная, насколько позволяли размеры самолета. В гостиной овальный стол, за который могло сесть не более восьми человек. Стол был празднично накрыт. Хорошая закуска, замечательный армянский коньяк.

Горбачев поделился своими впечатлениями о поездке, оценил

итоги переговоров и вдруг затеял разговор о предстоящем пленуме ЦК, о том, что пленум ждет с тревогой. «Мне вообще эти пленумы осточертели», – вдруг откровенно признался он. Но потом каждого из нас попросил высказаться о возможных решениях, внести предложения по предстоящей дискуссии. Среди приглашенных были А. Яковлев, Н. Бессмертных, отец Пимен, А. Вольский, пресс-секретарь президента В. Игнатенко и некоторые другие. Каждый из нас что-то предложил.

Пришлось высказаться и мне. Но тут чуть захмелевшая Раиса Максимовна, положив руку мне на плечо, неожиданно вмешалась в разговор: «Михаил Сергеевич, о чем ты советуешься? Тут сидят в большинстве своем люди, которые уже предали тебя… Разве что отец Пимен да Кравченко остаются на твоей стороне», – съязвила она.

Горбачев резко отреагировал на это неожиданное замечание Раисы Максимовны, одернул ее, и на том обсуждение закончилось. Возникла некоторая неловкость. Кое-как попили чайку и, извинившись, разошлись по своим салонам. А в памяти моей до сих пор стоит эта сцена, где самым откровенным человеком оказалась Раиса Максимовна, нечаянно перенесшая семейные кадровые разговоры в «воздушное пространство». Стало ясно и другое: в семье Горбачевых уже всерьез обсуждалась тема заговора против него и возможного его смещения через пленум ЦК.

По возвращении в Москву накануне пленума ЦК состоялся секретариат ЦК. Обсуждались разные текущие вопросы. Среди них почему-то встал вопрос о развитии библиотечного дела. Отчитывался министр Николай Губенко. Он говорил поначалу скучно, отчитываясь о скучном деле. А потом неожиданно взорвался: «Не пойму, почему в такое горячее политическое лето мы решили заняться библиотеками? Ведь мощные оппозиционные силы стремятся свергнуть существующую власть. Скажу больше: уже готовятся расставить под Москвой столбы, как во время Спартака, где подвесят всех нас – членов ЦК». И он обвел всех в зале руками с явной иронией.

Возникло замешательство. Но в этот момент из приемной выглянула дежурный секретарь и громко объявила: «Михаил Сергеевич просит к телефону Кравченко». Я вышел и взял правительственную трубку.

– Леонид, здравствуй. Ты мне срочно нужен. Хватит штаны протирать на этом пустом заседании.

Мне пришлось покинуть заседание секретариата ЦК и ехать к президенту. Про себя подумал: «Горбачев уже в грош не ставит ЦК».

Тем временем в Верховном Совете СССР взорвалась еще одна «бомба». Депутатская группа «Союз» каким-то образом установила, что тайно еще полгода назад при участии Шеварднадзе и Яковлева удалось договориться с США о передаче им нашего большого морского шельфа. Он начинался от Берингова пролива и простирался на юг на сотни километров. Вопрос бурно обсуждался, но ответа так и не получили: что это – всего лишь намерение или состоявшаяся акция? Прошли годы, но, как утверждают специалисты, эта акция, не оформленная государственными актами, все же осуществилась.

Глава 25
Некоторые штрихи к портрету Горбачева

Придя к власти, Горбачев быстро понял, что телевидение – мощнейший инструмент воздействия на умы и сердца людей. Он не раз потом говорил, насколько сильным, при правильном использовании, может быть влияние телевидения на общественное мнение. Например, если нужно найти упреждающие решения при проведении каких-то непопулярных мер, выступление по телевидению с разъяснением позиции, сути экономических и политических акций давало немалый эффект.

И мы никогда ему не препятствовали в этом. От одного всегда пытались уберечь: его выступления не должны быть затянутыми, превращаться в доклады, а должны передаваться по телевидению в изложении, независимо от того, где и в связи с чем он выступал.

Я вспоминаю один очень трудный случай – а их было немало, – когда нужно было подготовить репортаж с выступлением Горбачева на всесоюзном совещании руководителей крупнейших предприятий страны. Это было двухдневное совещание, организатором выступил Промышленный союз, а открывал его лидер промышленников, небезызвестный Тизяков, ставший потом членом ГКЧП. Участники совещания очень настаивали на присутствии Горбачева, на его выступлении. Звучало много критики в адрес президента, ему пеняли на то, что в стране утрачивается управление, разорваны экономические и хозяйственные связи.

Довольно жестко ставился вопрос о том, что в стране игнорируется главный товаропроизводитель – предприятие. В рыночных условиях, говорили выступавшие, необходимо использовать различные формы собственности, пора кончать с командованием из центра. Госпланы теперь не помогут, нужно побольше предприимчивости, инициативы, доверия к самим предприятиям. Но в условиях, когда расстроились связи, когда границы суверенных республик стали полузакрытыми, когда предприятия стали откровенно срывать поставки только потому, что продукция уходила в другую республику, другую страну, а значит, устанавливались таможенные барьеры в едином когда-то экономическом пространстве, все эти конструктивные идеи встречали массу препятствий.

В этих условиях и проходило совещание. Большинство ораторов в резкой форме оценивали ситуацию. Они требовали наведения элементарного порядка. Поскольку Горбачеву очень сильно доставалось в ходе этого совещания, он с большой неохотой отправился туда. Выступил, но очень неудачно. Не сдержался, «завелся», вступил в перепалку с залом. Поэтому в целом защищал свою позицию неаргументированно. Речь прерывалась топотом ног в зале и даже захлопыванием. В итоге, когда готовили телевизионный вариант, это оказалось задачей архисложной. Я сам этим занимался, редактировал, участвовал в монтаже. В конце концов получился вполне сносный телевизионный репортаж.

Помню, позвонил Горбачев и сказал: «Леонид, как ты умудрился сделать таким стройным и убедительным мое выступление? По-честному, я провалился, не зря есть примета: не хочешь – не делай. Меня Раиса Максимовна отговаривала идти к этим командирам производства. Но рассудил – уклоняться нельзя. Но видишь – примета подтвердилась. А ты молодец». В ответ я признался, что собрал его выступление из разных фрагментов.

Я близко был знаком с той обстановкой, в которой работал Михаил Сергеевич Горбачев, и с теми, кто его окружал. Хорошо знал его помощников, секретариат, руководителя охраны генерала Владимира Медведева, который всегда, как тень, был рядом с президентом. Мы даже по-хорошему, по-товарищески с ним дружили. Знал коменданта Кремля, основных охранников. Каждая запись телевизионного выступления Горбачева или встреча у него в кабинете означали, что я так или иначе с кем-то из этих людей предварительно общался. Долгое время свободно проходил без всякого досмотра. Только позднее для всех было установлено специальное приспособление в коридорах, недалеко от кабинета президента, через которое, как через турникет, проходили для досмотра. В приемной Горбачева всегда был не только кто-то из секретариата, но нередко и представители службы безопасности.

В кабинете за спиной Михаила Сергеевича был флаг Советского Союза. Почти всегда на столе рядом лежал кейс. По левую руку отдельно стоял не очень современный по нынешним стандартам крупногабаритный пульт телефонов прямой связи.

Он всегда был аккуратен, не любил, чтобы его стол был завален какими-то документами, самое необходимое держал под руками. Я не раз убеждался, что разговаривал он у пульта стоя. Нередко Михаил Сергеевич подключал и других абонентов, мог выходить на другой город и подключать какую-то

республиканскую столицу, чтобы поговорить с руководством этой республики и вместе с тем разговаривать с московским абонентом, таким образом совместно обсуждая проблему. Связь у него была налажена безукоризненно.

Я не привлекался к подготовке каких-либо документов специально для президента, но время от времени после телевизионных записей он мог сказать: «Леонид, зайди». Я заходил, и он давал указания, рекомендации, советовался или просто исповедовался. Это было для него важно, как мне кажется, для самопроверки.

У Горбачева была такая черта в характере: он нередко проверял различные варианты, взгляды, подходы, оценки на людях, не высказывая своей точки зрения окончательно. Некая разведка боем. Он выслушивал твои аргументы, но ничего не говорил сам о предмете разговора. Иногда вроде бы что-то внушал собеседникам, но и их слышал тоже. Нередко сам произносил длинные монологи. Те, кто считал, что Горбачев любит больше говорить, чем слушать, на мой взгляд, обманывались в своих впечатлениях. Ему достаточно было просто видеть глаза людей, их реакцию, чтобы понять, каково истинное отношение к нему и к тому, что он высказывает. Ему всякий раз хотелось прокатать, прозондировать общественное мнение по тому или иному вопросу в тесном общении с людьми. Я не исключаю, что в разговорах со мной он рассчитывал на дополнительную информацию, которой я мог располагать как руководитель средств массовой информации, опираясь на письма, реакцию простых людей или некоторые социологические исследования. Он к этому прислушивался и очень дорожил таким мнением.

Большинство его костюмов не выделялись какой-то вычурностью, особой модностью. В этом отношении он сохранял образ человека, не обращающего на себя внимания чисто внешними эффектами в одежде. Я даже думаю, что ему не всегда хватало вкуса, что, впрочем, никогда не мешало выглядеть современно одетым, элегантным, подтянутым. Были даже два случая, когда, при записи его телевизионных выступлений, я давал ему собственные галстуки, которые лучше подходили к костюму с учетом цветного телевидения. Он к этому относился спокойно.

Как и у многих людей, которым приходится часто выступать, у Горбачева пересыхало горло, поэтому на всех записях его выступлений чашечка чаю или кофе с молоком стала постоянным атрибутом.

Горбачев никогда не пользовался телесуфлером.

И это было необычно, поскольку телесуфлером пользуются в большинстве случаев при своих официальных выступлениях, заявлениях многие высшие государственные деятели.

А начиналось это еще в 1985 году именно с попыток потренировать Горбачева на телесуфлерах. После нескольких проб он заявил, что «эта забава» не для него. Тогда мы придумали другой вариант. На двух планшетах большими буквами предварительно записывали его тексты. Сначала надо читать на одном планшете, потом продолжение следовало на другом и далее с возвращением на первый – второй – до конца текста.

Планшеты устанавливали на стульях, а в качестве помощников режиссера, которые попеременно снимали планшеты, выступали зав. международным отделом ЦК КПСС Леонид Замятин (затем он станет послом в Англии) и ваш покорный слуга – Леонид Кравченко. Планшеты высокие – до полуметра. И, конечно, Горбачеву приходилось глазами прочитывать строчки текста сверху вниз. Поэтому было заметно по глазам, что он то поднимает их, то опускает.

Вообще это и в самом деле был «дедовский» вариант, который уже после первой передачи Горбачев забраковал. Наконец придумали самый простой. На столе устанавливали подставку, подобно тем, что используются для настольных календарей. На ней размещались четвертинки текстов. При выступлении сам Горбачев легким движением снимал поочередно эти тексты, слегка заглядывая в них.

Михаилу Сергеевичу очень помогала его великолепная память, поэтому тексты своих обращений, заявлений он знал почти наизусть.

Я практически на всех записях бывал рядом. Но у меня была и еще одна необычная функция. Горбачев никак не мог привыкнуть к тому, что ему приходится обращаться не к людям, а к телевизионным камерам, за которыми стоят безмолвные телеоператоры, ему хотелось видеть чьи-то глаза, живую реакцию на выступление. И тогда он однажды попросил меня: «Леонид, попробуй, пожалуйста, расположиться между камерами на стуле, а я вроде как буду обращаться к тебе. – Потом, улыбнувшись, добавил: – Ты у меня будешь олицетворять советский народ». Он таким образом видел мою живую реакцию на его телевизионное выступление.

Обычно Горбачев репетировал, и мы делали пробные записи. А потом еще раз он смотрел текст, приглашал и меня посмотреть, чтобы язык был более разговорным, образным, без всяких канцеляризмов.

Обычно проводили еще один-два дубля. А потом я слышал от

него приглашение: «Давай вместе посмотрим тут же, и, если что не так, из двух-трех записей сделаете как надо».

Я всегда посылал кассеты с записями выступлений фельдпочтой Горбачеву домой еще до эфира. Но бывали случаи просто драматические – вдруг ему все-таки запись не нравилась. Тогда следует от него звонок, обычно уже поздно вечером: «Леонид, запись мне не понравилась. Текст надо улучшать. Давай утром перезапишем».

Что такое перезапись утром, надо только себе представить! Это означало для меня найти по телефону правительственной связи коменданта Кремля, начальника службы безопасности президента, представить им списки всех наших работников, кто будет на съемке задействован, а это две машины передвижной телевизионной станции, инженеры, техники, операторы, осветители, гример, главный режиссер службы информации, директор телецентра и я. Всего не менее 20 человек. Как правило, все эти люди входили в число тех, кто имел доступ высшей степени, все проверенные. Все-таки мы рядом находились и бок о бок работали на съемках с самим президентом.

Уже в 6.30 утра машины и все инженеры и техники были в Кремле, где проходили телезаписи. Ночь для меня почти бессонная, но ничего не поделаешь. И откладывать перезапись некуда, ведь завтра уже эфир!

В отношениях с телевизионщиками Михаил Сергеевич был всегда внимателен. Заботился, чтобы всех и чайком, и сладостями угостили. Особенно он приветлив был по отношению к нашей девушке-гримеру, действительно очаровательному существу и прекрасному профессионалу.

Бывало, что начало съемки откладывалось на час, а то и два. Возникали непредвиденные обстоятельства, неотложные дела, встречи у Горбачева. Перед нами он всегда извинялся. Заранее сообщал, сколько примерно продлится ожидание.

Трудно даже подсчитать, сколько таких съемок в Кремле и личных встреч состоялось у меня с Горбачевым. Одна из них запомнилась особенно. В 1991 году отмечалось 60-летие Горбачева. Все было обставлено чрезвычайно скромно. По этому поводу не было никаких официальных сообщений. Мне стало известно о том, что готовится фотосъемка, и Виталий Игнатенко, его пресс-помощник, предупредил, что, возможно, будет и телевизионная съемка, и в этой связи необходима телевизионная творческая группа. Я решил на всякий случай тоже присутствовать и поздравить юбиляра. Захватил с собой секретно снимавшийся в разное время сугубо биографический телефильм о Горбачеве. Это многолетние наблюдения, начатые

телевизионными журналистами, земляками Михаила Сергеевича, еще на Ставрополье. И я оказался в приемной в тот момент, когда высшие политические руководители страны приехали его поздравить.

Мне удалось зайти к Михаилу Сергеевичу, поздравить и передать видеокассету. Он сказал, что сегодня никакой телевизионной съемки быть не должно. Мне показалось, он даже голос повысил, чего никогда не делал. Он уже был обеспокоен тем обстоятельством, что в стране нарастало недовольство, популярность его снижалась, и оценивал это достаточно трезво, реально.

Потом Михаил Сергеевич пригласил меня в другое помещение, где был накрыт стол, за которым собрался чрезвычайно узкий круг руководителей. По сути, там собрались люди, которые через пять месяцев вошли в состав ГКЧП. На столе была закуска в очень ограниченном ассортименте, и, помнится, все выпили по три рюмки, поздравили Михаила Сергеевича, пожелали доброго здоровья ему, Раисе Максимовне, матери. Он расчувствовался, сказал, что надо бы к матушке заехать, навестить. Вспомнил родителей, которые, слава богу, наделили его хорошим здоровьем, иначе не выдержал бы всех нагрузок. Благодарил товарищей за то, что тепло отнеслись. Все продолжалось не более тридцати – сорока минут. Меня поразила чрезвычайная скромность, с которой был отмечен юбилей. Причем это не было какой-то показухой, игрой на публику. Все было просто, естественно, по-дружески.

Мне довелось быть в двух поездках с Горбачевым в качестве члена делегации. Первая – в Японию, во время официального визита президента СССР, который долго-долго откладывался, потому что нельзя было ожидать каких-то реальных успехов, ибо японская сторона рассчитывала исключительно на решение вопроса северных территорий, а Горбачев не имел права давать какие-то обещания. Тем более что до этого Ельцин успел жестко высказаться на эту тему. Конечно, приятно было дважды побывать на приемах в императорском дворце, встретиться с руководителями средств информации Японии, но главное – переговоры. В ходе этих переговоров Горбачев проявил себя незаурядным мастером дипломатической игры. Это были полные драматизма многочисленные раунды баталий сверх всяких лимитов. Кайфу, тогдашний премьер-министр Японии, чувствовал себя еще школяром и откровенно терялся на переговорах.

И вторая интереснейшая поездка с Горбачевым – в Лондон на встречу «Большой семерки». Там наша исходная позиция была

чрезвычайно уязвима: страну охватил кризис, мы остро нуждались в финансовой помощи. Но зарубежным партнерам было не ясно, с кем им предстоит иметь дело: с Советским Союзом или с отдельными государствами, которые создаются на территории некогда великой державы. Чувствовались настороженность лидеров «Большой семерки», их неверие в то, что деньги, которые они выделят, будут с толком потрачены. И тем не менее Горбачев находил самые малые резервы для того, чтобы отстаивать свою позицию, укреплять доверие и к нему лично, и к тем обещаниям, которые он давал от имени страны. Он, несомненно, добился успеха в глазах международного общественного мнения, в глазах «Большой семерки», хотя к этому времени у нас в стране уже сформировалась мощная оппозиция, которая стремилась принизить результаты этих переговоров.

Наиболее ярко иллюстрирует эту ситуацию факт присуждения Горбачеву Нобелевской премии мира. Международное сообщество высоко оценило вклад Михаила Сергеевича в стабилизацию международной ситуации, а мощная внутренняя оппозиция встретила это известие в штыки.

Мне довелось быть одним из официальных свидетелей акта передачи Горбачеву Нобелевской премии. Я рассматривал это как еще одно проявление большого доверия ко мне с его стороны. При встречах и разговорах с ним я видел и убеждался в том, что могу и дальше быть уверенным: остаюсь человеком из команды Горбачева и он мне доверяет.

Однако ситуация в стране продолжала обостряться.

Я был на одном из последних раундов переговоров с Кайфу, когда тот буквально умолял Горбачева пойти на небольшие уступки в вопросе о северных территориях, то есть тех самых Курильских островах, вокруг которых десятилетиями у нас идут переговоры с Японией. Дошло до того, что японский лидер прослезился и просил, чтобы в текстовой записи итогового документа о переговорах выражалась надежда на дальнейшее урегулирование спорного вопроса. На такую запись Горбачев согласился, и это выглядело успехом для Кайфу.

Нас везде горячо приветствовали во время краткосрочной поездки.

Мне довелось в те дни встретиться с министром иностранных дел Японии, вместе официально поужинали с господином Таро Накаямой. Он говорил о трех вариантах развития отношений Японии с нашей страной. «Они могут оставаться такими, как есть, могут ухудшиться, но могут и улучшиться», – сказал мне тогда японский министр. Он подарил мне на память часы с интересным циферблатом, где вместе с его именем изображена была Япония.

Но, присмотревшись внимательно, я обнаружил, что на часах эта маленькая страна географически расширилась: там Курильские острова уже значились в составе Японии. Я не удержался, спросил: «Господин Накаяма, а почему на ваших часах Курилы уже японские?» Он улыбнулся и очень учтиво заметил: «И я, и вы, господин Кравченко, являемся профессиональными пропагандистами. Считайте, что мои часы, мой подарок, – это часть пропагандистской деятельности».

Уже около двадцати лет я ношу эти часы и поражаюсь их высочайшему качеству. Они идут секунда в секунду, отмеряя годы надежд японцев на возвращение себе четырех островов. Но переговоров с тех горбачевских пор было множество, ничего существенного не происходит, и лишь однажды Борис Ельцин чуть было не позволил преподнести царский подарок японцам в виде некоторых островов. Но он все-таки вовремя протрезвел тогда, и все вернулось на круги своя.

Я еще не раз, находясь в составе делегаций вместе с Горбачевым, удивлялся и радовался его таланту вести дипломатичные переговоры. И тем не менее хорошо известно, что ему во многих других случаях не хватило твердости отстаивать наши государственные интересы. Примеров немало, о некоторых я расскажу ниже. Но почему же так происходило? В мучительных поисках ответов однажды я пришел в принципе к простым выводам, которые в истории случались даже с великими государственными деятелями. У каждого из них, и конкретно у Горбачева, нередко не хватало политической воли. И парализовалась она всякий раз, когда нужно было делать трудный выбор между личным и государственным интересами. Если ты державник до мозга костей, то тогда твое личное, сокровенное, твоя вселенская популярность должны уйти в тень. Ты приносишь их в жертву ради высших интересов державы. Но если ты так высоко вознесся в своей мировой популярности, если «гласность и перестройка» на всех языках звучат без перевода, если становишься «Человеком года», «Лучшим немцем года», нобелевским лауреатом, а твоей державе все труднее жить, и ты дрогнул, уступил и даже жертвуешь национальными интересами, то это уже великая драма, трагедия личности. Так именно история распорядилась Горбачевым. Ему не хватило мужества политической воли, твердости характера в противостоянии с Ельциным, а дипломатические тонкие игры и ухищрения, в которые втянули и народ, и страну, и партию, принесенную в итоге в жертву, – все это не помогло Горбачеву победить. Его приговорят заговорщики в Беловежской Пуще к «увольнению по сокращению штатов». Так это обычно делается в организациях,

где, избавляясь от какого-то руководителя, проводят сокращение структурных подразделений вместе с их руководителями. Так поступят с великой державой СССР, проведя структурную реорганизацию, подвыпившие сидельцы в Беловежской Пуще. Они утвердят «новое штатное расписание», где не будет ни СССР, ни, естественно, его президента. Правда, позднее их история тоже выкинет на свалку, а вот потерянную великую страну очень жалко…

Непростые вопросы возникали у международных обозревателей, когда после некоторых зарубежных поездок М. Горбачева в бывшие соцстраны Восточной Европы там сразу же возникали «бархатные» революции. А вот визиты в Румынию и КНР вызвали даже трагические последствия. В Бухаресте свергли Чаушеску и вместе с женой расстреляли и бросили в одном из грязных дворов.

В Пекине на центральной площади Тяньаньмэнь тоже пролилась кровь десятков людей, когда власти жестоко подавили массовое выступление оппозиции. Китай – это не Румыния. Там уже успели извлечь уроки и своевременно приняли защитные меры от насильственного введения «демократии». Больше того, в КНР спецслужбы внимательно отслеживали деятельность заговорщиков, часть из которых окажется агентами ЦРУ. Они терпеливо следили за многими персонажами, которые успели «засветить» в США и других странах скрытыми камерами и создать убедительный фильм о подрывной деятельности зарубежной агентуры и втянутых в заговор китайцев. Когда же случилась трагедия в Пекине, китайское телевидение показало сенсационный фильм, где китайские телезрители увидели и ряд персонажей из числа своих соотечественников, подстрекавших население на восстание. Их арестовали, а в США поднялась великая шумиха о «нарушениях прав человека», подавлении «демократии». Угрожали даже разрывом дипломатических отношений. Но руководство КНР проявило твердость и уберегло огромную страну от страшных катаклизмов. Пройдет немало времени, и с Китаем опять будут считаться как с великой державой. Это прекрасный урок!

У нас в СССР вольготно чувствовали себя в те времена многочисленные агенты влияния. Позднее они будут, в 90-х годах, рулить нашей внешней политикой. Господа Козыревы через многочисленные уступки предадут наши национальные интересы.

Но ведь начиналось это при Горбачеве, у которого даже в самом близком окружении оказались опасные «поводыри». А надо учесть, что происходило это в резком противостоянии с командой Ельцина, откровенно поддержанной в западных странах. Само

противостояние было губительным для СССР, для его экономики, для его народа. А тут вокруг появились сотни иностранных советников по развитию «демократических» процессов в России, реформированию ее экономики. Позднее их станут тысячи – советников и консультантов по приватизации и т. п.

Вот что не смог Горбачев вовремя оценить как великую угрозу извне, осуществлявшуюся под одобрительные приветствия наших демократических преобразований в условиях, повторяю, обострявшихся отношений между Горбачевым и Ельциным.

Глава 26
Я был телевизионным камикадзе

Август считается месяцем приятным во всех отношениях – месяцем отпусков. По традиции именно в начале августа всегда уходили в отпуск наши политические лидеры. И на этот раз лучший летний месяц года не стал исключением. Президент СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев отправился на отдых в Форос. Одновременно уехали на юг многие министры и руководители ведущих государственных средств информации. Собрался в отпуск и я, но Горбачев обязал меня остаться в Москве и готовить телевидение и радио к важнейшему событию года – подписанию ново-огаревского договора.

А теперь вернемся к началу месяца. Уже 8 августа я должен был отправиться в Ленинград и присутствовать на важнейшей церемонии подписания протокола о проведении Игр доброй воли. Подписать договор, скрепить его своими подписями должны были председатель Спорткомитета СССР Николай Русак, мэр города Анатолий Собчак и я. Кроме нас в торжественной церемонии подписания документа участвовали высокопоставленные представители американской телевизионной компании Си-эн-эн. Ее возглавлял известный американский бизнесмен Тернер, который был в свое время инициатором проведения этих соревнований.

9 августа во время обеда в ленинградской гостинице «Смольнинская» меня нашел по телефону из Фороса Михаил Горбачев. Поздоровавшись, он спросил:

– Что ты, Леонид, скрылся в Ленинграде?

Я рассказал ему о своей миссии, и тогда он попросил:

– Возвращайся срочно в Москву и завтра же позвони мне по правительственной связи. По городскому телефону говорить не могу.

На следующий день уже из своего кабинета я связался по спецсвязи с Горбачевым. Он сказал:

– В Москве да и в стране неспокойно. Ты это сам знаешь. Все свои надежды я связываю с подписанием ново-огаревского договора. Если не получится, страна развалится. День подписания – 20 августа. Время подписания – с 12 до 16 часов. Продумай, Леонид, сценарий прямой трансляции этой торжественной церемонии. Вернусь в Москву – будь готов доложить.

У меня был встречный вопрос к Горбачеву. Дело в том, что утром из Алма-Аты позвонили телевизионщики и от имени

Назарбаева попросили организовать телевизионный мост Красная площадь – Алма-Ата. Речь шла о том, что 12 августа в столицу Казахстана съезжаются лидеры союзных республик, хорошо бы посвятить этому событию телемост с показом выступлений фольклорных ансамблей на Красной площади. Я спросил своих казахстанских коллег:

– Эта встреча лидеров имеет межреспубликанский характер или она пройдет с участием Горбачева? Ведь он же на отдыхе в Форосе…

В ответ услышал:

– О присутствии Михаила Сергеевича нам ничего не известно.

В телефонном разговоре с Горбачевым я пересказал, что знаю о встрече в Алма-Ате. Поинтересовался:

– Михаил Сергеевич, вы-то поедете в Алма-Ату? Если да, тогда я возьмусь за организацию.

Горбачев возмутился:

– Надо же, за моей спиной о чем-то сговариваются. Нет, я это дело поломаю… – Он редко ругался матом, но на этот раз выругался.

Мне в который раз стало ясно: дворцовые интриги продолжаются. В ходе ново-огаревских переговоров лидеры России, Украины, Белоруссии и Казахстана уже вели тайные консультации без ведома президента СССР. И вот продолжение следует? Нет, новая встреча не состоялась. Видимо, Горбачев решительно вмешался.

Но Борис Ельцин свою поездку в Алма-Ату не отменил. Он только перенес ее сроки и побывал в гостях у Назарбаева в самый канун путча. 18 августа после хлебосольных встреч Ельцина «погрузили» в самолет, и он вернулся в Москву. На московской даче Ельцина застолье затянулось до ночи, так что его пробуждение утром после сообщения по телевидению и радио о ГКЧП оказалось вдвойне тяжелым. Тем не менее, по свидетельству осведомленных источников, Ельцин и его окружение около семи утра на машинах примчались в Белый дом и, к своему удивлению, обнаружили, что все телефоны работают и никто не пытается их арестовать.

Разговор с Горбачевым обернулся для меня срывом важной поездки в Англию, где с 17 по 20 августа проводилась встреча журналистов Восток – Запад. С нашей стороны вместе со мной в ней должны были участвовать популярные тележурналисты Познер, Молчанов, Невзоров, а также Старовойтова. Но куда же ехать, если велено готовить такую важную телетрансляцию?! Пришлось отказаться, однако еще в субботу, 17 августа, я дал пространное интервью известному английскому журналисту. Он

пообещал показать это телеинтервью на форуме в Эдинбурге на большом экране в зале заседаний в качестве моего официального выступления. Что, кстати, и было сделано.

А накануне, в пятницу, я имел разговор с руководителем аппарата президента СССР Валерием Болдиным. Мы с ним определились относительно телевизионного показа торжественной процедуры подписания Союзного договора, намеченной на 20-е число. Партитура торжественной церемонии предусматривала вступительное слово президента СССР, а затем в ходе подписания договора предполагались выступления лидеров шести союзных республик, которые первыми ставили свои подписи под документом. Все остальное время отводилось процедуре подписания документа. Все это монотонное действие смотреть в течение четырех часов было бы невыносимо. Поэтому я внес такое предложение: мы передаем речи основных действующих лиц, в том числе и заключительное слово Горбачева, а в моменты подписания договора выходим из зала на показ документальных фильмов, фрагментов музыкальных программ тех республик, руководители которых в этот момент ставят свои подписи. Хотелось создать образ Союза, показать, что мы остаемся в единой семье народов с идеей сохранения единого экономического, культурного и духовного пространства.

Болдин согласился с моими доводами и сказал, что 19 августа Горбачев прилетит в Москву и вечером в его кабинете мы окончательно согласуем телевизионный сценарий. На том и порешили. Но, как показали дальнейшие события, в жизни уже писался другой сценарий. Утром в субботу Болдин в составе группы руководителей страны улетел в Форос для переговоров с Горбачевым.

Об этой драматической встрече много сказано-пересказано. Я убежден в одном: близкие сподвижники президента улетели к нему для согласования одного из проектов введения чрезвычайного положения. Надо было заручиться его поддержкой, хотя бы устной.

Какие основания так считать? Ну, во-первых, об этом свидетельствуют в своих признаниях сами высокопоставленные визитеры в Форос. Им можно поверить хотя бы по той причине, что еще весной 1991 года Горбачев поручил Павлову, Пуго, Крючкову, Янаеву и Язову готовить предложения по введению чрезвычайного положения. Чем это было вызвано? Тем, что Россия, по существу, объявила банкротом Советский Союз: отказ платить в федеральный бюджет основную часть российских налоговых сборов, признание верховенства Конституции РСФСР и российских законов над федеральными, бойкот любых

постановлений союзного правительства, если они касаются России, и т. и. Вся обстановка в СССР стала неуправляемой. Есть президент, есть премьер, есть союзное правительство, но их никто уже не слушается. Прибалтика и другие республики готовы покинуть СССР. Вот потому загнанный в угол Горбачев и дал поручение относительно введения чрезвычайного положения.

Признаться, я только позднее узнал, что было разработано четыре варианта введения чрезвычайного положения. Когда с ними познакомили Горбачева, он сказал: «Хорошо. Пусть пока полежат». И документы, которые готовились заранее, должны были снова всплыть в Форосе.

До сих пор с содроганием вспоминаю ночь с 18 на 19 августа 1991 года. Сотрудники КГБ вывезли меня с государственной дачи в Жуковке и доставили на Старую площадь к зданию ЦК КПСС. Но прежде был телефонный звонок примерно в час ночи. Звонил секретарь ЦК Манаенков.

– Леонид Петрович, – сказал он, – нам срочно надо встретиться. Дело крайне важное.

Я попробовал поартачиться, мол, нельзя ли подождать до утра?

– Нет, – твердо возразил Манаенков, – когда вы приедете к нам, поймете, что дело не терпит отлагательств.

…В кабинете Манаенкова был еще первый секретарь Московского горкома партии Прокофьев. Без особых предисловий мне был показан для ознакомления документ, точнее, его проект, которым объявлялось о создании ГКЧП. В порядке комментария было сказано, что готовится введение чрезвычайного положения. Но пока не ясно, то ли в стране, то ли в Москве и Ленинграде. Манаенков разъяснил, что основные документы еще в работе и их надо будет забрать после четырех утра у Олега Шенина, который замещал Горбачева на посту генсека.

У меня до встречи с Шениным еще было в запасе полтора часа, и я заехал предварительно на Таганку, в свою квартиру. В какой-то момент осенило: «А не посоветоваться ли мне с Горбачевым?» Как обычно, набрал соответствующий номер (у меня и дома была установлена правительственная связь), однако вызов не проходил. Мое беспокойство нарастало, с нелегким сердцем я направился к Шенину.

Он встретил меня в кабинете, но отвел для разговора подальше от своих телефонов, за стол заседаний. Без предисловий объявил: «Чрезвычайное положение введено в Москве. Вот пакет документов, которые надо с шести утра передавать по телевидению и радио». Пока я бегло просматривал бумаги, Шенин успел рассказать, что накануне представительная

делегация была у Горбачева в Форосе (он дал понять, что сам находился в составе делегации) и провела с ним острый разговор по поводу введения чрезвычайного положения. Горбачев якобы предлагал это сделать, только заручившись предварительно поддержкой Верховного Совета. Но, как Шенин дал понять, делегация настаивала на своем: вводить чрезвычайное положение немедленно. В конце концов Горбачев с гневом сказал: «Ну черт с вами, делайте. Но обязательно и в срочном порядке надо собрать Верховный Совет, чтобы все законно было».

Я не сумел прочитать все документы – времени было в обрез, но успел ознакомиться с письмом Лукьянова и указом Янаева, где было сказано, что в связи с болезнью Горбачева вице-президент берет обязанности президента на себя. У меня кошки заскребли на сердце. Что же могло быть на самом деле с Горбачевым? В тот момент только одна мысль тревожила: не произошла ли с президентом беда в результате драматических переговоров? Вспомнил также, как во время официального визита в Корею Раиса Максимовна жаловалась мне на чрезвычайную физическую и интеллектуальную перегрузку Михаила Сергеевича. На память пришли ее слова, что она боится за него, в любой час с ним может приключиться беда.

Эта тревога понемногу улеглась в тот день только после сообщения, что на специальной пресс-конференции выступит лечащий врач и все объяснит.

Из машины по телефону успел предупредить своих коллег, что все программы нужно перестроить с учетом чрезвычайного положения. К этому времени телецентр был окружен десантниками и бронетранспортерами. Поначалу меня самого в здание не пускали, не помогало даже мое депутатское удостоверение. Но вмешался сопровождавший меня офицер безопасности, он куда-то позвонил по телефону из машины – и все уладилось. Правда, обратил внимание, что Останкинская башня окружена автоматчиками, в эфирных зонах находятся усиленные наряды милиции. В мой кабинет тянули какую-то дополнительную связь. То и дело попадались на глаза незнакомые люди в гражданском. Мы стали работать в условиях захваченного телецентра.

С моей стороны указания были только программного характера. Дикторы читали документы, которые мне вручил Шенин. Хочу особо подчеркнуть, что это были заявления председателя Верховного Совета А.И. Лукьянова, указ вице-президента Г. Янаева, заявление советского руководства, подписанное Янаевым, Павловым и Баклановым. Кроме того, обращение вице-президента СССР к Генеральному секретарю ООН

и первое обращение ГКЧП к советскому народу. Другими словами, это были документы, подписанные всеми высшими руководителями страны, кроме Горбачева. И когда по прошествии времени многие пытались дать юридическую оценку того, как называть произошедшее 19 августа – государственным переворотом, путчем или как-то иначе, то надо помнить, что во главе ГКЧП стояли люди, которые имели высшую власть в стране.

Меня не раз спрашивали потом, в том числе и следователи на многочисленных допросах: не могли бы мы отказаться читать документы ГКЧП по ТВ и радио? В ответ я всякий раз подчеркивал, что выбора у нас не было. В соответствии со статьей 23 Закона о печати мы обязаны были огласить эти документы без всякой правки, поскольку они подписаны высшими должностными лицами страны. А с точки зрения профессиональной такой отказ был бы тягчайшей ошибкой.

Как это понимать: с утра в Москве введено чрезвычайное положение, а мы должны вместо документов показывать развлекательную программу «Телеутро» – так, что ли? Было бы дикостью с нашей стороны, если бы в условиях, когда захвачен телецентр, когда на этажах разместились представители трех-четырех родов войск, когда на улицы и площади столицы входили танки и вооруженные формирования, мы на ТВ и радио делали бы вид, что ничего особого не происходит. Я уж не говорю о том, что надо быть реалистами, ведь мы работали под неослабевающим контролем. Чужие люди дежурили на этажах, находились в моей приемной. У меня было ощущение – все, что происходит вокруг, о чем говорится в кабинетах, в зале заседаний, абсолютно прозрачно.

Вышло так, что именно на этот месяц выпал пик моих перегрузок. 5 августа я рассмотрел и утвердил программы телевидения и радиовещания на неделю – с 19 по 26 августа. Это всегда делалось заранее, чтобы объявленные передачи успели опубликовать не только газеты, но и журналы. Такой порядок сохранился и по сей день. И тогда, и теперь по четвергам и пятницам в печати публикуются программы телевидения на следующую неделю. И если сегодня открыть газеты за 16 и 17 августа 1991 года, то в них можно обнаружить теленеделю на 19–26 августа.

Посмотрите, каким был объявлен телевизионный день на роковой понедельник 19 августа. Вы обнаружите, что там планировался показ фильма-балета «Лебединое озеро» и нового художественного телефильма «Три ночи».

Однако вспомним: сколько же позднее было публикаций, теле– и радиопередач, в которых складывался миф, будто

Кравченко специально поставил в первый же день путча «Лебединое озеро». Полная чушь!

Как чушь и то, что на этот же день была специально спланирована премьера телефильма под красноречивым названием «Три ночи». Надо же было такому случиться, что путч длился ровно три ночи и три дня!

Моим коллегам-журналистам, столько сил потратившим на создание мифа о «Лебедином озере», куда уместнее было бы спросить, почему в день путча я так и не отменил объявленный показ «Лебединого озера». Не правда ли, интересный вопрос? Но ответ на него будет дан чуть позже.

Одной из самых крупных ошибок руководителей ГКЧП была полнейшая неспособность грамотно распорядиться и умело использовать работу государственных средств массовой информации. И прежде всего электронных – телевидения и радиовещания. Осуществлялись меры только запретительные, тогда как надо было задействовать теле– и радиоканалы для обстоятельного, а главное, доказательного разъяснения целей и задач создания ГКЧП. Вместо этого было приказано исключить из программ какой бы то ни было живой эфир, а работу второго канала дублировать с первым, чтобы российские власти не могли использовать свой канал «в подрывных целях».

Модель сдвоенного канала, когда одни и те же передачи идут одновременно по обоим общесоюзным каналам, мне была хорошо известна по печальным временам похорон генеральных секретарей ЦК. Так что все это не раз отрабатывалось в программной сетке. Принципиальным было то, что я принял решение не ломать по возможности заранее объявленную и опубликованную на предыдущей неделе программу телевизионного дня на 19 августа. А она предусматривала показ фильма-балета «Лебединое озеро» и нового телефильма «Три ночи».

Почему я так поступил? Мне совершенно не ясна была роль Горбачева в объявлении чрезвычайного положения. Хорошо зная его склонность к большим политическим маневрам и стремление никогда не «засвечиваться» при принятии рискованных и непопулярных решений, я вполне мог предполагать, что ГКЧП освящен и волей президента. С другой стороны, а вдруг он действительно тяжело болен и его фактически отстраняют от власти? Тогда мне, слывшему человеком Горбачева, просто неприлично было восставать против него.

И потом, настораживал такой факт. Ведь если всерьез было решено поставить самое мощное пропагандистское оружие – телевидение и радиовещание – под контроль ГКЧП, меня заранее

(хотя бы за сутки) ввели бы в курс дела. А тут при самых таинственных обстоятельствах вывозят ночью с государственной дачи и заговорщически сообщают сенсационную новость. Сообщают в последний час, не понимая специфики работы телевидения и радиовещания. Ведь, скажем, информационно-развлекательная передача «Телеутро» еще в десять часов вечера предыдущего дня пошла в прямом эфире на Дальний Восток (там уже было шесть утра местного времени). И через каждые два часа она повторялась в том же режиме на другие регионы страны, постепенно приближаясь к Москве, то есть в шесть утра, когда надо было выпускать «Телеутро» на центральные области России, должен был состояться пятый выход программы. Парадокс в том, что к шести утра, когда в Москве была отменена развлекательная программа «Телеутро» (какие уж тут развлечения, когда телецентр окружен бронетранспортерами и воинскими подразделениями), вся остальная страна – за Уралом, в Казахстане, Средней Азии – успела посмотреть многие программы телевизионного дня в том варианте, какой заранее объявлялся.

Ничего этого не учитывали в ГКЧП. К тому же тысячи людей, как обычно, работали ночью в Останкине на эфире. Их, кстати, утром не выпускали из телецентра, а тех, кто прибыл им на смену, не впускали, пока я не сумел снять эти кордоны.

Замечу, что в Останкине, только в телецентре, числилось около девяти тысяч работников. Присовокупите еще более трех тысяч тележурналистов – и тогда поймете, какой огромный коллектив работал круглосуточно на подготовке и выпуске передач в эфир. А ведь еще тысячи радийных работников готовили радиопередачи. Да плюс иновещание, на котором мы на 83 языках мира выпускали круглосуточно более 280 часов радиопрограмм на зарубежные страны.

Представляете, какая информационная махина была в руках государства! Но как ею распорядиться, если перед тобой ставится в последний час, да еще ночью, фантастически сложная задача о перестройке всего вещания под режим чрезвычайного положения?

Такая задача даже волшебнику не под силу, и потому я принял решение не отменять заранее объявленные теле– и радиопрограммы. Отложили только музыкально-развлекательные передачи. Вот почему мы сохранили в эфире и «Лебединое озеро», и премьеру телефильма «Три ночи», которые были объявлены в программе телевизионного дня еще на прошлой неделе.

А в течение дня 19 августа был сущий ад. Как будто вся страна навалилась на нас. Руководители республик, краев и областей еще плохо понимали, что происходит. Многие звонили мне, чтобы сориентироваться. Помню, по нескольку часов кряду я

держал в руках телефонные трубки.

Попытался сам связаться с Горбачевым. Понял: спецсвязь с ним заблокирована. Выходил на членов ГКЧП, уговаривая их выступить по телевидению и разъяснить, что же на самом деле происходит. Никто не согласился, сославшись на то, что вечером состоится пресс-конференция, вот ее и надо показать в прямом эфире. Один только Анатолий Лукьянов пообещал дать комментарий, но только на другой день. «Понимаешь, Леонид Петрович, – сказал он, – главная моя головная боль – срочно созвать Верховный Совет. На поиск их брошены наличные люди аппарата. Ведь у всех отпуска, разъехались по всему Союзу, а некоторые и за рубежом».

Многие общественные организации обращались с просьбами выступить по телевидению в поддержку ГКЧП. На телецентр прибыли более ста представителей «Трудовой Москвы», но их не пустили в здание. Руководители ряда союзных и автономных республик тоже готовы были заявить по ТВ и радио о своей готовности поддержать введение чрезвычайного положения. А некоторые даже прислали свои готовые теле-ролики. Среди них было, в частности, телеобращение Назарбаева.

По непрерывным телефонным звонкам складывалось впечатление, что большинство поддерживает ГКЧП. А вот московские власти заявили о другой позиции. Позвонил Гавриил Попов и попросил: «Мы с Лужковым вдвоем хотим выступить по телевидению и заявить протест. Дай нам такую возможность». Я горько пошутил: «Мужики, вас в телецентр не пустят, тут особый режим». – «Ну тогда пришли к нам камеру, сам приезжай, и втроем вместе выступим против», – настаивал Попов. «И меня к вам не выпустят, мы ведь работаем под контролем». – «Ну тогда черт с вами, имей в виду – больше трех дней они не продержатся, а ты упускаешь свой шанс», – только и сказал на прощание Попов.

Вечером мы транслировали пресс-конференцию руководства ГКЧП. Ее ждали с нетерпением, тем более что предполагалось выступление врача по поводу здоровья Горбачева. Однако лечащий врач не выступил. А Геннадий Янаев, который вел пресс-конференцию вместе со своими сподвижниками, объяснил, что после выздоровления президент приступит к исполнению своих обязанностей, демонстративно подчеркнув, что Горбачев – его друг и они вместе еще поработают. Отвечая на вопросы, Янаев дал отповедь одному из журналистов, который задал бестактный вопрос по поводу якобы причастности Горбачева к продаже иностранным партнерам одного из нефтегазоносных районов – Тенгизского в Казахстане. Корреспондент расценил это чуть ли не как преступление. Янаев на это заметил, что эти слова никак не

подходят к Горбачеву, что Михаил Сергеевич внес огромный вклад в перестройку.

Кстати, надо заметить, что во всех документах ГКЧП не было открытой критики Горбачева. Только в довольно мрачных тонах оценивалась сложившаяся экономическая ситуация в стране. Но ее и приукрашивать было невозможно.

В целом же пресс-конференция очень разочаровала. Печать какой-то неуверенности сквозила почти в каждом выступлении. Вечером я уехал на дачу. В программе «Время» вновь были прочитаны все документы ГКЧП. А потом последовал репортаж, сделанный Сергеем Медведевым с моего разрешения. Прозвучало выступление Ельцина. Дали мы и невнятное заявление Кравчука, украинского лидера.

Показ этих материалов вызвал резкие отклики. Как мне потом рассказывали, в редакции «Времени» телефоны просто разрывались. Звонки шли от Пуго, Шенина, других деятелей, и все резко критиковали программу. Мне тоже звонили на дачу срочно вернувшиеся из отпуска Дзасохов и Лучинский – главные идеологи в политбюро. Они потребовали моей срочной явки в ЦК для объяснений по поводу медведевского сюжета. Я отбоярился, сославшись на крайнюю усталость.

На следующий день обстановка продолжала накаляться. Несмотря на жесткий режим, многие журналисты проталкивали по телевидению и радио сюжеты с критикой ГКЧП. Все это кончилось тем, что мне позвонил один из высокопоставленных деятелей КГБ и объявил, что у нас не телевидение, а решето, нет никакого контроля, поэтому они вынуждены на эфирные материалы поставить своих людей.

По-своему он был прав. Если бы и мои заместители были единой командой, которая заранее подготовилась выступить в поддержку ГКЧП, мы бы смогли соответственно успеть перестроить весь эфир, а не транслировать «Лебединое озеро». Объявив, например, на весь день телемарафон, мы открыли бы эфир для представителей разных слоев народа в поддержку чрезвычайных мер. Устроили бы телевизионные переклички от Калининграда до Владивостока. Непрерывно работала бы в живом эфире большая студия, где, сменяя друг друга, выступали политики, рабочие, ученые, деятели культуры в поддержку чрезвычайных мер. То есть могли бы создать картину всеобщей поддержки. Иными словами, если бы ТВ и радио оказались в руках людей, решивших без колебания поставить их на службу ГКЧП, можно было бы сделать то, что не удалось всем этим танкам и бронетранспортерам. Но, во-первых, и среди руководства нашей телерадиокомпании не было единодушия. А

во-вторых, срабатывал инстинкт самосохранения. Простите за откровенность, но получилось бы, что Кравченко самолично стал главным идеологом путча. Ему и голову оторвали бы одному из первых – не так ли?

Именно на фоне этих непрерывных дебатов, бесконечных телефонных звонков, нескончаемых выволочек, претензий, раздававшихся с разных сторон – от «красных» и «белых», – мы приняли решение направить к Белому дому передвижную телевизионную станцию для проведения 21 августа прямой трансляции заседания российского парламента.

Но накануне вечером я был вызван на заседание ГКЧП в связи с предстоящим принятием постановления о регламентации деятельности телевидения и радиовещания. В какой-то степени я сам туда напросился. Ведь было унизительно и крайне непрофессионально продолжать вещание по модели сдвоенного канала. Надо было «разморозить» второй канал, который принадлежал России.

Прибыл на заседание около восьми часов вечера. Зашел прежде в приемную Янаева, которого хорошо лично знал. Какое-то время мы даже в одном доме жили. Когда из кабинета вышел сам Янаев, он был очень утомлен. Спросил меня с какой-то досадой: «Лень, а ты чего тут торчишь?» Я по-простецки ответил: «Геннадий, меня Борис Пуго позвал на заседание. Вы же собираетесь принять постановление по телевидению и радио. Вроде с тобой согласовано…» – «Ну да, верно. Что ж, пошли на заседание, это этажом выше», – согласился Янаев.

Когда поднимались наверх, на площадке между этажами в полутьме наткнулись на строительные леса. Видно, днем тут еще занимались ремонтом. Янаев решительно нырнул под эти леса, я – за ним. Когда оба отряхивались от пыли, он не без юмора заметил: «И тут… твою мать, баррикады понастроили!»

В приемной перед залом заседаний было полным-полно разного народу. Обратил внимание на маршала Ахромеева. Пожали друг другу руки. «Вот, срочно прилетел из Сочи, прервал отпуск. Бедлам какой-то. Надо действовать решительно», – твердо заявил он.

Поначалу уединились основные действующие лица – члены ГКЧП. О чем-то совещались за закрытой дверью. Через полчаса позвали остальных. Янаев сразу же зачитал драматическое заявление, которое шокировало, как мне показалось, даже самых ближайших сподвижников. Он объявил, что ни при каких условиях нападение на Белый дом или любое другое государственное учреждение России в Москве не состоится. И тут же отдал это заявление мне со словами: «Срочно в программу

«Время».

Возникла гоголевская немая сцена. Затем состоялся короткий обмен мнениями. Смысл реплик сводился к следующему: членов ГКЧП по радио и по ТВ уже открыто объявляют государственными преступниками (я это принял на свой счет), а мы должны дать гарантию, что ни одно российское правительственное учреждение не будет захвачено, и объявить, что слухи насчет ареста руководителей России – чистый вымысел. Янаев обвел взглядом всех и спросил: «Действительно кто-то есть, кто считает, что надо нападать на Белый дом?» В зале повисло молчание. Тем не менее он тут же попросил меня вернуть его заявление назад. Оно так и не увидело свет.

Затем с краткой справкой выступил Бакланов. Он обрисовал тяжелую социально-экономическую ситуацию в стране на этот час и сказал, что обещанные в обращении к народу снижение цен и другие льготы не проводятся в жизнь. Необходимо срочно находить средства, чтобы поддержать обещания ГКЧП. Присутствовавшие на заседании первые заместители председателя правительства Виталий Догужиев и Юрий Маслюков довольно резко на это отреагировали. «Когда вы сочиняли свои документы, то с правительством не согласовали», – возразил Юрий Маслюков. Он напомнил, что в бюджете – полная дыра и, когда давались обещания, не учитывалось, что средства неоткуда взять.

В это время без обсуждения мне вручили документ, регламентирующий работу ТВ и радио. Я его просмотрел и шепнул на ухо Борису Пуго: «Что делать?» Он порекомендовал срочно передавать в эфир. До программы «Время» оставались считаные минуты, поэтому документ факсом направили на телевидение.

В те же минуты меня позвали в приемную к телефону. Оказывается, звонил Владимир Щербаков, первый заместитель премьера.

– Я пытался передать для программы «Время» срочный документ, но без твоего разрешения его не принимают, – жаловался он.

Я, естественно, поинтересовался содержанием документа. Оказывается, это было сообщение правительства о назначении Виталия Догужиева исполняющим обязанности премьер-министра. Валентин Павлов «занемог».

По правительственному телефону я дал соответствующее распоряжение и остался в приемной у телевизора. Вскоре объявили перерыв, и участники заседания ГКЧП потянулись в приемную. Среди первых появились Догужиев и Маслюков. Я тут

же подошел к ним и рассказал о звонке Щербакова. Лицо Догужиева перекосилось в гневе.

– О каком заседании правительства может идти речь, если мы с Маслюковым здесь?! – возмущался Догужиев. – Щербаков спихнул на меня свои обязанности замещать Павлова. Этот номер у него не пройдет!

Виталий Догужиев, человек невысокого роста, весь взъерошенный, продолжал негодовать. Его успокаивал большой добродушный Юрий Маслюков:

– Виталий Хусейнович, ну что ты, ей-богу, кипятишься? Ничего страшного, ну побудешь пару дней премьером, – говорил он с явным сарказмом. – Знаешь, поедем отсюда, рванем по стакану водки за наше здоровье и твое назначение – и все на том. Здесь больше делать нечего.

Так они и сделали. Их примеру последовал и я, отправившись на дачу в Жуковку.

На следующий день мы организовали прямую трансляцию заседания российского парламента. Несколько раз повторно давали его в эфир.

Где-то около половины пятого вечера мне позвонили руководители обеих палат Верховного Совета СССР Иван Лаптев и Рафик Нишанов с предложением прокомментировать события, дать оценку военно-политическому путчу как попытке государственного переворота. Их выступление планировалось показать вечером в программе «Время». Я, естественно, дал согласие.

Появились они около семнадцати часов, очень волновались. Запись не получалась, сделали несколько дублей. И тут вдруг в студии раздается телефонный звонок. В трубке слышу женский голос: «Это из Фороса. С вами хочет переговорить Михаил Сергеевич Горбачев». Я попросил перезвонить мне через пять минут в мой кабинет, там ведь телефон правительственной связи. И действительно, через несколько минут услышал характерный голос президента:

– Приветствую тебя, Леонид! Я полностью овладел ситуацией в стране. Успел уже переговорить с президентом США. А тебя прошу записать мое официальное заявление для советского телевидения!

Он стал надиктовывать текст заявления, а в самом конце добавил:

– Я считаю, Леонид, что ты сам должен огласить в программе «Время» мое заявление. Кстати, хочу спросить тебя: ты заодно, что ли, был с этим ГКЧП? На кой черт ты показал их пресс-конференцию?

Я возразил и рассказал Горбачеву о моей нелегкой участи человека, оказавшегося заложником этих событий.

– Ну ладно, не переживай, – сказал, прощаясь, Горбачев. – Приеду в Москву, во всем разберемся.

Когда сумел расшифровать свои записи, надиктовать машинистке текст, задумался: вправе ли я лично выходить в эфир с этим заявлением? Не пошло ли это будет выглядеть? Как бы то ни было, после некоторых размышлений пришел к выводу, что все-таки правильно будет в такой момент воспроизводить официальное заявление президента СССР не руководителю государственной телерадиовещательной компании, а диктору телевидения. Что и было сделано. О чем я никогда не сожалел.

Странным и тяжелым было утро 22 августа. Я приехал на работу, и мой первый заместитель Лазуткин сообщил, что у него в гостях министр массовой информации РСФСР Полторанин. Надо встретиться. Зашел к ним. Полторанин без обиняков сделал официальное заявление, что я отстранен от должности председателя Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании и на этот счет будет указ президента Ельцина. Заодно Полторанин предупредил меня об уголовной ответственности, поскольку на телевидении зачитывались документы ГКЧП. Мы остро поспорили. «Не Ельцин, – возражал я, – назначал меня руководить телевидением и радио Советского Союза, и не ему меня освобождать от должности. Это вправе делать только Горбачев».

Однако я был наивен. Через день со входной двери моего кабинета была сорвана табличка «Л.П. Кравченко», а вместо нее кто-то повесил листок: «Государственный преступник». Тогда же сначала последовал указ президента России о моем увольнении, а сутки спустя этот неправовой документ заверил своим указом президент СССР.

Михаил Сергеевич не захотел пригласить меня, расспросить, как мне работалось в дни чрезвычайного положения. Впрочем, он всегда в первую очередь беспокоился только о себе. Интересы великой державы, интересы многомиллионной партии, вскормившей его, интересы народа с легкостью были отодвинуты ради спасения личного престижа – своего и своей семьи.

Глава 27
Прокурорские допросы и обретение свободы

Далее события последовали с калейдоскопической быстротой. Михаил Горбачев, как сразу стало ясно, вернулся не президентом, а человеком абсолютно зависимым от Ельцина. Он послушно объявил о роспуске правительства и начал подбирать новых министров. Митинги и манифестации с проклятиями в адрес ГКЧП и в поддержку Ельцина проходили повсюду по стране, создавая обстановку психоза. Вот-вот могли последовать тотальные карательные меры.

До сих пор в памяти стоят несколько крупных событий. Одно из ярких – заседание Верховного Совета России, где собрались отпраздновать свою великую победу верные Ельцину депутаты. А сам он царствовал в президиуме. Милостиво пригласили на заседание Михаила Горбачева, который чувствовал себя вовсе не победителем, вырвавшимся из плена своих бывших соратников – гэкачепистов. Он явился на заседание Верховного Совета РФ «подранком», у которого еще была высокая должность президента, но у него уже отняли почти все его полномочия.

Жалкий вид был у Горбачева. Особенно когда он стал объясняться с трибуны, а в этот момент могущественный, самоуверенный Ельцин ехидно оповестил еще действующего генерального секретаря ЦК КПСС, что он подписывает указ о запрете партии. Да еще так сурово сказал, что можно было поверить, будто все 19 миллионов коммунистов причастны к августовскому путчу. А когда униженный Горбачев попросил: «Не торопитесь с запретом, Борис Николаевич», – на лице Ельцина читалась одна только неумолимость. Вот он великий момент для российского лидера, когда он поставил к стенке своего в недавнем прошлом великого соперника и перед лицом всего мира повергнет его.

О чем тогда думал Горбачев, что чувствовал он? Может, успел вспомнить свои неуклюжие дипломатические шаги по утихомириванию Ельцина, может, снова посожалел, почему не сослал его в свое время в Зимбабве, может, усомнился, что не дал согласия делегации ГКЧП действовать, хотя сам же еще весной готовил сценарий ввода чрезвычайного положения в стране… Может, просто чувствовал себя загнанным в клетку пленником, и это было пострашнее, чем комфортно отсиживаться в Форосе и

ждать, кто верх возьмет. А потом при любом исходе вернуться в Москву победителем?

Победителем не вышло. Вся его нерешительность, двуличие обернулись предательством своих недавних соратников.

Будь он Ельциным, а не Горбачевым, окажись Ельцин в положении Горбачева в форосском «заточении», вот тогда бы страна почувствовала, как он сходит с трапа самолета настоящим победителем и готов немедленно и круто взять в свои руки все вожжи по управлению государством. Но у Горбачева никогда не было мощи характера и воли Ельцина. А слабые вожди чаще предают, лишь бы свою персону обезопасить.

КПСС распустили, прежних руководителей всех уровней основательно прочистили, что потом обернется потерей десятков тысяч квалифицированных кадров. И это кара только за то, что они работали в советское время. На их место кинутся дельцы, не умевшие управлять, но быстро научившиеся воровать.

Вообще стало страшно, что развернется «охота на ведьм». Надо отдать должное Ельцину – этого он не допустил.

Но зато он всласть покуражится в тот день, когда соберется в Кремле разгневанный депутатский корпус СССР на свой Чрезвычайный съезд. Негодующие депутаты затребуют отчета президента Горбачева, а им не только не дадут возможности проводить заседание, но в издевательской форме отключат в зале свет. Некоторые депутаты попробуют продолжать выступления с трибуны, включая фонарики и зажигалки, но потом, громко матерясь и проклиная Горбачева, выйдут в кремлевские дворы, продолжая дискуссии там.

Я был среди них, я даже встретился и по-дружески обсудил эту абсурдную ситуацию с народным депутатом Егором Яковлевым, которого срочно назначат на мое место руководить телевидением и радио.

Он, правда, долго не продержится в этом кресле, и его сменит (страшно сказать!) сам великий идеолог, бывший член политбюро Александр Яковлев. Но если берешься не за свое дело, ничего путного не получится. Заменить Кравченко на телевидении не удастся ни одному, ни другому Яковлеву. Последнего будут просто освистывать на трибуне, и он, разобидевшись на всех, громко хлопнет дверью. А на прощание сократит всех работников телевидения, кроме службы информации. Тысячи профессионалов будут выброшены на улицу и попытаются потом создать свои независимые небольшие телекомпании.

Меня же волновала тогда собственная судьба. И хотя я успею устроиться работать в редакцию «Юридической газеты» и даже близко познакомлюсь там с Владимиром Жириновским,

создавшим свою партию ЛДПР, меня уже скоро позовут в Генеральную прокуратуру России.

Начнутся томительные допросы перед двумя телекамерами по делу о ГКЧП. Я ведь тогда даже святым духом не ведал, что Борис Ельцин не простит мне моей независимости в годы противостояния с Горбачевым.

Наступит время, когда Михаил Полторанин по-дружески подарит мне оригинал указа Ельцина «О средствах массовой информации в РСФСР», где в пункте 3 будет указано о моем освобождении от должности, а Прокуратуре РСФСР – дать правовую оценку моим действиям. Михаил признался, что указ Борис Николаевич подписывал в нетрезвом виде, но какое это имело значение! Важно другое – меня начали вызывать на многочисленные допросы.

Они проходили по нелепейшей случайности в здании бывшего Отдела пропаганды ЦК КПСС. Допросы выглядели вначале как свидетельские, но потом я узнал, что уже по моему делу со свидетельскими показаниями прошли многие десятки работников телевидения и радио.

Сначала следовали телезаписи допросов, потом через несколько дней снова вызывали, чтобы я полностью отсмотрел пленку допроса и подписался, что не имею технических претензий. Потом мне давали сокращенный вариант «бумажного» протокола допроса. Всякий раз я убеждался, что там столько вольностей и интерпретаций допущено – ни в какие ворота! Я терпеливо брал чистые листы бумаги и заново переписывал собственные свидетельские показания. Они, естественно, отличались от телевизионных – извращенных показаний.

Несколько месяцев шла такая игра со мной. Я устоял. Поддерживало то, что мне помогали мои товарищи своими рассказами о следственных допросах, где они уже побывали по делу о причастности телевидения и радио к ГКЧП и конкретно – причастности Кравченко.

Неожиданно приятно было обнаружить, что следственную группу возглавляет Борис Тарасов, следователь по особо важным поручениям. Мы с ним были хорошо знакомы раньше, когда он выступил у нас в качестве автора одного из документальных фильмов по громкому уголовному делу. Фильм я тогда отсматривал, делал замечания, и он успешно прошел по телевидению.

Борис Тарасов относился ко мне без внешних подозрений, но допросы были непростыми. Больше всего следователей интересовали сведения об основных деятелях ГКЧП. Естественно, я прекрасно знал каждого и характеризовал вполне объективно!

Спрашивали, например, о Геннадии Янаеве: «Верно ли, что любит спиртное?» Я не врал, отвечал, что верно, но отношения у нас с ним были хорошие. Очень высоко отозвался о Пуго, который, на мой взгляд, был честнейшим человеком и настоящим, убежденным коммунистом.

Все эти месяцы я почти не спал – столько роилось всяких мыслей. А главная была: «Как же мы потеряли великую страну?»

Один эпизод из допросов врезался в память на всю жизнь. Я приболел, с высокой температурой побывал в поликлинике. Надавали мне рецептов, но в аптеку не успел, поскольку срочно позвали в прокуратуру. Борис Тарасов объяснил, что это, скорее всего, наша последняя встреча, переносить ее нельзя и я сам пойму почему. Больше часа я маялся в прокуратуре, а потом мы отправились в Лефортово на очную ставку с бывшим заместителем генерального секретаря ЦК КПСС Олегом Шениным.

С депутатским удостоверением я поднялся с Тарасовым на четвертый этаж знаменитого следственного изолятора.

…Открыли дверь в одну из комнат, и я сразу увидел справа за столом Олега Шенина с его адвокатом. Они сидели, а больше в камере не было ни одного стула.

Я протянул руку Шенину, чтобы поздороваться. Но он отвернулся от меня и уставился в «Комсомольскую правду», которая лежала перед ним на столе.

Для меня все было неожиданно, особенно многочисленные вопросы адвоката Шенина о том, как и при каких обстоятельствах я получил рано утром 19 августа 1991 года от Шенина документы, которые были подписаны членами ГКЧП. Я рассказал, как меня ночью привезли в ЦК, где я встретился с Шениным в его кабинете. Мы сидели друг против друга за широким столом, и Шенин отдал мне на ознакомление документы, которые я срочно должен был доставить в Останкино для информационных выпусков на телевидении и радио.

Адвокат как будто дурачился. Он снова и снова спрашивал меня, уверен ли я, что Шенин точно знал, какие документы мне передает, мог ли он видеть через стол содержание текстов, когда я открыл папку с ними. Я возмутился: «Что за вопросы мне задаются? Естественно, Шенин все знал и даже дал инструкцию, как их передавать в эфир».

Но тут прорвало самого Шенина, который обвинил меня, что в статье «Комсомольской правды» я оболгал его. Но статья ведь не моя, а редакционная, и ссылки на меня взяты из интервью, которое я накануне давал газете. Но заголовок и большинство формулировок публикации исходили не от меня.

Более двух часов длились эти перекрестные допросы, где хотели выставить меня виновником. Я вопросы едва успевал записывать на рецептах (другой бумаги мне не дали) и, как мог, отбивался от наседавших на меня Шенина и его адвоката.

Когда все кончилось и я вышел на улицу, то едва стоял на ногах. Меня поддерживал Борис Тарасов. Я поинтересовался у него, почему такие странные вопросы были от обвиняемого. На что он сказал: «Это были очень грамотные люди. Они хотели доказать, что Шенин лишь исполнил роль передаточного механизма при вручении вам документов. Он мог и не знать их содержания. Вот такая линия поведения у них. Кроме того, надо иметь в виду, что Олег Шенин уже был ранее судим. Он прекрасно знает все юридические тонкости».

Так я нечаянно узнал, что еще в прошлом будущий лидер КПСС отсидел несколько лет за какие-то махинации на стройках в Сибири.

Через день Тарасов снова позвал меня. Но это был уже не допрос. Он сказал, что я хорошо держался, и поинтересовался: «Почему ни разу не позвонил в вашу защиту Горбачев? Одного звонка было достаточно, чтобы к вам никто не приставал…»

В ответ я только развел руками. Мы потом вместе шли до метро. Он ясно дал понять, что следствие по моему делу прекращается, никаких провинностей не замечено.

– Другое дело, если бы победил ГКЧП, а вы не дали этих документов в эфир, тогда уже действительно на законных основаниях вас бы посадили. Потому что в Законе о СМИ сказано, что официальные документы, подписанные высшими руководителями страны, передавать по телевидению и радио следует без каких-либо правок.

Вот такой поворот событий! Значит, мне вообще напрасно «шили дело». Ведь под документами действительно стояли подписи всех высших государственных деятелей, кроме Горбачева.

Но все эти допросы дорого обошлись мне. Несколько месяцев я пролежал в больнице, продолжая мучиться бессонницей и нервными стрессами.

А в России жизнь накалялась. Еще обнаружилась куча предателей и политических негодяев. Один из них – Вадим Бакатин, назначенный Горбачевым на пост руководителя КГБ. Он однажды собрал пресс-конференцию и продемонстрировал на весь мир наши закладные подслушивающие устройства в новом здании американского посольства. Бакатин крутил перед собой разные детали, мини-микрофоны и т. д. Не сказал одного: все здание американского посольства в Москве, нашпигованное

жучками в строительных конструкциях, представляло собой единый комплекс – гигантский передающий и принимающий экран. По подсчетам специалистов, это ноу-хау оценивалось в миллиард долларов. А Бакатин лишь ухмылялся перед телезрителями. Как будто не понимал, что иностранные спецслужбы начнут поиск в странах, где мы заказали строительные материалы и конструкции для посольства США, непосредственных изготовителей, а через них выявят сотни наших агентов. Их Бакатин сдал таким почти невинным образом.

В дальнейшем мне доведется работать в «Российской газете», где поначалу Верховный Совет России назначил меня исполняющим обязанности главы новой газеты под названием «Известия Советов народных депутатов». Дело в том, что «Известия» сменили свой статус и стали бичевать депутатов Верховного Совета России, который все больше вступал в прямое противостояние с президентом Ельциным. Хасбулатову понадобится дополнительная поддержка в лице новой газеты. И Верховный Совет утвердит меня в должности главного редактора. Это может показаться невероятным, но так было. Одновременно я был временно назначен первым заместителем главного редактора «Российской газеты». Через нее, как финансового донора, предстояло подготовить первый выпуск будущих «Известий».

Мое назначение состоялось, по иронии судьбы, в августе 1993 года. Опять август! Пройдет месяц, и накал противостояний между Верховным Советом и Ельциным достигнет апогея. Белый дом – здание Верховного Совета России – будет расстрелян из четырех танков, и он будет гореть на глазах у всего мира.

Все крупнейшие телекомпании мира будут вести прямые трансляции с этого трагического события – единственного в своем роде. Нигде и никогда еще президентская власть не расстреливала свой парламент!

Событие поистине сенсационное. Оно ознаменовало «высший уровень российской демократии» и ее выдающегося представителя Бориса Николаевича Ельцина.

Мои учредители «Известий народных депутатов» окажутся в Лефортове, а сама газета не сможет выйти в свет. И Хасбулатов, и другие руководители Верховного Совета окажутся под следствием. На память об этом у меня хранится удостоверение главного редактора «Известий», до сих пор не освобожденного от этой должности. Освобождать было некому.

А тем временем в «Российской газете» тоже проходили драматические события. Главного редактора газеты А. Логунова с третьей попытки заменят на Н. Полежаеву. Ее представление на редколлегии было сенсационным, а точнее – фельетонным.

Обычно эта церемония проводится на высоком уровне. Раз уж речь идет о правительственной газете, главного редактора как минимум представляет либо председатель правительства, либо его первый заместитель. А в нашем случае неожиданно на редколлегии появились заместитель министра по печати, сама Наталья Полежаева и сопровождавшие ее два автоматчика. Логунову было приказано с употреблением матерных слов покинуть свой пост, что он и сделал.

Мне довелось потом поработать в «Российской газете» первым замом главного редактора пять лет. И это были годы хорошего журналистского творчества. После того Госдума и Совет Федерации поручили мне создать и возглавить «Парламентскую газету».

Но вот один эпизод из истории «Российской газеты» мне непременно хочется вспомнить. Это как раз тот момент, когда в Лефортове оказались Хасбулатов, Руцкой и другие знаменитости. Шли допросы, тянулось время, но было ясно, что этих «заговорщиков» надо все-таки амнистировать.

Ельцину это было очень противно, но ничего не поделаешь: они даже на ГКЧП не дотягивали, а тех уже оправдали. И вот принимается решение Госдумы об амнистии. Это означало, что уже завтра они должны покинуть лефортовский следственный изолятор.

Решение об амнистии пришло в «Российскую газету» для опубликования. Эта газета является по статусу официальным публикатором всех законов, указов президента, постановлений правительства, Федерального собрания и его обеих палат и т. д. Вступают все эти документы в силу со дня опубликования в «Российской газете».

Дело было в пятницу. Я, как первый зам. главного редактора, вел номер. Главный редактор Н. Полежаева вечером присутствовала на дне рождения Патриарха. В номере уже запланировали поместить постановление Госдумы об амнистии Хасбулатова, Руцкого и иже с ними. Откуда-то пронюхали об этом зарубежные телекомпании и напросились к нам в гости. Я понимал, что они хотят снять телесюжеты о том, как выйдет в свет «Российская газета» с сенсационным документом, а завтра они бросятся дежурить у лефортовского специзолятора, чтобы зафиксировать выход на свободу заключенных.

К 18.00 в печатном цехе, где версталась газета, меня окружили с телекамерами больше десятка иностранцев.

Надо подчеркнуть, что правительственная газета выходила в свет двумя выпусками. В 18.00 уходил тираж на страну, а до 22.00 выпускался так называемый московский тираж.

Наступил момент, когда уже пошел в печать первый выпуск. Телеоператоры это снимали. Брали у нас интервью, как вдруг меня подозвали к телефону, который был в кабинете начальника печатного цеха.

Я представился. Со мной говорил Б. Сатаров – один из первых помощников Ельцина. Он в категорической форме от имени президента России потребовал не публиковать постановление Госдумы. Я ему спокойно объяснил, что первый выпуск уже пошел на страну и его не остановить.

– Ну тогда в московском выпуске не печатайте! – потребовал он.

Я спокойно объяснил, что нарушать закон о порядке публикации официальных документов не имею права. Но в ответ он пригрозил, что обо всем немедленно доложит Ельцину.

«Пожалуйста, ваша воля, – сказал я в ответ. – Но только мне нужно пять минут еще, чтобы я поднялся в свой кабинет, где у меня стоит правительственный телефон. И скажите Борису Николаевичу, что номер выпускает в свет Кравченко, бывший председатель Гостелерадио СССР».

Я поднялся к себе в кабинет. Ждал десять минут, полчаса, а потом понял – звонка не будет. Позже я узнал, что Ельцин, услышав мое имя, выругался и сказал: «Все бесполезно, с ним не договоришься».

Однако наутро была предпринята хитрая акция. Ельцин решил действовать через генерального прокурора России Казанника – того самого народного депутата СССР, который подарил собственный мандат Ельцину в Совет национальностей Верховного Совета СССР. Однако и Казанник уже знал, как развиваются события, и потому рано утром он уехал в неизвестном направлении. Все-таки суббота, можно вроде бы где-то отдохнуть.

Казанника настойчиво искали. Арестантов долго не выпускали из Лефортова. Напряжение нарастало. Там уже появились депутаты Верховного Совета с жесткими требованиями. Гневались адвокаты заключенных. И вот наступил долгожданный момент – заключенные вышли на свободу и попали в объятия сотен людей.

Прошло время. У меня были встречи и с Хасбулатовым, и с Руцким. Они благодарили меня за принципиальность. А я пережил еще один стресс…

Пройдут еще годы. На одном из приемов в Кремле у президента России Владимира Путина мы встретились с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Он по-дружески обнял меня, посмотрел пристально и спросил: «Леонид, почему ты так

поседел?» А я ему также по-дружески ответил: «Это все произошло при вас и из-за вас».

Мы оба поняли, как далеко развела нас политическая судьба. А потому общаться дальше не хотелось ни ему, ни мне. Мне в особенности.